

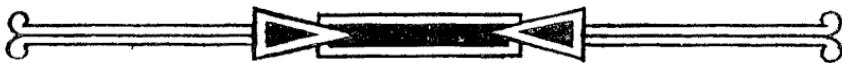
И. С. ПЕРЕТЕРСКИЙ

ДИГЕСТЫ ЮСТИНИАНА

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ СОСТАВЛЕНИЯ
И
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

*Государственное издательство
юридической литературы
Москва — 1956*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение	3
--------------------	---

Глава I

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОСТОЧНО-РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ VI ВЕКА Н. Э.	6
---	---

Глава II

СОСТОЯНИЕ РИМСКОГО ПРАВА К НАЧАЛУ VI ВЕКА Н. Э.	11
--	----

§ 1. Сочинения юристов	13
§ 2. Конституции	18
§ 3. Отражение в римском праве местных юридических институтов	20
§ 4. Влияние христианства на римское право	25
§ 5. Юридические сборники	27

Глава III

CORPUS IURIS CIVILIS	30
---------------------------------------	----

§ 1. Название Corpus iuris и его состав	31
§ 2. 50 решений	33
§ 3. Institutiones sive Elementa	33
§ 4. Codex Iustinianus	34
§ 5. Novellae	36
§ 6. Юстиниан и Трибониан	37
§ 7. Реформа юридического образования	40

Глава IV

DIGESTA, ИЛИ PANDECTAE	42
---	----

§ 1. Структура Дигест	45
§ 2. Порядок составления Дигест	50
§ 3. Система и содержание Дигест	55
§ 4. Сочинения римских юристов, использованные в Дигестах	62
§ 5. Вопрос о выработке римскими юристами определений и общих положений	67
§ 6. Рукописи Дигест	74

Гла́за V

ИНТЕРПОЛЯЦИИ	78
§ 1. Общие понятия	78
§ 2. Виды интерполяций и способы их установления	83
§ 3. Глоссемы	92

Гла́за VI

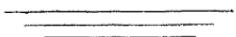
ОЦЕНКА ДИГЕСТ	96
----------------------	----

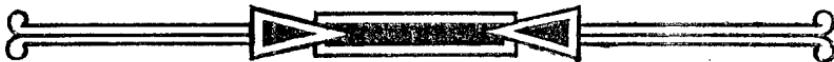
ПРИЛОЖЕНИЕ I. Перевод 1-го титула 1-й книги Дигест «О правосудии и праве»	
---	--

ПРИЛОЖЕНИЕ II. Перевод 3-го титула книги 1-й Дигест «О законах, сенатусконсультах и долговременном обычье»	
--	--

ПРИЛОЖЕНИЕ III. Оглавление титулов Дигест	
--	--

Указатель специальной литературы	
---	--

В В Е Д Е Н И Е

Среди крупных законодательных памятников эксплуататорского общества по своему историческому значению первое место, несомненно, занимают Дигесты, или Пандекты, изданные при восточно-римском императоре Юстиниане в 533 году н. э. и представляющие собой свод извлечений из сочинений юристов периода наивысшего развития римского права. Дигесты составляли основной предмет рецепции римского права и потому являлись в течение ряда столетий действующим правом в некоторых странах Западной Европы; на их основе разрабатывалась в феодальном и буржуазном обществе общая теория права, они имели сильное влияние на буржуазные кодификации гражданского права. Дигесты являлись в течение ряда веков предметом изучения, разработки и преподавания на юридических факультетах, им посвящена обширная литература.

К изучению Дигест можно подходить с двух точек зрения.

1. Рассматривать Дигесты как исторический памятник, являющийся в ряде случаев единственным источником наших сведений о древнем римском праве, сложившемся еще задолго до составления Дигест. В этом случае основное значение имеет исследование текста Дигест — его происхождение, произведенные в Дигестах изменения текстов древних памятников и т. п. На основе Дигест проводится реконструкция древнейшего римского права, содержание которого в значительной степени в них и отражено. Правда, в ряде мест это содержание является и неполным и недежным, поскольку составители Дигест использовали далеко не все, даже важные, труды римских юристов, часто вырывали из этих трудов отдельные куски, располагали нередко

поврежденными текстами, наконец, сознательно их изменили. И тем не менее Дигесты являются драгоценным историческим памятником, который не может быть восполнен какими-либо другими источниками, но который требует умелого критического отношения.

2. Рассматривать Дигесты как законодательный памятник, имевший силу закона не только в Византии, но путем рецепции и в ряде государств в более поздние века. В этом случае единственное значение имеет тот текст Дигест, который был утвержден, который мы знаем (кроме некоторых мест) и который реально применялся. При таком взорении история возникновения Дигест не представляет интереса, равно как и изменения, внесенные при составлении Дигест в древние тексты.

В настоящей работе Дигесты рассматриваются как исторический памятник, определяется их место в истории римского права, дается история составления Дигест и их общая характеристика. Поэтому, с точки зрения своего содержания, работа могла бы быть названа «Что такое Дигесты?» И потому хронологически работа заканчивается вступлением Дигест в силу (30 декабря 533 г. н. э.).

Избрав такую систему изложения, автор имел в виду прежде всего то обстоятельство, что в нашей литературе, как дореволюционной, так и советской, нет работ, достаточно полно освещающих Дигесты. Между тем эта тема имеет немалое значение для изучения всеобщей истории государства и права.

Нужно при этом иметь в виду, что настоящая работа и в какой степени не претендует на то, чтобы стать какой-либо главой или параграфом курса истории права. Наоборот, работа предполагает элементарное знакомство с историей римского права (в частности с университетским курсом истории государства и права); поэтому в ней не содержится ни истории отдельных институтов, ни даже объяснения терминов римского права (вроде манципации, кондикции, преторов, эдикта и т. п.). Приведенные в тексте довольно многочисленные отрывки из Дигест имеют характер лишь иллюстраций¹.

К настоящей работе даются четыре приложения: I и II приложения (переводы титулов Дигест — титулы 1-й и 3-й

¹ Текст Дигест приводится по изданию Mommsen-Krüger, а доистиниановские тексты — по изданию Girard-Senn, Textes de droit Romain, 1937.

книги 1-й) имеют целью показать внешний вид Дигест и некоторые общие высказывания римских юристов; III — оглавление титулов Дигест для более конкретного показа вопросов, охватываемых Дигестами, и порядка их расположения; IV — список использованной специальной литературы. Ссылки в тексте содержат указания лишь на фамилию автора книги или статьи; если же данному автору принадлежит несколько работ, то указывается и название работы.

Настоящая работа была задумана автором еще в 1941 году, когда он приступил к переводам «избранных отрывков» из Дигест. Эта законченная, хотя и вчерне, работа выявила необходимость дать общую характеристику Дигест в целом; постепенно накопился материал и для настоящей книги.

Книга была написана во время тяжелой болезни. И если автору удалось кое-что написать, то этим он обязан своим домашним — прежде всего, жене — О. М. Перетерской и лечившим врачам, особенно Е. М. Давыдовой. Все они самоотверженно боролись с постигшим недугом и создавали условия, при которых автор имел возможность заниматься научной работой.

Рукопись книги была прочитана профессором И. Б. Новицким и Е. М. Штаерманом, причем они высказали ряд ценных замечаний, которыми автор с благодарностью воспользовался.

Г л а в а I

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОСТОЧНО-РИМСКОЙ ИМПЕРИИ в начале VI века н. э.

Дигесты являются важнейшей частью кодификации римского права, выполненной в Восточно-Римской империи в 528—534 гг.¹ Рассмотрение Дигест необходимо поэтому начать с выяснения вопроса об основной причине, вызвавшей эти огромные и очень своеобразные кодификационные работы. При этом автор имеет в виду не отдельные частные причины (вроде появления некоторых новых институтов и отмирания отдельных древних институтов), о которых речь будет идти в дальнейшем (глава II), а именно об основной причине, определившей среди прочих последствий и необходимость кодификации (включившей в себя и частичный пересмотр) всего римского права.

Эту основную причину мы должны искать в кризисе, который постиг Римскую империю в III веке н. э., — кризисе рабовладельческого способа производства. Он выразился в экономическом упадке, во все возраставших трудностях отражать наступающих варваров и в непрерывно развивающихся революционных выступлениях рабов и колоннов. Это требовало со стороны рабовладельцев особых мер для поддержания своего классового господства, в частности — усиления верховой власти императоров. Начиная с IV века империя неоднократно делилась на две части, причем каждая имела своего императора. Наконец, в 395 году Восточно-Римская империя окончательно отделилась от Западной и стала самостоятельным государством, рассматривавшим себя, однако, после падения Рима (476 г.) как

единственного преемника прежнего Рима¹. Восточно-Римская империя получает постепенно и самостоятельное название — Византия.

Ввиду того что кодификация в VI веке была произведена именно в Византии, нужно, хотя бы в самых общих чертах, обрисовать границы Восточно-Римской империи, в которой эта кодификация получила непосредственное применение.

В начале царствования Юстиниана (527 г.) в состав Восточно-Римской империи входили лишь Малая Азия, Балканский полуостров, восточный берег Средиземного моря, Финикия (Ливан, Палестина), Египет. В царствование Юстиниана (до 565 г.) был завоеван ряд территорий, в частности Апеннинский полуостров (причем прагматической санкцией 554 года Юстиниан распространил свое законодательство и на итальянские провинции), южная часть Пиренейского полуострова, северный берег Африки. Однако при преемниках Юстиниана территория Византии быстро уменьшалась. Завоевания Юстиниана были куплены дорогой ценой разорения Востока. Немало средств брала и организация христианской церкви (М. В. Левченко, Материалы, 94) в целях обеспечения поддержания ею государства.

Разрешение вопроса о том, к какому типу государства должна быть отнесена Восточно-Римская империя, или, другими словами, являлась ли Римская империя рабовладельческим или феодальным государством, облегчается тем, что характер Западно-Римской империи (до конца V века) был подвергнут обстоятельному рассмотрению в нашей исторической литературе². Необходимо, однако, иметь в виду, что хотя кризис рабовладельческого способа производства охватил обе половины Римской империи, Восток сохранил большую экономическую устойчивость. Хотя рабство и не являлось основой всего производства, но на Востоке играло еще значительную роль (М. В. Левченко, История, 20),

¹ Поэтому является объяснимым, что Дигесты, составленные в Византии, оперируют материалами, выработанными не в Византии, а в прежней единой Римской империи, в частности в западной ее половине, уже утратившей свое особое политическое существование в 476 году.

² См., в частности, учебники Н. А. Машкина и С. И. Ковалева и статьи Е. М. Штаермана, А. П. Каждана, А. Р. Корсунского, М. Я. Сюзюмова, А. Г. Гемпа. Ряд выводов этих авторов должен быть применен и к Восточно-Римской империи.

причем пользовались распространением рабовладельческие поместья (А. П. Каждан). При этом положение рабов в известной степени улучшилось, что свидетельствует о дальнейшем кризисе рабовладения (Е. М. Штаерман, «Проблемы» и «Рабство»). Кроме того, некоторые изменения в положении рабов обусловливались, как и раньше, государственными интересами, которые в особо важных случаях превалировали над интересами отдельных рабовладельцев. Если в древности господин всецело устранил раба от участия в государственных делах, то еще Модестин (III век) говорит, что по делам об оскорблении величества римского народа «рабы, предъявляющие обвинение против своих господ, должны быть выслушаны» (Д.48.4.7.2). Но во всяком случае за господами сохранялась свобода эксплуатации рабов.

В Византии не было таких разрушений, какие произошли на Западе в результате вторжения варварских племен, она сохранила большие экономические ресурсы. Поэтому немалое значение имели крупные и богатые города (например, Константинополь, Александрия, Антиохия, Фессалоники). В силу этого Восточно-Римская империя (в особенности во времена Юстиниана) характеризовалась большим развитием ремесла и торговли, чем Западная («История средних веков», 74). Сохранившая еще значительный объем торговли с бесчисленным количеством торговых сделок требовала твердой нормировки прав рабовладельцев и регламентации этих сделок. А как мы знаем, римское право было наиболее совершенной формой права, покоящегося на частной собственности¹. Эта важная часть классического римского права являлась вполне пригодной и для Византии.

Если основы римского рабовладельческого права соответствовали интересам господствующего класса Восточно-Римской империи, то нужно иметь в виду, что в римское право начиная с IV века был привнесен ряд нововведений, иногда серьезных, причем эти нововведения производились главным образом законодательной деятельностью императоров (см. следующую главу).

Отметим пока один институт, который явился переходным к феодальным отношениям и который, хотя и зародился до образования Восточно-Римской империи, но имел в Византии гораздо большее значение, чем его зачатки в еди-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 104.

ной Римской империи. Имеется в виду прикрепление к отдельным профессиям и корпорациям различных групп населения, в первую очередь к колонату. В древних памятниках колон — свободный земельный арендатор, пользующийся чужой землей по договору с землевладельцем. Но с IV века, после кризиса империи, колон — уже зависимый арендатор, причем степень этой зависимости усугубляется. Рабы, посаженные на землю, оставаясь юридически рабами, фактически превращались в крепостных. Они вели хозяйство на мелких участках, а ранее свободные арендаторы начали постепенно нисходить до положения рабов, посаженных на землю. Показательным является тот факт, что рабы и колоны неоднократно совместно боролись против эксплуататоров. Из законодательных правил следует отметить, что в отношении наказуемости некоторых преступных деяний колоны, как и вообще лица низших сословий, занимают положение, близкое к рабам. Например, за повреждение границ земельных участков рабы ссылались в рудники, свободные низших сословий направлялись на государственные работы (мало отличающиеся от работ в рудниках), а «благородные» высылались на остров и наказывались штрафом («Сентенции Павла», 5.22.2). Но говорить о полном юридическом приравнении колонов и рабов не представляется возможным: колон формально признавался свободным и мог пользоваться некоторыми личными правами; он не мог лишь оставлять своей профессии, покидать свой участок. Колоны вообще — это новая социальная группа, новое сословие, обладающее некоторым особым юридическим положением¹.

Принудительное прикрепление низших слоев населения к определенному месту жительства и роду занятий распространилось не только на колонов. Были учреждены принудительные корпорации судовладельцев, торговцев и ремесленников. Даже чиновники превратились в наследственное сословие.

Сохранение бесправного положения рабов и законодательное закрепление, путем актов императорской власти,

¹ Из обширной литературы о колонате см. прежде всего К. В. Островитянов, 77; А. Б. Ранович, Восточные провинции, 23; М. В. Левченко, Материалы и история; А. Р. Корсунский, А. Г. Гемп, М. Я. Сюзюмов, Некоторые законодательные материалы о колонате см. «Сборник документов по социально-экономической истории Византии», 22 и сл., 45 и сл.

сословного деления общества (А. Е. Рогинская, 90) свидетельствуют о зарождении в Восточно-Римской империи предпосылок феодально-крепостнической эксплуатации («История средних веков», 23). В частности, в виде колоната в недрах рабовладельческого общества появились элементы феодализма.

В результате мы должны признать, что в IV—VI вв. Восточно-Римская империя была разлагающимся рабовладельческим государством (БСЭ, изд. 2-е, ст. «Византия»). Специфической особенностью Византии, как последней стадии рабовладельческого общества, было сохранение сильных пережитков рабства при развитии крепостнических форм эксплуатации. Новый способ производства здесь развивался в условиях сохранения внешней формы старого государства, в частности императорской власти (М. В. Левченко, История, 27). Вместе с тем необходимо отметить, что в Византии сохранилось большое количество свободных крестьян (в Сирии, Египте и в особенности на обширных территориях Балканского полуострова).

Правление Юстиниана было последней судорожной попыткой класса рабовладельцев сохранить свое господство (Прокопий, Вступительная статья, 5). Стремление к определенности права и к приведению правовой части надстройки в соответствие с существующими производственными отношениями играло здесь немаловажную роль.

Кризис рабовладельческой системы хозяйства имел одним из своих последствий многочисленные и практически важные изменения в правовой части надстройки древнего Рима. Но это еще не значило, что можно было отказаться от овеянного величием старины прежнего права, что нужно было заново создавать все законодательство. С сохранением добротного материала древнего Рима нужно было внести (или, лучше сказать, закрепить) ряд дополнений, сокращений и изменений. То обстоятельство, что применять старое законодательство было нецелесообразно, а создать новое не было возможным, и заставило римских юристов идти по среднему пути — по пути кодификации.

Г л а в а II

СОСТОЯНИЕ РИМСКОГО ПРАВА к началу VI века н. э.

Кодификация римского права, произведенная в VI веке, является одним из следствий кризиса рабовладельческой системы хозяйства. Одного этого объяснения еще недостаточно для уяснения непосредственных причин осуществления кодификации в той форме, которая была избрана. Для объяснения, если можно так выразиться, юридических причин кодификации мы должны обратить внимание на устарелость отдельных частей древнего права и необходимость принятия мер для достижения современности и определенности права. Этот вопрос не подвергся еще систематической разработке в буржуазной литературе, которая довольствуется общими и голословными утверждениями. Достаточно напомнить, что один из наиболее видных дореволюционных русских романистов, И. А. Покровский, ограничивается таким утверждением: «Чувствовалась общая потребность в полном и официальном пересмотре всей правовой системы, в подведении итогов всего многовекового развития» (стр. 175). Здесь не указано, кем это «чувствовалось» и в чем заключалась эта «общая потребность», а о «подведении итогов» можно было бы сказать лишь в смысле «итогов» определенного периода (ведь, основываясь на Дигестах, и в дальнейшем в течение ряда веков продолжалось развитие византийского права).

Историки античности стараются сгруппировать весь материал вообще и в отношении истории римского права, в

частности, вокруг Греции и Рима, уделяя другим странам недостаточное внимание.

Такого рода «эллиноцентризм» и «романоцентризм» неизбежно приводят к отказу от общеисторической точки зрения (П. Н. Тарков, К истории международных отношений в античном мире, «Вестник древней истории» 1950 г. № 2). И если на Западе римское право с V века уже перестало иметь общее применение и лишь прозябало в виде «варварских» сборников, то иную картину мы видим на Востоке.

Византия и после кодификации просуществовала почти тысячелетие, право там развивалось, отражая менявшиеся производственные отношения. Кодификация VI века была отнюдь не подведением «итогов» римского права, а лишь одним из этапов этого развития (хотя очень важным и получившим огромные исторические последствия за пределами Византии).

Для выяснения конкретных причин византийской кодификации мы должны прежде всего выяснить составные части права Восточно-Римской империи в начале VI века. Основными источниками права являлись:

а) сочинения римских юристов, живших до III—IV вв.; эти сочинения назывались *ius*; однако тем же термином нередко обозначались и конституции римских императоров до разделения империи на две части;

б) императорские конституции, получившие общее название *leges* и постепенно вытеснявшие прежнюю деятельность юристов.

Кроме того, особо следует упомянуть о таком своеобразном виде источников римского права, как эдикты магистратов (главным образом, преторов). Претор, в силу своей высшей власти, ежегодно объявлял, какие группы притязаний будут пользоваться судебной защитой, и тем самым определял круг и признаки охраняемых государством правоотношений. Это давало римскому праву гибкость, обеспечивало его соответствие потребностям оборота. Одним из важнейших видов сочинений крупнейших юристов была выработка комментариев к эдикту и подробнейшая разработка всех вытекающих из эдикта вопросов. Во II веке н. э., в связи с ростом законодательной власти императора, издание новых эдиктов прекратилось, и был закреплен неизменный текст эдикта. Этот текст, равно как и относящиеся к нему комментарии юристов, сохранял свою силу и к

VI веку н. э. Как мы увидим ниже, одной из главнейших частей титулов Дигест являются комментарии к эдикту («масса эдикта»).

§ 1. Сочинения юристов

В период республики и в первые два века монархии основное значение, как источник частного права, имели сочинения юристов. Конечно, юристы не «выдумывали» какое-либо новое право, хотя их работе был в немалой степени присущ творческий характер. Они разрабатывали во всех подробностях и вариантах отдельные вопросы на основании законов, сенатусконсультов, эдиктов. И хотя юристы оставили ряд работ теоретического характера, предназначенные главным образом для первоначального изучения права (так называемые «институции» и т. п.), работа их в основном носила практический характер (комментарии, ответы на обращенные к ним вопросы и т. п.). Чутко улавливая потребности жизни, в первую очередь необходимость закрепления индивидуальной собственности на рабов, землю и т. п., и вообще поддержки существующего строя и разработки отдельных договоров товаровладельцев, юристы обеспечивали современность права, его развитие в уровень с требованиями производственных отношений и, конечно, имели большое влияние на составляемые магистратами эдикты и на выносимые ими решения. Своим практицизмом юристы обеспечили особое значение римского частного права для любого эксплуататорского общества, основанного на подавлении трудящихся масс.

В центре внимания римских юристов стояла охрана интересов собственника, предоставление ему всесторонней защиты имущественных интересов. В ряде случаев видна жадность представителей имущих классов, их стремление воспользоваться любым поводом для получения профита. Например, дается поэтическое определение брака: «божественного и человеческого права общения» (Д.23.2.1). Но если взять иски, вытекающие из приданого (титул 3-й и 4-й книги 23-й Дигест), то видно, что принимаются всесторонние меры к тому, чтобы тестя не обошел зятя — и наоборот. Римские юристы покровительствовали корыстолюбию и жадности. Например, Д.4.3.37: «То, что продавец говорит, чтобы похвалить (свой товар), следует рассматривать как не сказанное и не обещанное»; Д.4.4.16.4: «Относительно

цены покупки и продажи является естественным, что стороны обходят (то есть обманывают. — И. П.) друг друга»; Д.19.2.22: «Подобно тому как при купле и продаже естественным образом допускается покупать за меньшую цену то, что стоит дороже, продавать за большую цену то, что стоит дешевле и таким образом (допускается, чтобы стороны) взаимно обходили (то есть обманывали друг друга. — И. П.), то же является правом и при сдаче в наем и при взятии в наем». Все эти правила могут быть охарактеризованы, как «смотри в оба». И недаром один из юристов указал, что «права написаны для бдительных» (об этом см. главу IV). Стоит еще привести мотивировку Помпонием правила о том, что, в случае смерти замужней дочери, отцу ее возвращается приданое: «дабы он не испытал ущерба вследствие утраты и дочери и денег» (Д.23.3.6. pr.). Отдельные высказывания могут рисовать римских юристов в очень привлекательном виде, но речь идет преимущественно о «словечках», имеющих малое применение. Например, часто цитировалось изречение Цельса (Д.6.1.38): «не следует синходить к злобе». Это указание относится лишь к мотивировке специального и очень легкого случая: если от кого-либо отчужден дом, то не следует разрешать бывшему собственнику счищать гипсовые украшения со стен или картины, ничего от этого не получая, но досаждая новому собственнику. Лишь последующие «обработки» придали цитированному высказыванию характер общего положения.

Римские юристы были вернейшими слугами своего класса рабовладельцев и потому отличались упорным консерватизмом. Они стремились доказать незыблемость, преемственность своих взглядов, любили цитировать своих предшественников. Например, Ульпиан рассматривает вопрос, что значит «убить» (Д.9.2.7 и сл.). Вопрос имеет практическую важность, так как Аквилиев закон (около 287 года до н. э.) возлагал имущественную ответственность за убийство чужого раба. Разбирая этот вопрос на протяжении трех фрагментов, Ульпиан приводит мнения Пегаса, Прокула, Лабеона, Цельса, Нерация, Офилия, Мелы, Юлиана, Марцелла, причем некоторые из этих юристов цитируются по нескольку раз.

Дошедшие до нас сочинения крупнейших римских юристов характеризуют их как очень образованных для своего времени людей. Они великолепно знали не только труды

своих предшественников, но и зачастую цитировали поэтов (в частности, Гомера), философов, ораторов (греческих и римских, например, Демосфена и Цицерона).

Некоторые из них были большими тружениками. Например, Помпоний (выдающийся юрист II века), оставивший много сочинений разнообразной тематики, в одном из своих писем (воспроизведенном в Д.40.5.20) говорит: «на 78 году жизни изучение является единственным основанием жизни, и хотя бы (Помпоний) стоял одной ногой в гробу, но хотел бы изучить еще что-нибудь».

Консерватизм римских юристов не препятствовал тому, чтобы если они видели противоречие существующих высказываний потребностям Римского государства, то вносили необходимые изменения, но по возможности с сохранением старых форм. Необходимость консерватизма юристов неплохо отражена в одной конституции Диоклециана (302 г.): «Относится к величайшим преступлениям отступление от того, что было установлено и определено древними» (*Collatio legum*, 15.3.2).

Материалы, накопленные римскими юристами, перед которыми развивающийся и усложняющийся оборот непрерывно ставил новые и новые задачи, становились все более и более обширными. Расцвет римской юриспруденции падает на III век н. э. (когда, в частности, работали крупнейшие римские юристы Папиниан, Ульпиан и Павел). Не отрицая технического мастерства юристов, заметим, что историческое значение их сочинений заключается в приведении ими в своих работах текстов различных законов (начиная с некоторых текстов XII таблицы), эдиктов, старых конституций, которые иначе не дошли бы до нас. Имеется всего около десятка законов и до 18 сенатусконсультов, дошедших до нас в подлинном тексте (на бронзовых или мраморных досках) и в огромном большинстве случаев не затрагивающих вопросов частного права¹.

¹ Нужно еще отметить четкость и определенность выражения юристами своих мнений (и в этом огромное отличие классических юристов от византийских компиляторов). В виде довольно курьезного образца можно привести письмо Цельса Домицию Лабеону (не смешивать с знаменитым Марком Антистием Лабеоном), вошедшее в Дигесты (28.1.27): Лабеон спросил, включается ли в число свидетелей тот, кто, будучи приглашен написать текст завещания, потом его опечатал. Цельс ответил: «Или я не понимаю, о чем ты меня спрашиваешь, или же твой вопрос является весьма глупым: более чем смешно сомневаться в том, что может ли кто-либо быть правомерно привлечен в качестве свидетеля, так как он также написал текст завещания».

Что дошло до нас из сочинений римских юристов? Не говоря уже о подлинных рукописях, но имея в виду лишь современные писателю копии (еще не подвергавшиеся последующим искажениям и дополнениям), мы можем ответить кратко: ничего. Почти в полном виде до нас дошли Институции Гая, но и то лишь в копии, составленной примерно через 300 лет после их составления и, повидимому, включющей в себя ряд изменений. В позднейших же памятниках до нас дошли некоторые отрывки их отдельных сочинений. Главным источником сведений о древней римской юриспруденции служат для нас Дигесты.

После II века наступает быстрый упадок римской юриспруденции в ее прежних формах. Основным источником права становятся императорские конституции, делавшие ненужной и даже вредной возможность творчества отдельных юристов (см. ниже § 2). Конечно, юристы, в частности на Востоке, продолжали свою работу (не только в качестве адвокатов, но и в качестве служащих императорских канцелярий, преподавателей юридических школ и т. п.), но они уже не оставили следов в виде дошедших до нас самостоятельных сочинений. Имеются сведения, что в IV веке видным юристом был Иннокентий, а в V веке — Кирилл, Доминин, Демосфен, Евдоксий, Патриций. Но что, конкретно, они написали, мы не знаем; вероятно, им принадлежат лишь те или другие кодификационные работы и комментарии.

Сочинения римских юристов, в том числе и классического периода, никогда не были лишены своей силы. Не только подробнейшая нормировка отдельных правоотношений, но и общие установки старых юристов соответствовали интересам византийских рабовладельцев и вообще эксплуататоров так же, как они удовлетворяли потребность господствующего класса в III веке. Недаром в одной из своих конституций Юстиниан назвал юриста II века «нашим Гаем», а сочинениям древних юристов путем включения в Дигесты была придана сила закона.

Однако пользоваться огромной массой материалов, составленных юристами (особенно при наличии ряда контрверз), было трудно, и едва ли еще сохранившиеся копии древних рукописей были сколько-нибудь доступны рядовому судье или практику. Поэтому принимались меры к определению значения для судей высказываний отдельных юристов.

В этой связи представляет интерес прежде всего конституция Константина 321 года: были лишены силы «заме-

чания» (*Notae*) Ульпиана и Павла к сочинениям Папиниана. Последний признавался величайшим авторитетом, а Ульпиан и Павел в ряде случаев возражали против его мнений. Повидимому, было признано недопустимым колебать авторитет Папиниана¹. Через сто лет, в 426 году, Феодосий II и Валентиниан III издали известный закон об обязательном руководстве взглядами корифеев юриспруденции (закон этот помещен в Феодосиевом кодексе — 1,4,3, а из современных изданий — у *Sohm*). Этому закону немецкие учёные уже в XIX веке дали распространенное в настоящее время, но весьма неуклюжее и не вытекающее ни из буквы, ни из смысла закона, название «Закон о цитировании» (*Zitiergesetz*). Содержание этого закона сводится к следующему. Подтверждаются на одинаковых основаниях для обязательного руководства сочинения Папиниана, Павла, Ульпиана, Гая и Модестина. Подтверждаются и взгляды Сцеволы, Сабина, Юлиана, Марцелла и других, на которых ссылаются перечисленные выше пять юристов. Если эти юристы высказывали по какому-либо вопросу различные взгляды, то вопрос решался согласно взгляду, высказанному большинством указанных пяти юристов, а при равенстве голосов вопрос решался согласно мнению Папиниана («который побеждает одного, но уступает двоим»). Наконец, особо оговаривается, что всегда имеют силу «Сентенции Павла».

Закон 426 года имел силу до Юстиниана, который, повидимому, включил его в первую редакцию Кодекса (529 г.). Этот закон свидетельствует об упадке римской юриспруденции IV—V вв., которая уже не могла «конкурировать» с прежними крупными юристами, и делает работу судьи, подсчитывающего голоса умерших, в известной степени механической.

К этому надо прибавить, что рукописи юридических книг были мало распространены (например, цитировали не закон, а место из Папиниана или Ульпиана, где этот закон изложен — *Sohm*, 132). Сохранились даже сведения, что во время кодификационных работ при Юстиниане нельзя было найти юридической библиотеки, которая содержала бы все сочинения, необходимые для составления Дигест (Ф. Шестаков, 210).

¹ Это воспрещение было снято лишь при издании Дигест (конст. *Deo auctore*, § 6).

§ 2. Конституции

Кризис рабовладельческого хозяйства вызвал необходимость консолидации крупных рабовладельцев и установление диктатуры императора. Установление монархии, сосредоточение в руках императора неограниченной власти являлось попыткой рабовладельцев поддержать колеблющееся рабовладельческое государство на основе строжайшей централизации всего государственного аппарата. В частности, изменения в праве, вызванные постепенным созданием предпосылок для перехода к феодальному строю, требовали твердого и быстрого решения путем распоряжений императора.

Ясно поэтому, что общим направлением законодательной деятельности императоров было установление неограниченной власти, их стремление присвоить себе функции единственного источника права (А. Е. Рогинская, 75). «То, что угодно принцепсу, имеет силу закона», — писал Ульпиан еще в III веке (Д.1.4.1). При таких условиях в Римской империи начиная с III века н. э. основным источником права является законодательная деятельность императоров, сделавшая в известной степени беспредметным прежнее творчество юристов. Несмотря на разъединение Римской империи, конституции применялись на всей ее территории: издаваемые на Востоке конституции сообщались (до падения Рима) западному императору, который мог придать этим конституциям обязательную силу, — и наоборот. После падения Рима конституции издавались императором Восточно-Римской империи, который считал себя наследником Рима и носителем идеи всемирной монархии (Ф. И. Успенский, 41).

Конституции, составленные юристами, входившими в состав императорской канцелярии, некоторые исследователи ие без основания относят к «бюрократическому периоду» римской юриспруденции. Следует отметить, что изложение конституций отличается «излишним многословием» (слова Юстиниана в конституции о введении Кодекса). Запутанность изложения, постоянные самовосхваления являются худшим примером византийского бюрократического творчества. Нередко конституции содержат в себе не общие правила, но распоряжения, адресованные отдельным лицам. Никаких мер к широкому опубликованию конституций не принималось.

По своему содержанию конституции выражают стремление регулировать словом закона все стороны жизни, нередко без всякого учета законодателем практических возможностей. В качестве примера можно привести «известный» эдикт Диоклециана о ценах. В период упадка промышленности и торговли и неизбежного роста цен на рынке Диоклециан в 302 году издал эдикт о максимуме цен, которые устанавливались на предметы продовольствия, труд рабочих, могли взиматься за обучение, за юридические советы и т. д.¹. За несоблюдение этих цен и за сокрытие имеющихся средств пропитания эдикт угрожает смертной казнью. Эдикт, не посягавший на существующие производственные отношения, являлся бездейственным для предотвращения или смягчения кризиса; он оставался мертвой буквой, и через несколько лет пришлось его отменить.

Количество издаваемых конституций было велико. Так как ознакомиться с ними не представлялось возможным, следует признать правильной отрицательную характеристику, данную во введении к Кодексу Феодосия II (438 г.): «Когда мы взглянем на огромную массу книг, различные способы процесса и трудность юридических дел, далее — на страшную массу императорских постановлений, которые как бы завешены покровом тумана, темноты, не допускающей умы человеческие до их познания, мы чувствуем, что мы встречаемся с действительной потребностью нашего века и что, разгоняя темноту, мы дали свет законам путем короткого их свода» (Ф. Шестаков, 95).

Между тем знание (хотя бы главнейших) конституций было необходимым для повседневной работы административного аппарата, судей, адвокатов и т. п. Поэтому ясно, что именно с сортирования и хотя бы первичной систематизации конституций начинаются кодификационные работы в области римского права. В IV и V вв. были составлены три отдельных кодекса.

1. Codex Gregorianus — частный сборник, составленный некиим Грегором (но не Григорианом, как часто говорится) в конце III века. В него вошли конституции с 196 по 297 год.

2. Codex Hermogenianus — тоже частный сборник, составленный через несколько лет после предыдущего,

¹ Сокращенный перевод не дошедшего до нас целиком текста этого эдикта см. в «Хрестоматии по истории древнего мира», т. III, 1953, стр. 251 и сл.

являющийся как бы его продолжением и включающий в себя конституции нескольких следующих лет.

Оба эти кодекса до нас не дошли. Мы знаем лишь некоторые немногочисленные отрывки из них, содержащиеся в ряде позднейших сборников¹.

3. Гораздо большее значение имеет изданный в 438 году при восточно-римском императоре Феодосии II кодекс, получивший силу и в Западно-Римской империи, где он имел большое значение. В свое время Феодосиев кодекс явился одним из источников *Lex Romana Wisigothorum* (первоначально, повидимому, в 429 году предполагалось объединить в этом кодексе и конституции и извлечения из работ юристов, но эту задачу, осуществленную лишь через 100 лет, при Юстиниане, выполнить тогда не удалось).

Феодосиев кодекс представляет собой лишь собрание конституций, изданных начиная с Константина (IV в.), и является, таким образом, дополнением к Грегориеву и Гермогенианову кодексам. Кодекс состоит из 16 книг, книги делятся на титулы; всего в кодексе более 3000 конституций сокращенных, а местами и измененных. Кодекс этот дошел до нас в виде извлечений в позднейших сборниках и в виде рукописей отдельных частей. Нам известен почти полный текст кодекса.

После 438 года законодательная деятельность восточно-римских императоров непрерывно продолжалась, но новых сборников конституций уже не создавалось. Об этих позднейших конституциях мы можем судить лишь на основании извлечений из них, содержащихся в кодексе Юстиниана.

§ 3. Отражение в римском праве местных юридических институтов

Право, применявшееся в Византии в начале VI века, в ряде случаев отошло от того римского права, которое действовало в начале нашей эры. Оно отражало изменения экономики Римской империи и впитало некоторые взгляды представителей отдельных частей империи, в первую очередь — греков. На эту сторону дела долгое время не обращалось должного внимания, и право IV—VI вв. изучалось недостаточно.

¹ Сохранившиеся тексты этих кодексов см. в издании *Collectio liborum iuris ante Iustiniani*, т. III, под ред. Кг ѿгер, 1890.

В течение столетий римское право было национальным правом римской общины и потому в принципе применялось лишь к римским гражданам. Переграни же, в особенности во взаимоотношениях между собой, жили по своим обычаям, и в это римляне не вмешивались. Например, Гай указывает, что обязательства, заключенные в письменной форме, являются таким видом обязательств, которые свойственны перегринам (Институции 3, 134).

Расширение Римского государства и развитие торговых связей внутри империи привело к тому, что римское управление и римское право повсеместно разрушили древние родовые союзы, а вместе с ними и последние остатки местной и национальной самодеятельности¹. Тем самым расширялась сфера применения римского права, но без прямой отмены юридического статута перегринов.

Положение изменилось со времени эдикта Каракаллы 212 года. Развитие оборота и соображения фискальные привели к предоставлению прав римского гражданства всем свободным жителям империи². Этот эдикт в известной степени также способствовал проникновению римского права в провинции.

Тем не менее некоторые элементы местного права, особенно по внутренним делам, сохранились (А. Б. Ранович, Восточные провинции, 22), но это уже носило характер исключений. Примером такого рода сохранения местного права является Сирийско-Римский законник, составленный, повидимому, в последней четверти V века (он дошел до нас в сирийском, армянском и арабском текстах, что указывает на большое распространение сборника на Востоке). Этот сборник, являясь, вероятно, сборником правил, применявшихся при дворе антиохийского патриарха, главным образом затрагивал частное право и воспроизводил некоторые конституции императоров и (в переработанном виде) отрывки из сочинений римских юристов. Он отражал и местные установки, видимо, греческого происхождения, главным образом в вопросах наследственного права.

¹ См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1948, стр. 167.

² Текст этого эдикта в «Хрестоматии по истории древнего мира», т. III, 1953, стр. 242; об этом эдикте см. А. Б. Ранович, Восточные провинции, 178 и статьи А. Б. Рановича и Е. М. Штадеरмана в ВДИ 1946 г. № 2.

Существование «местных прав» свидетельствует об относительной слабости экономических связей провинций с Римской империей в целом. Единство экономической жизни привело бы и к единству правовой части надстройки. В виде примера, характеризующего особенности экономической жизни провинций, достаточно указать, что в Дигестах сохранилось правило о размере процентов (то есть важный для деловой жизни вопрос), принятом в данной местности (Д.27.4.3.1, Марцелл).

Систематическая разработка вопроса о «местном праве» в Восточно-Римской империи принадлежит германскому ученому Mitteis в его труде *Rechtsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des Römischen Kaiserreichs*, 1891 года.

При составлении этой книги были, в частности, использованы древние папирусы, разработка которых началась примерно в то же время (и продолжается до сих пор). Mitteis устанавливает, что наряду с римским классическим правом существовало и местное право. В некоторых случаях общее римское право имело лишь субсидиарное применение, поскольку не было специального местного права.

Значительно дальше идут выводы в появившейся через 20 лет книге французского ученого Collinet. Он правильно указывает, что для изучения права VI века нельзя ограничиваться изучением кодификации Юстиниана. Наряду с интерполяциями (см. главу V) следует выделить те вопросы, постановка которых была изменена во время, предшествующее Юстиниану. Начиная с Константина римское право пронизывается греческими влияниями, которые играют немалую роль. Collinet считает, что право времени Юстиниана — это уже не римское, а «византийское» право, отражавшее порядки, установленные в Византии. Это право является «римским» только по имени, так как изложено на латинском языке, содержит выдержки из римских юридических работ и отражает официальный взгляд на Византию как на продолжение Римской империи. И Collinet думает даже, что кодификация Юстиниана пронизана греческим духом, что нововведения Юстиниана вообще вытекают из восточного характера его кодификации. Примерами институтов, сложившихся под восточным влиянием, являются ипотеки, долговременная давность, распространение письменной формы, в частности — при оформлении брака, слияния опеки и попечительства; сюда же относится некоторое смягчение отцовской власти и т. п.

Было бы трудно отрицать значение интерполяций и влияния восточных, в частности греческих, учреждений на римское право начиная в особенности с IV века. Но не следует и преувеличивать этого влияния. Нельзя отрицать способности римского государственного аппарата выполнять значительные реформы своими силами, самостоятельно (Mackintosh, 53). Притом не легко распознать в кодификации Юстиниана конкретные следы восточных влияний, кроме греческого (Monier, 120). Во всяком случае содержание кодификации в своей подавляющей части сложилось в Риме, так что возвретия Collinet являются, по-моему, преувеличенными.

Влияние местного права выражается не только в проникновении в римское право новых институтов, но и в том, что некоторые исконные римские институты, соответствовавшие условиям Рима-города, но не отвечавшие интересам средиземноморской державы, исчезали. Особое значение в этой связи имеет эволюция права собственности. Если в древнем Риме был ряд видов права собственности (киритская собственность, бонитарная собственность и т. п.), то развитие оборота стесняло эту множественность видов собственности и вызвало исчезновение дробности важнейшего института. Было выработано единое абстрактное право собственности, распространившееся на всякого рода объекты (в связи с чем утратило свое значение и древнее деление вещей на *res mancipi* и *res nec mancipi*). Это единое право собственности было воспринято и последующими социально-экономическими формациями, в частности буржуазным правом.

Для нас представляет безусловный интерес вопрос о том, имело ли влияние на римское право славянство. Понятно, что вопрос этот даже не поставлен в буржуазной литературе.

Мы знаем, что буржуазные ученые относятся враждебно к исторической роли славянства и всячески ее замалчивают. Отсутствие разработки этого вопроса является безусловным пробелом и в нашей литературе, подлежащим восполнению.

Отдельные указания, которые могут быть использованы для разработки вопроса, имеются в книге Ф. И. Успенского. Он говорит о присутствии славян на Балканском полуострове с VI века. Писатели VI века уже прямо отмечают совершившийся факт заселения огромных пространств на территории Восточно-Римской империи

(стр. 387—393). На стр. 395 Ф. И. Успенский приводит важную цитату, не указывая, однако, ее источника (этот источник мне пока не удалось установить). Даётся характеристика славян: «Они неохотно исполняют приказания чужого лица, но послушны своим вождям; гораздо легче сносят они несправедливости и обиды своих собственных старшин, лишь бы не следовать ромейским¹ обычаям и законам». В этих словах видно существование, хотя бы в зачаточной форме, какой-то правовой организации. В договорах Руси с Византией (ст. 5 договора 911 года и ст. 14 договора 944 года), свидетельствующих о значительном уровне юридической техники, имеются прямые ссылки на «закон русский». А правовые нормы, как мы знаем, складывались в старину очень медленно. Ф. И. Успенский делает важный вывод, что империя предоставляла славянам в известной степени внутреннюю самостоятельность, что было обычным по отношению к федератам (с. 403).

Чрезвычайно важны также указания советского ученого П. И. Лященко («История народного хозяйства СССР», т. I, изд. 3-е, стр. 47 и сл., в особенности стр. 115). «Генезис Киевского государства, а вместе с тем и дальнейших форм русской государственности следует начинать не с варяжских князей Рюрика и Олега, а с антских князей: Божа, Мезамира, Андрагаста; с походов Руси на Византию VI века Киевское государство являлось не только провозвестником национальных задач славянского объединения, но и результатом того крупнейшего социального процесса, в котором свободолюбивое славянство, с одной стороны, оказалось сильнейшее влияние на разлагающийся строй рабовладельческого общества Восточно-Римской империи, Византии, а с другой — впитало в себя начала западно-византийской культуры. Война и военные походы русских славян Киевской Руси IX века, как антов в V—VI вв., имели, таким образом, не только завоевательное значение. Они оказали громадное прогрессивное, общекультурное, политическое и экономическое влияние, которое сказалось как на Византии, так и на самом славянстве»².

При таких условиях вполне возможно, что комиссия Юстиниана, имевшая задачей отразить все действующее

¹ «Ромеями» назывались граждане Византийской империи.

² См. также сборник «По следам древних культур» — статья «Древняя Русь», 1953, стр. 31 и сл.

право, обратила внимание и на применявшиеся в обороте правовые воззрения славян. Но для конкретного разрешения этого вопроса необходимо прежде всего выполнить ряд работ по изучению древнего славянского права до периода Киевского государства.

§ 4. Влияние христианства на римское право

В IV веке христианство заняло положение господствующей религии в Римской империи и обратило все свои силы на поддержку и укрепление существующего строя, являясь верным защитником Восточно-Римской империи (кроме отдельных случаев разногласий, не имевших принципиального и длительного значения, хотя и приводивших иногда к острым моментам борьбы). В свою очередь и императоры не только предоставляли христианским общинам значительные средства, но и закрепляли методами правового воздействия привилегированное положение христианской церкви. Поэтому еще с Константина новой отраслью законодательства были конституции, посвященные церковным делам. Христианская церковь стала государственным учреждением, и ее организация, основанная на монархических принципах (епископат), во многом напоминала государственную организацию.

Однако буржуазные исследователи сильно преувеличивают значение христианства для римского права. Так, известный Брунс пишет, что со времени своего признания христианство «тотчас начинает оказывать глубочайшее влияние на все государственные учреждения и преобразовывать государство в христианском направлении (стр. 139)¹. Schulz («History», 297) также констатирует тенденцию христианизировать право. Такого рода общие и туманные декларации встречаются нередко. Можно сослаться еще на Monier (стр. 126), указывающего, что христианство способствовало «созданию новой атмосферы, в которой реализуется эволюция юридических институтов». Это уже ровно ничего не говорит.

Конкретно влияние христианства усматривается некоторыми авторами в укреплении законной семьи, в разрешении браков патронов с вольноотпущенницами, в ослаблении

¹ Правда, на стр. 145 тот же Брунс указывает, что гуманизирующее влияние христианства заметно очень мало.

отцовской власти, признании собственности детей на приобретенное ими на службе имущество — *peculium quasi castrense*, в умножении способов отпуска рабов на волю (см., например, Күhenbeck, 346). Следует отметить, что такого рода мероприятия должны быть объяснены не «христианизирующим воздействием церкви», но тем, что рабство разлагалось и прежние семейные начала изменялись. Естественно, церковь не отказывалась подкрепить своей фразеологией соответственные мероприятия государственной власти.

Против придания христианству какого-либо решающего влияния на институты римского права говорит прежде всего то, что «христианство в течение столетий уживалось в Римской империи с рабством»¹. И никакой борьбы против рабовладельческой основы общества со стороны христианства не было. Христианство, исходившее (на словах) из равенства всех людей, допускало посвящение рабов в духовный сан, даже в высший сан — епископа. Посвящение раба приносило ему свободу. Но церковь заботилась при этом и о сохранении имущественных прав господина. Было установлено, что епископ, совершивший посвящение раба в духовный сан, должен уплатить господину раба вознаграждение, а Орлеанский собор 511 года определил размер этого вознаграждения в виде двойной стоимости раба (Н. Мухин, 444). Конечно, такого рода правила могут быть рассматриваемы лишь как признание института рабства.

В действительности христианство внесло в римское право лишь следующие новшества:

а) Меры против язычников, иудеев и еретиков². Конституцией Константина было установлено, что всякого рода привилегии распространяются лишь на христиан господствующей церкви, по тогдашней терминологии, на «кафоликов» (С.1.5.1). «Чистота веры» являлась основой и гражданской правоспособности. Еретики (а ереси нередко выражали социальный протест) появились в первые века христианства. Они были лишены права занимать какие-либо

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1948, стр. 170.

² В самих Дигестах никаких религиозных ограничений не устанавливается. Наоборот, видны следы некоторой борьбы государства с отрицательным отношением к евреям. Например, в Д.50.2.3.3 указывается, что Север и Антонин разрешают занимать почетные должности тем, кто следует иудейским предрассудкам. А согласно Д.48.8.11 (Модестин), евреям разрешается совершать обрезание своих сыновей.

государственные должности (кроме обременительных повинностей декурионата); не могли быть свидетелями на суде против православных, были ограничены в правах наследования и т. п. (М. В. Левченко, История, 58). Вообще не христиане подвергались различным притеснениям. В этих мероприятиях видна просто государственная борьба против «конкурентов» господствующей церкви.

б) Восточно-Римская империя закрепила положение церкви: самостоятельное положение епископов (назначаемых, однако, в столицах императором и потому фактически от него зависимых), предоставление в распоряжение церкви значительных имуществ, свобода приобретения и распоряжения ими; выражаясь современным языком, правоверная христианская церковь получила права юридического лица¹.

§ 5. Юридические сборники

В IV—VI вв. (до кодификации Юстиниана) появился ряд неофициальных юридических сборников, частью отражающих нормы права IV—VI вв. Эти сборники представляют интерес в том отношении, что дают нам некоторое представление об отдельных вопросах «послеклассического» римского права, существовавшего в Восточно-Римской империи. Об одном из таких сборников — Сирийско-Римском законнике — мы уже упоминали. Кроме того, надо отметить следующие сборники.

1. *Fragmenta Vaticana*. Начало рукописи, где должно быть указано и заглавие, до нас не дошло; свое название сборник получил от места его находки. В 1821 году был обнаружен в Ватиканской библиотеке палимпсест, оригинальный текст которого представлял собой сборник отрывков сочинений некоторых юристов и отдельных конституций. Следов позднейших изменений текста не видно. Составлен этот сборник в IV или начале V века. (Феодосиев кодекс автору, повидимому, еще не был известен). До нас дошла лишь небольшая часть сборника (нам известно 28 страниц, а сборник состоял, вероятно, из 232 страниц).

2. *Сентенции Павла* (полное заглавие было, вероятно, *Iulii Pauli sententiarum ad filium libri quinque*). Это — краткое изложение юридических правил, в очень элементарной

¹ О правах и привилегиях церкви до Константина см. В. В. Болотов, т. III, стр. 103 и сл.

форме, без дискуссий и цитат. Своей простотой и наглядностью (и вместе с тем, большой четкостью изложения) Сентенции достигли широчайшего распространения. Их авторитетность специально подчеркнута в законе 426 года об использовании работ юристов (см. выше, § 1)¹; до нас Сентенции дошли в виде значительных отрывков (в частности, в *lex Romana Visigothorum*. Критика обнаружила переделку отдельных частей Сентенций, а потому распространено мнение, что Сентенции не принадлежат Павлу, хотя при их составлении были использованы неизвестным послеклассическим автором работы Павла (*Schulz, History*, 176). Ввиду этого мы и помещаем упоминание об этих Сентенциях среди других послеклассических сборников.

3. Сопоставление Моисеевых и Римских законов. (*Collatio legum Mosaicarum et Romanarum* или *Lex Dei quam praecepit dominus ad Moysen*). Этот сборник, составленный в IV или начале V века, имеет совершенно особый характер, причем загадочной является сама цель его составления. Неизвестный автор ставит своей задачей сопоставить библейское законодательство с текстами крупнейших римских юристов. В начале каждого титула цитируется какое-либо правило Моисеева законодательства (в латинском переводе), а затем, без каких-либо рассуждений, сопоставлений или противоположений, приводятся относящиеся к тому же вопросу цитаты римских юристов или отрывки из конституций. До нас дошли три рукописи Сопоставления IX—XI вв., дополняющие друг друга, но дающие текст только 1-й книги Сопоставления. Так как до нас не дошло ни предисловия, ни каких-либо указаний автора (который, видимо, не являлся юристом), в частности — о цели его работы, то возникли споры о конфессиональной принадлежности автора. Одни думали, что автор был иудей, желавший возвеличить свою религию, другие считали его христианином. Но текст Сопоставления не дает оснований судить о религиозной принадлежности автора. Порядок расположения материалов заставляет признать более правдоподобным первое предположение. Моисеево законодательство едва

¹ Но не является ли это специальное указание доказательством того, что еще в V веке были сомнения в подлинности Сентенций? Иначе не к чему было бы особо упоминать о Сентенциях при наличии общего правила о том, что все работы Павла (кроме замечаний к Лабеону) являются обязательными.

ли было знакомо, исключая иудеев, широким кругам римлян.

4. Консультации некоего старого юрисконсульта (*Consultatio veteris cuiusdam iurisconsulti*). Название этой работе было дано в XVI веке Куяцием, издавшим ее. Она представляет собой ответы, данные каким-то юрисконсультом по различным вопросам цивильного права, и относится к концу V или началу VI века (возможно, что она была составлена в Галлии). Ее источниками являются Сентенции Павла, Грекориев, Гермогенианов и Феодосиев кодексы. Эта работа, подобно некоторым предыдущим, имеет известное значение для проверки текстов, дошедших до нас в кодификации Юстиниана.

Из содержания настоящей главы видно, что римское право начала VI века в немалой степени отличается от права классического периода и что для изучения права периода кодификации требуется учет нововведений IV—VI вв.¹.

---

¹ Мы не касаемся здесь сборников, изданных на Западе, в государствах, образовавшихся на обломках Западно-Римской империи, где римское право продолжало применяться в отношении покоренного населения. Сюда относятся: эдикт Теодориха (около 500 года), *lex Romana Burgundiorum* (начало VI века), называемый также *Papinian lex Romana Wisigothorum* (или *Breviarium Alarici*), составленный около 500 года. Эти сборники имеют значение лишь для сверки отдельных текстов, и, возможно, на них обращали некоторое внимание при кодификационных работах.

Г л а в а III

CORPUS IURIS CIVILIS

Основной вопрос, который мы должны ставить при рассмотрении кодификации VI века, — это вопрос о том, отвечает ли эта кодификация требованиям своего времени (Collinet, XXVII). И если принять во внимание, что кодификация впитала в себя обширное законодательство императоров (в частности, после Феодосиева кодекса), учла основные институты, сложившиеся в восточных провинциях (в частности, греческие), что в ней отразилась немалая работа юридических школ, что устраниены многие архаизмы, — то на указанный вопрос мы должны ответить положительно.

С точки зрения юридико-технической немалое значение имело упрощение юридической терминологии, распространение письменной формы и устранение некоторых никому не нужных формальностей. Можно привести хотя бы один пример из конституции Юстиниана (C.8.53(54).37): «Излишние слова, которые обычно включались в дарения, например — за одну сестерцию, за 4 аса, мы считаем необходимым отбросить. Зачем нужны слова, за которыми не идет никакой практический результат?». Если раньше дарение еще сохраняло некоторые черты прежнего обряда перехода собственности — манципации, то теперь оно отбросило эту устарелую шелуху. И в конституции Cordi сказано в общем: мы (то есть Юстиниан) сделали древнее право свободным от излишнего многословия и ясным. Но, как мы увидим ниже, обещание это осталось неисполненным.

§ 1. Название *Corpus iuris* и его состав

Кодификация Юстиниана носит распространенное во всем мире название: *Corpus iuris civilis* — Свод цивильного права.. Название это в Юстиниановой кодификации не встречается. Оно появилось у гlosсаторов в XII веке, а первое печатное издание всей кодификации под этим титулом было осуществлено Дионисием Готофредом в 1583 году (в первоначальных изданиях были приведены и пояснения или сопоставления параллельных мест, так называемые гlosсы; последнее гlosсированное издание *Corpus iuris* появилось в 1627 году).

Название *Corpus iuris civilis* явилось «параллельным» к Своду церковного права — *Corpus iuris canonici*; основание этому последнему Своду было положено в середине XII века монахом Грацианом. В связи с этим дальнейшая систематика права и охватывала две отрасли — *ius civile* и *ius canonicum*, а специалисты, обладавшие знанием того и другого права, назывались *doctor utriusque iuris* — доктор того и другого права.

Кодификация Юстиниана не воспроизвела попыток Феодосия II составить единый свод римского права и высказываний юристов и конституций: эти два источника права были уже очень разнородны, и, конечно, было затруднительно обнять единой системой догмат о Троице и тончайшие правила о сервитутах.

Кодификация Юстиниана заключает в себе три отдельные части:

а) Институции — элементарное изложение основ римского права для первоначального изучения;

б) Дигесты — отрывки из сочинений римских юристов, являющиеся важнейшей частью кодификации, давшие ей историческую славу и обеспечившие ее значение для последующего действия даже при иных социально-экономических условиях;

в) Кодекс Юстиниана (в двух редакциях) — сборник императорских конституций.

О составе и характерных чертах Дигест мы ничего не будем говорить в настоящей главе, так как этому будут посвящены следующие главы. Но нужно дать краткую характеристику Институций и Кодекса. Наряду с этим нужно коснуться еще одной предварительной работы — так называемых «50 решений», а равно конституций, изданных после

составления Кодекса (так называемые Новеллы), собрание которых с XII века стало иногда признаваться четвертой частью *Corpus iuris*.

Предварительно следует дать хронологические данные о составлении кодификации Юстиниана.

Ход работ по составлению кодификации

Название сборника	Относящиеся к сборнику конституции	Начало работы	Продолжительность работы	Вступление в силу
Институции	1. Imperatoriam ¹ 2. Tanta (Dedoken)	Во время составления Дигест		30.12.33
Дигесты	1. Deo auctore 2. Tanta (Dedoken)	15.12.30	3 года	30.12.33
Кодекс первой редакции	1. Haec quae necessaria	13.2.28	1 год	16.4.29
Кодекс второй редакции	2. Summa rei publicae Cordi	1.5.34	около года	29.12.34

Заканчивая общее рассмотрение *Corpus iuris*, считаем необходимым еще упомянуть, что в 30-х годах XIX века в Германии был выполнен многотомный труд полного перевода *Corpus iuris* на немецкий язык (*Das Corpus iuris civilis in's deutsche übersetzt*).

Эта работа, выполненная рядом специалистов римского права, является примечательной: в трудных случаях даются необходимые пояснения и приводятся высказанные в литературе мнения, в частности гlosсы. Конечно, это издание для нас уже сильно устарело: оно не могло учесть ни редакции Моммзена, ни установленных за последние десятилетия интерполяций. И, конечно, для тонкого анализа текста эта работа не пригодна: в отношении древних юридических текстов перевод на современный язык не может заменить оригинала.

¹ Конституции императоров, не вошедшие в сборники, обозначаются обыкновенно первым или первыми словами текста (как это и доныне практикуется в отношении некоторых документов, исходящих от папы римского).

§ 2. 50 решений

Работа по кодификации вызвала необходимость в устраниении существующих контроверз и в отмене устаревших институтов. Одним из путей достижения этой задачи являлось издание новых конституций по указанным вопросам. Эти новые конституции были изданы в 529—531 гг.; они являлись как бы расчисткой почвы для кодификации. Понятно, эти решения были вынесены, хотя бы частью, ранее начала составления Дигест (Carlowa, 1007). Кроме того, в Институциях (1.5.3) указывается, что категория «сдавшихся» уничтожена конституцией, «которую мы опубликовали среди решений, посредством которых, по предложению Трибониана, умиротворили споры древнего права». Общее количество вновь изданных законов превышает 50. По подсчету Брунса, таких конституций было издано в 529 году около 80, в 530 году — около 130, в 531 году — около 100 (стр. 153). Из части этих законов, видимо, и составился сборник 50 *decisiones*. Их предметом явились, например, устранение различий цивильного права и *ius gentium*, различий квиритской и бонитарной собственности, различий легатов и фидеикомиссов¹. Конечно, не все контроверзы и устаревшие положения были слажены в порядке особых распоряжений. Но был и другой, более распространенный, способ достижения той же цели: это — введение интерполяций (см. главу V).

§ 3. Institutiones sive Elementa

Конституция *Imperatoriam* прямо адресована юношеству, «жаждущему (изучения) законов», и подчеркивает, что Институции являются «первыми элементами всей юридической науки». Названием «Институции» уже давно обозначались в римской литературе (и не только юридической) элементарные изложения, наставления. Наибольшим распространением пользовались Институции Гая (II век н. э.). Институции представляют собой небольшой сборник (объемом около 8 печатных листов). Институции Юстиниана

¹ По крайней мере, некоторые из этих вопросов относятся к тем, которые должны были быть предусмотрены в Дигестах. Этим подтверждается, что работа по выработке новых решений, хотя бы в ее подготовительной стадии, началась раньше составления Дигест.

делятся на 4 книги. 1-я книга посвящена преимущественно лицам и семейному праву; 2-я книга — вещам и правам на вещи, а также завещаниям; 3-я книга — наследованию по закону и обязательствам, а также договорам (купля-продажа, наем, поручение); наконец, 4-я книга — обязательствам из деликтов и искам. Книги делятся на титулы (всего в Институциях 98 титулов), титулы — на фрагменты (со времен гlosсаторов большие фрагменты делятся на параграфы). В Институциях не указывается источников отдельных правил, но критика установила, что таковыми являются по существу сочинения Гая — Институции и *Res cottidiana* (последнее сочинение — «Повседневные дела» — является переработкой Институций, но в нем историческим сведениям по отдельным вопросам уделялось меньше внимания, чем изложению позитивного материала и его применения). Кроме того, при составлении Институций были использованы Институции Флорентина, Ульпиана и Марциана. Некоторые правила заимствованы из Дигест. Имеется русский перевод Институций Ф. Проскурякова (1859 г.).

§ 4. *Codex Iustinianus*

Кодекс, то есть собрание императорских конституций, являлся первой по времени частью кодификации VI века. Необходимость и возможность такой работы была предуказана предшествующим опытом — (кодексы Григориев, Гермогенианов и Федосиев), а с точки зрения практической, конституции, выражавшие право сегодняшнего дня, были очень важны для практики. Возможно даже, что первоначально замыслы кодификаторов ограничивались только составлением кодекса.

13 февраля 528 г. была назначена комиссия для составления кодекса в составе 10 членов (в том числе Трибониан и константинопольский профессор права — Феофил). Задачей комиссии являлось устраниć все устаревшее, всякие противоречия и дать возможно краткий и простой текст.

Благодаря имевшимся уже сборникам (в частности, трем кодексам и, возможно, работам Бейрутской школы) комиссия выполнила свою работу быстро (примерно в годичный срок), и 7 апреля 529 г. кодекс был опубликован.

Текст этого кодекса в первой редакции до нас не дошел.

Составление Дигест (с внесенными в них интерполяциями см. главу V), новое законодательство (50 решений и ряд других конституций) потребовали уже через несколько лет пересмотра кодекса. Так был создан Кодекс второй редакции (который назван в конституции Cordi «Вторым изданием Кодекса Юстиниана»). К работе над этой редакцией кодекса (дошедшей до нас) было приступлено в начале 534 года, и 29 декабря того же года он вступил в силу. Комиссия, конечно, воспользовалась и текстом первой редакции, и только этим можно объяснить быстроту его составления.

Кодекс состоит из 12 книг. Книга 1-я — Церковное право и права и обязанности государственных служащих. Книги 2—8 — Частное право. Книга 9-я — Уголовное право. Книги 10—12 — Административное право.

Книги делятся на титулы с заголовками (всего в Кодексе примерно 765 титулов: примерно потому, что число титулов в различных рукописях не одинаково). Титулы делятся на фрагменты (называемые также «Конституциями»), причем в каждом титуле конституции расположены в хронологическом порядке. Длинные конституции со временем гlosсаторов разделены на параграфы..

В начале каждого фрагмента, по общему правилу, обозначено имя императора, издавшего данную конституцию, и адресата данного распоряжения (конституции, адресованные определенным лицам, будучи помещены в Кодекс, получали обязательную силу для всех). В Кодекс включены постановления императоров начиная с Адриана (II век С.6.23.1) и до Юстиниана (самая поздняя конституция издана 4 ноября 534 г. С.1.4.33).

Конституции приводятся в сокращенном виде: из них извлекается основное юридическое правило, местами в очень сжатой форме; поэтому они резко отличаются по стилю от обычного многословия конституций, с многочисленными образцами которых мы знакомы по новеллам.

В связи с распространением в Восточно-Римской империи греческого языка ряд конституций изложен по-гречески.

Кодекс верно отражает характер Византии. В нем нашли свое отражение институты, которые еще не могли составить предмета подробного изучения римскими юристами, например колонат. Кроме того, нужно отметить, что в кодексе много внимания уделялось церковным вопросам. Доста-

точно привести названия первых титулов первой книги: 1) О высшей Троице, 2) О церквях, 3) О епископах и клириках и их привилегиях, 4) О судебной власти епископов, 5) О еретиках, манихеях и самаритах, 6) О неповторимости крещения, 7) О безбожниках и т. п.

§ 5. Novellae

Изданием кодификационных сборников не прекратилась законодательная деятельность Юстиниана. В конституции *Cordi* было указано, что если впоследствии изменчивая природа вещей создаст что-либо новое, требующее императорского утверждения, то будут изданы новые конституции под названием *Novellae constitutiones*. Отсюда и термин *Novellae* (подразумевается *constitutiones*). Новеллами в собственном смысле называются конституции 535—565 гг. Большинство новелл касаются вопросов публичного права и церковного права, гораздо меньше — относятся к частному праву. Некоторые новеллы имеют характер истолкования существующих законов (согласно § 21 конституции *Tanta*, обнаруженные в законодательстве неясности должны представляться судами императору, «которому одному предложено устанавливать и толковать закон»).

В области частного права особое значение имеют новеллы: 22 — о браке (в частности, о вторых браках), 118 и 127 — о наследовании.

Большинство новелл изложены на греческом языке; на латинском языке писались новеллы, предназначенные для провинций, где основным языком являлся латинский. Некоторые новеллы написаны на двух языках — латинском и греческом.

Новеллы излагаются чрезвычайно подробно и являются примером византийского многословия.

При Юстиниане новеллы не были объединены в единый сборник. До нас дошли три сборника новелл:

а) из 124 новелл — частное издание профессора права в Константинополе, получившее название *Epitome Iuliani*;

б) из 168 новелл, составленных при императоре Тиберии II (578—582 гг.);

в) из 134 новелл — сборник, получивший название *Authenticum*, или *Liber authenticorum*. Он составлен на латинском языке, вероятно, в Италии. Возможно, что этот сборник имел официальное значение.

§ 6. Юстиниан и Трибониан

Необходимо отметить тех лиц, которые играли руководящую роль при составлении кодификации.

Восточно-римский император Юстиниан, при котором была выполнена кодификация, занимал престол в 527—565 гг. (кроме того, в 518—527 гг. он фактически правил от лица его дяди Юстина, так что во главе империи он стоял почти полвека).

Юстиниан — одна из крупнейших личностей римской истории; нередко ему присваивают титул «великого». Буржуазная литература, как правило, не скучится на восхваление его деятельности, приписывая ему, как защитнику сильной монархии, совершение великих дел.

Однако личность Юстиниана возбуждала и большие споры. Так, современник Юстиниана, историограф Прокопий, расточавший о Юстиниане хвалебные отзывы, вместе с тем оставил написанную в 550 году «Секретную историю» (*Historia arcana*), рукопись которой стала известна много позднее. В ней конкретно и доказательно излагаются всякие злые дела и пороки Юстиниана. Это явное противоречие в трудах одного и того же историка вызвало подозрение в подлинности «Секретной истории». Однако в настоящее время большинство исследователей признает подлинность этого произведения (Ф. И. Успенский, 410; К. Н. Успенский, 49; Прокопий, Вступительная статья, 6—12). Дильт (стр. 6), но рекомендует, впрочем, обращаться с «Секретной историей» с осторожностью. Вообще же нужно иметь в виду, что Прокопий готов ставить Юстиниану в упрек даже соблюдение норм прежнего права, если это не нравится Прокопию; например, разрешение привлекать рабов в качестве свидетелей против их господ, хотя это было известно римскому праву и раньше.

При оценке деятельности Юстиниана мы должны помнить, что его завоевания были быстро ликвидированы, а войны, расходы на церковь, на знаменитые постройки привели к расхищению богатств империи. В результате, лихорадочная деятельность Юстиниана принесла империи больше вреда, чем пользы; он оставил империю обширнее пространством, но гораздо беднее внутренними ресурсами (М. В. Левченко, История, 54).

Юстиниан, несомненно, получил хорошее образование при дворе своего дяди Юстина; он отличался большой энергией, а также во многих случаях умением выбирать себе

помощников. Руководящими идеями его деятельности являлись необходимость восстановления прежней Римской империи, неограниченная власть императора, укрепление христианства в его ортодоксальной трактовке (то есть искорение ересей). Находясь во власти воспоминаний о величии Рима, Юстиниан в ряде случаев стремился возродить прежние порядки. Юстиниан был жестоким, коварным и тщеславным правителем; он безжалостно подавлял революционные восстания, жаждал восстановить рабовладельческие порядки и в западных областях (Агафий, ст. М. В. Левченко, 171; История средних веков, 83). Уделяя внимание развитию промышленности и торговли, Юстиниан, вместе с тем, отдал непосредственных производителей-крестьян на расстерзание крупным магнатам (ср. Дильт, 54). Эти черты Юстиниана отразились и на выполненной при нем кодификации, в особенности на Кодексе, в который включены изданные им конституции.

Из вопросов, связанных с личностью Юстиниана, для нас может представить некоторый интерес вопрос о его происхождении. В рукописи наставника Юстиниана — Феофила, известной нам в списке XVII века, подлинность которой была подвергнута сомнению главным образом немецкими учеными, указывается, что Юстиниан происходил из Северной Македонии, и его первоначальное имя было Управда (и имя Юстиниан является пересказом этого имени на латинский язык). Верно то, что Юстиниан пришел в Византию еще юношей и что в V—VI вв. Северная Македония была заселена славянами, а потому славянское происхождение Юстиниана вполне возможно (Ф. И. Успенский, 410; Колотинский, 190). Правда, Успенский говорит, что в деятельности Юстиниана и его предшественника Юстина незаметно ничего, что указывало бы на их славянское происхождение. Этот аргумент не доказум.

Какова роль Юстиниана в выполненной при нем кодификации? Нужно, конечно, оставить мысль о том, что он принимал непосредственное личное участие в этом сложнейшем деле, что он давал установки по отдельным вопросам или редактировал тексты. Поэтому не имеют ценности высказывания вводных конституций о том, что сделал Юстиниан¹.

¹ В конституции *Cordi* сказано, что Юстиниан «Институциями и Дигестами открыл светлый путь» (§ 3), в конституции *Tanta*, что он «установил не только для настоящего, но и для последующего века наилучшие законы» (§ 12).

Но этим не устраняется значение личности Юстиниана в кодификации. Несомненно, он учитывал потребности своего времени в необходимости упорядочения римского права и создания современного права; избрал сведущих и способных сотрудников, дал им обширные полномочия и тем обеспечил соответствие кодификации классовым интересам Византийской монархии. Работы по кодификации начались в первые же годы правления Юстиниана и продвигались быстрыми темпами, без каких-либо перерывов.

Кодификация, в которой прежде всего были заинтересованы административные и судебные органы, едва ли произвела большое впечатление на современников. Акафий, являвшийся младшим сверстником Юстиниана, был юристом-практиком; он говорил: «просиживаю у императорского портика с раннего утра и до захода солнца, изучаю и объясняю документы, связанные с судебными делами и процессами» (стр. 69).

В начале своей работы Акафий перечисляет основные события царствования Юстиниана, но относительно законочательной деятельности говорит только в двух строчках, не дающих представления о деле: «Сицилия, Рим и Италия по изгнании варваров снова были украшены отечественными законами и обычаями». Италия еще не входила во времена кодификации в состав империи, и *Corpus iuris* никак не мог быть назван «отечественными законами» для Сицилии.

Трибониан. Основным работником при составлении *Corpus iuris* и, в частности, руководителем составления *Дигест*, был Трибониан. Последний занимал крупные государственные должности, пользовался (судя по вводным конституциям) неограниченным доверием Юстиниана и был, видимо, выдающимся юристом.

В своей практической (в отличие от кодификационной) деятельности Трибониан олицетворял характерные черты византийского чиновничества: он продавал за деньги и приговор и закон (*Дигель*, 313) и толковал законы вкривь и вкось, когда за это хорошо платили (*Безобразов*, 67). Это не мешало тому, чтобы в конституциях Юстиниана Трибониан характеризовался как «великолепный», «украшенный красноречием и юридической мудростью» и т. п. Все эти противоречия вполне соответствуют византийским вкусам.

§ 7. Реформа юридического образования

Осуществление грандиозной кодификации потребовало и реформы юридического образования. В период IV—V вв. уже было организовано преподавание права в некоторых школах, и это объясняется хаотическим состоянием источников права и трудностью осилить это дело без опытного руководителя. В частности, были созданы юридические школы в Риме, Константинополе и Бейруте; последняя пользовалась особым авторитетом, так как включала в себя тогдашних виднейших ученых. Повидимому, в этих школах преподавалось не только право, но и другие «свободные искусства». Кроме того, существовали и государственные школы в Афинах, Цезарее и Александрии, но эти школы были упразднены Юстинианом, а римская школа оказалась за пределами империи. В виде примера существовавших до Юстиниана школ остановимся на Константинопольской школе, учрежденной в 425 году. В ней был 31 профессор: латинских — три ритора и десять грамматиков; греческих — пять риторов и десять грамматиков; один философ, два юриста (Boissier, 1, 171). Из этого видно, что преподавание права не занимало большого места. Курс был четырехлетний. Студенты первого курса назывались *dipondii*¹ и изучали Институции Гая и некоторые части комментариев Ульпиана и Павла к эдикту; студенты второго курса именовались *edictales* и изучали прочие комментарии к эдикту; студенты третьего курса назывались *papianistae* и изучали некоторые сочинения Павла (в первую очередь — Сентенции) и сочинения Папиниана; наконец, студенты четвертого курса именовались греческим словом *lutai* («разрешенные», «освобожденные») и самостоятельно изучали «Ответы Павла». В этом прежнем учебном плане много времени, повидимому, тратилось на то, что не имело практического значения. «Студенты оставляли школы, будучи испорченными наукой» (Диль, 271—272).

Этот учебный план являлся одним из свидетельств осуждения юриспруденции и, конечно, ни в какой степени не соответствовал новой кодификации. Поэтому конституцией

¹ Буквально — «стоящий два аса», а в переносном смысле — дешевый, незначительный. Так назывались иногда рекрутчи Юстиниан упразднил это обидное название, которое в конституции Отпем было названо фривольным и смешным, и заменил его названием «новые юстинианцы» (*iustiniani novi*).

Отпет 16 декабря 533 г. (изданной одновременно с опубликованием Дигест) были внесены коренные изменения в юридическое образование. Был установлен пятилетний курс, и в Константинопольской и Бейрутской школах было учреждено по четыре должности профессоров права. Методом изучения являлось изучение текстов Институций, Дигест и Кодекса. Учебный план: первый курс Институции и первые четыре книги Дигест; второй—четвертый курсы—до 36-й книги (изучение 37—50 книг) было не обязательно; пятый курс — Кодекс (Диль, 272).

Г л а в а IV

DIGESTA, ИЛИ PANDECTAE¹

Дигесты — сборник отрывков из сочинений римских юристов. Исторически они являются важнейшей частью *Corpus iuris*, не только важнейшей, но и самобытной. Если Институции относятся к жанру юридической литературы, уже давно известному в Риме, если до Юстиниана было уже три кодекса, составленных из императорских конституций, то Дигесты в том объеме, какой им был придан компиляторами, являются новым по своему характеру официальным сборником.

Перед составителями Дигест стояли две мало соответствующие одна другой задачи.

1. Сохранить и до некоторой степени привести в порядок наследие знаменитых и неизменно почитаемых римских юристов, которое находилось в хаотическом состоянии, а также законодательных памятников начиная с XII таблиц. Эта задача соответствовала идеям незыблемости права и взгляду на Византию как законную преемницу Римской империи.

2. Дать систему действующего в VI веке права, устранить явно устарелые нормы и разногласия, то есть привести Дигесты, по возможности, в соответствие с требованиями

¹ В настоящей главе мы исходим лишь из дошедшего до нас текста Дигест, не касаясь тех изменений древних текстов, которые были нарочито внесены составителями в официальный текст (интерполяции). Вопрос об интерполяциях — очень важный и требует самостоятельного освещения (глава V). Вместе с тем, если мы временно оставляем без внимания интерполяции, то это не отражается на положениях, изложенных в настоящей главе, так как в подавляющем большинстве случаев Дигесты дают нам подлинный древний текст.

современности. Дигесты должны были явиться сборником, приспособленным для потребностей практики.

Нужно признать, что ни одна из этих целей не была достигнута в полной мере. Иногда трудно установить суждения классических юристов при наличии ряда внесенных в Дигесты изменений и при наличии того бесспорного факта, что очень многие древние высказывания (в частности, относившиеся уже к устаревшим порядкам) не нашли себе места в Дигестах. Для практиков же Дигесты, хотя и давали необходимые для VI века высказывания относительно институтов, вроде рабства, отношений собственности, отдельных договоров, были мало приспособлены к повседневной работе ввиду своей сложности. Для применения современного Юстиниану права ограничиться Дигестами было невозможно — не меньшее, а в ряде отношений большее значение имели кодекс и новеллы.

Дигесты в самом своем заглавии получили двойное название: Дигесты, или Пандекты (полностью заглавие звучит так: «Господина нашего священнейшего принцепса Юстиниана права, избранного и собранного из всего древнего права Дигест, или Пандект, книга 1-я»)¹.

Дигесты и Пандекты являются вполне равноправными названиями; они являются не новыми, нарочито избранными словами.

Дигесты — слово латинское, означает «собранное», «приведенное в систему». Такое название носили многие сочинения римских юристов, имевшие общий характер и излагавшие взгляды как самого автора, так и других юристов (Дигесты Алфена Вара, Цельса, Юлиана, Марцелла, Сцеволы).

Пандекты — греческое слово и означает «содержащее в себе все». Этот термин встречался в неюридической литературе и раньше. Так, Авл Геллий (писатель II века н. э.) в предисловии к своим Аттическим ночам перечисляет различные названия, которые греческие и латинские писатели давали своим произведениям, и между прочим упоминает о Пандектах.

¹ В дальнейшем термин «Пандекты» более укоренился в германской литературе. Необходимо здесь же отметить тот общеизвестный факт, что так называемая «пандектная система гражданского права» (общая часть, вещное право, обязательственное право, семейное право, наследственное право) не имеет ничего общего с Пандектами Юстиниана и является продуктом средневековой обработки римского права.

Дигесты были составлены на латинском языке. Хотя в Восточно-Римской империи был широко распространен греческий язык, но языком администрации, суда, армии продолжал оставаться латинский язык (М. В. Левченко, История, 18). Являлось более чем естественным изложить Дигесты на языке их подлинника, то есть на языке сочинений юристов. На латинском языке издавались и законы, но не всегда; например, некоторые конституции кодекса и новеллы и важнейшая из вводных конституций к Дигестам изложена на двух языках: *Tanta Dedoken*¹. Правда, в тексте Дигест встречаются некоторые греческие термины и изречения, а иногда и целые фрагменты, изложенные по-гречески. Самым обширным греческим текстом являются большие фрагменты из книги Модестина об освобождении от опекунства, составляющие основное содержание книги 27, титула 1. Этот текст был написан по-гречески. Модестин сам указывает (27.1.1. рг.), что он излагает свой комментарий на греческом языке, хотя и знает, что этот язык наименее приспособлен для переводов. Несомненно, что цитаты из греческих авторов (хотя бы Гомера) включены по-гречески и в оригинальный текст, равно как и греческие термины. Судить же о происхождении других греческих текстов трудно. Ясно только, что в подавляющем большинстве случаев Дигесты были написаны по-латыни².

Тексту Дигест (то есть и каждому включенному в него отрывку) была придана сила закона, и, по словам Юстиниана, никто ни сейчас, ни впоследствии не должен осмеливаться прибавлять к ним комментарии; можно было только составлять точные греческие переводы и указатели к различным местам (конституция *Tanta*, § 21). Однако этот запрет был нарушен еще при царствовании Юстиниана. Поскольку всем фрагментам Дигест была придана одинаково обязательная сила, отпал закон 426 года об особой автори-

¹ Можно отметить, что поданные Восточно-Римской империи называли себя *gōtāioi*. Эллинами при Юстиниане назывались язычники (C.1.11.10.6), а название «греки» (*graikoi*) прилагалось, скорее, в насмешку к готам, в целях противоположения их западным римлянам (Collinet, 13).

² Лишь I. lensius высказывает мысль, что Дигесты были составлены по-гречески и что известный нам текст является лишь переводом с греческого языка. Но этот взгляд никем не поддерживается, и не стоит тратить места на его подробное опровержение (см. сочинение Ampliota, *Demonstratio romani iuris Pandectas hodie extantes ex graeca versione traductas esse*, 1764).

тетности сочинений некоторых юристов (см. главу III, § 1), равно как перестало иметь значение воспрещение пользоваться примечаниями Ульпiana и Павла к сочинениям Папиниана.

§ 1. Структура Дигест

Дигесты представляют собой очень обширный сборник. Относительно их объема конституция Tanta указывает, что составители оставили из древних книг 150 000 строк, что составило около 130 печатных листов, по 35 букв в строке. В то время не было разделения между словами (Giffard, 75).

По подсчету знаков современных печатных изданий получается несколько меньше. Но во всяком случае Дигесты занимают около 100 печатных листов.

Дигесты разделяются на семь частей (Конституция Tanta, § 2).

- I. Prota 1—4 книги.
- II. De iudiciis 5—11 книги.
- III. De rebus 12—19 книги.
- IV. Umbilicus (что означает пуп, или середина) — 20—27 книги.
- V. De testamentis 28—36 книги.
- VI. Без названия книги 37—44.
- VII. Без названия книги 45—50.

Деление на части в самом тексте Дигест не обозначено; это деление соответствует схеме комментариев к преторскому эдикту.

Самый текст Дигест делится на 50 книг, каждая книга делится на титулы (со своей нумерацией для каждой книги), каждый титул делится на фрагменты (со своей нумерацией для каждого титула).

Книги не имеют особых наименований. Что касается этого деления, то мы не знаем, чем обусловлено деление Дигест именно на 50 книг¹.

Некоторые книги получили устойчивые (не помещенные, однако, в заголовках номеров книг) названия. Так, книги 47 и 48 (посвященные вопросам о преступлениях и наказаниях) часто называются «страшными книгами» (*libri terribili*).

¹ Во всяком случае еще в конституции о приступе к составлению Дигест уже было указано, что старое право должно быть объединено в 50 книг (Deo auctore, § 5). Поэтому можно думать, что общий план Дигест был обсужден ранее начала работ по их составлению.

les). Книги 23, 26, 28, 30 часто носили название «отдельные книги» (*libri singulares*); они начинали изложение четырех отделов цивильного права — приданого, опеки, завещания, легатов.

Титулы. Каждая книга Дигест¹ делится на титулы. Каждый титул снабжен своим заглавием, причем заглавия многих титулов воспроизводят рубрики преторского эдикта (в его окончательной редакции, данной Юлианом во II веке). Деление на титулы, позволяющее до некоторой степени ориентироваться в богатом содержании Дигест (но не для быстрого наведения справок), должно быть признано важнейшей рубрикацией Дигест.

Всего в Дигестах (в зависимости от различных рукописей) 429—432 титула².

Необходимо еще отметить, что название ряда титулов Дигест совпадает с названием некоторых титулов Кодекса (см. ниже, § 5). Это делает вероятным предположение, что системы Дигест и Кодекса имели какое-то влияние друг на друга.

Фрагменты (называемые также ввиду придания Дигестам законодательной силы термином *leges* — «законы») — извлечения из сочинений юристов. Каждый фрагмент дает выдержку из сочинения одного юриста и притом определенного сочинения. Стремление дать в Дигестах исторический материал выражается в том, что каждый фрагмент начинается с обозначения автора (обычно — сокращенно, например не *Herennius Modestinus*, а просто *Modestinus*) и названия сочинения, из которого данный фрагмент извлечен.

Например, D.8.3.4: «Папиниан во второй книге ответов» или D.13.6.18: «Гай в девятой книге комментария к провинциальному эдикту». Эти обозначения имеют основное значение хотя бы для частичной реконструкции текста древних, не дошедших до нас сочинений юристов. Основной работой по реконструкции текста древних юристов является двухтомная работа Lepel, *Palingenesia iuris civilis* 1889 г.

¹ Кроме книг 30—32, которые в своей совокупности составляют один титул «О легатах и фидеикомиссах».

² Если взять число 432, соответствующее ряду рукописей, то получается любопытная и, конечно, случайная «игра цифр». Возьмем в исходящем порядке цифры от 9 до 2. Первые две цифры (98) — число титулов Иституций; следующие три цифры (765) — число титулов Кодекса; последние три цифры (432) — число титулов Дигест.

Внутри титулов фрагменты не расположены в каком-либо систематическом порядке: обычно имеется чисто механическое наслаждение в зависимости от порядка использования литературы; это обуславливается способом составления Дигест, происходившим, несомненно, в спешном порядке (см. ниже). Поэтому бывают случаи, когда авторитетнейшие высказывания (в частности, извлечения из Юлиана или Папиниана) помещены лишь в конце титула.

Как уже было указано, последовало воспрещение снабжать Дигесты комментариями. Кроме того, в той же конституции *Deo auctore* § 13 и в конституции *Tanta* § 22¹ установлена наказуемость и тех, кто будет в дальнейшем вводить неясности посредством «сигл». Сиглы (имеющие аналогию в титулах древнерусской письменности) — это сокращенное обозначение буквами целого выражения или слова. Известно, что сиглами в целях экономии пергамента или бумаги изобилуют древние рукописи и что иногда расшифровка сигл является не простым делом. Запрет сигл, конечно, относится не только к позднейшим, после Юстиниана, юристам, но и к самим редакторам Дигест. Но эти редакторы не всегда умели различать сиглы. Например, в *D.1.2.1* имеется маловажущееся и во всяком случае излишнее слово *prius* (раньше, сначала). Моммзен высказал основательное предположение, что здесь имеется сигл и что следует читать *r(opuli) r(omani) ius*.

Очень разнообразно количество фрагментов, включенных в один титул. Например, титул 31 книги 43-й (об интердикте *utribi*) состоит из одного фрагмента, также титул 28 книги 43-й или титул 10 книги 1-й (и такой фрагмент обозначается после названия титула просто буквами *I*, *un* (*lex unica*)). Но имеются и титулы с большим числом фрагментов. Например, титул 16 книги 50-й (о значении слов) состоит из 246 фрагментов. Очень различен и объем фрагментов. Самые большие фрагменты *D.38.10.10* (изложение Павлом степеней родства) — около 17 000 знаков (*D.1.2*), изложение Помпонием истории римского права, хотя и сильно испорченное последующими искажениями, составляет около 14 000 знаков. Наряду с этим встречаются и очень краткие фрагменты; самый краткий состоит из 6 букв (*D.47.9.2*). Приведем его точно.

¹ Запрет сигл воспроизводится и в других конституциях, в частности в двух местах Кодекса (воспроизведяших, однако, вводные конституции): С.1.17.1.13 и С.1.17.2.22.

Во фрагменте 1 титула 9 книги 47-й приводится извлечение из 56-й книги комментария Ульпиана к эдикту, где сказано:

«Ибо вещами, полученными вследствие кораблекрушения, называются те, которые лежат на берегу после кораблекрушения; и тем более в то время».

Фрагмент 2 (Гай) в 21-й книге комментария к провинциальному эдикту: «и в том месте» (*et loco* — 6 букв).

Фрагмент 3 (Ульпиан) в 56-й книге комментария к эдикту «когда происходит или произошло кораблекрушение».

Ясно, что составители Дигест признали отсутствие указания на место кораблекрушения пропуском со стороны Ульпиана (хотя едва ли тонкий стилист Ульпиан мог сказать, что имеется «место кораблекрушения», в котором находятся уцелевшие с корабля вещи). Для восполнения этого слова, призванного «пробелом», текст Ульпиана был разорван и было вставлено слово из Гая в виде особого фрагмента.

И таких примеров вставок слов в чужие тексты в виде особых фрагментов можно было бы привести несколько.

Несмотря на все те похвалы, которые расточал Юстиний на Дигестам, в них имеется ряд недостатков, вызванных недостаточной редакционной работой, что объясняется, вероятно, поспешностью в составлении Дигест.

Имеются фрагменты, повторяющие друг друга, так называемые *leges geminatae* — «удвоенные Фрагменты». Например 50.17.129.1 (Павел): «когда основное дело не сохраняется, то не имеет места и то, что из этого вытекает». То же самое читаем во фрагменте 178 того же титула (Павел), но с добавлением слов «в большинстве случаев».

Встречаются и прямые противоречия. Например, в Д.12.1.18 (Ульпиан) указывается, что «если я дам тебе деньги как подарок, а ты примешь их как заем, то, — как пишет Юлиан, — нет дарения, и деньги не делаются принадлежащими принимающему». А в Д.41.1.36 (Юлиан) сказано, что «если я тебе передам деньги в целях совершения дарения, а ты примешь их как бы в заем, то собственность переходит к тебе». Такие противоречия носят название антиномий.

Иногда некоторые слова, очевидно, в спешке просто пропущены при обработке текста. Например, Д.37.6.1.8 начинается: «Там же Юлиан говорит», а перед этим не указано, где находится относящееся к вопросу высказывание Юлиана. Д.28.5.23.4 (Гай) начинается со слов: «И потому он

говорит...». А кто «он» — не сказано (по мнению Моммзена, имеется в виду Лабеон).

В средние века не все фрагменты были поняты. Соответственные места получили название «крест юрисконсультов» (*cruces iuriſconsultorum*) или «проклятые законы» (*leges damnatae*). Например: 12.6.38 pr., 12.1.40 pr., 28.2.29 pr.¹.

Близко сюда стоят и те случаи, когда составители Дигест не разобрали какой-либо ошибки в рукописи. Например, D.11.5.1: «Претор не дает иска, если у лица, устроившего азартную игру, будет что-либо унесено *«dolo»* (то есть «умышленно»). Повидимому, вместо *dolo* следует читать *e domo*, то есть из его дома.

Всего в Дигестах (в зависимости от рукописей) примерно 9000 фрагментов.

Параграфы. В позднейшие века, во времена глоссаторов, длинные фрагменты были разделены на параграфы, причем самое начало фрагмента знака параграфа не имеет и обозначается буквами *pr*(*principium*) или *pro*(*oemium*), а при ссылках на конец фрагмента прибавляются буквы *i*; *f* (*in fine*). Это, конечно, очень облегчает цитирование отдельных мест Дигеста. Число параграфов в отдельных фрагментах очень разнообразно: например D.38.2.2, посвященный Тертулианову сенатусконсульту, содержит 47 параграфов, некоторые из них довольно обширные. Изложение Помпонием истории римского права (D.1.2.1) 53 параграфа. Многие же небольшие по размеру фрагменты на параграфы вообще не делятся.

Цитирование Дигест. Встречались различные способы цитирования Дигест. В прежние времена, когда оглавление Дигест было у юристов «на слуху», указывали номер фрагмента, букву «Д» и сокращенное название титула. Потом стали прибавлять (да и то в скобках) цифровые обозначения книги и титула. Например: I. 1. § 2, D. de excusat (27.1).

В XIX веке наиболее распространенным было такое цитирование: буквы *fr* (то есть *fragmentum*) или буква *l* (*lex*), номер фрагмента и, где нужно, номер параграфа, затем буква «Д», книга и титул. Например, правило о правах женщин на законное наследование цитируется так: *fr. 2 § 1 D.38.7*, то есть 38-я книга, 7 титул этой книги, 2-й фрагмент этого титула и § 1 этого фрагмента. В настоящее время

¹ Мы не будем разбирать здесь этих мест по существу: они не содержат каких-либо важных правил, но анализ их и изложение различных контроверз потребовал бы много места.

пользуется большим распространением более рациональный способ, а именно — после буквы «Д» указывается книга, титул, фрагмент, параграф. Указанное выше правило будет цитироваться так: Д.38.7.2.1. Если на какой-либо титул или фрагмент делалась ссылка в непосредственно предшествующем изложении, то вместо номера титула или фрагмента пишется просто eodem. Например, если после выписанного выше правила нужно указать 38.7.4, то достаточно написать: Д. 4 eod.

Из изложенного уже видно, что Дигесты по своей внешности совершенно не похожи на любой современный кодекс, и один автор (Bonfante) назвал их «литературной мозаикой».

§ 2. Порядок составления Дигест

15 декабря 530 г. конституцией *Deo auctore Юстиниан* приказал приступить к составлению Дигест. Для этого была образована особая комиссия под руководством Трибониана; в состав комиссии входили четыре профессора права из Константинопольской и Бейрутской школ и 11 адвокатов из высшего суда. Члены комиссии в литературе получили устойчивое название «компилиаторов»¹.

16 декабря 533 г. Дигесты были уже утверждены Юстинианом. Они сопровождались конституцией на латинском и греческом языках. Оба текста в основном (но не буквально) совпадают. Латинская версия известна под названием *Tanta*, греческая — под названием *Dedoken*. В этих конституциях излагается в общих чертах состав и история Дигест.

Следовательно, на составление Дигест было затрачено три года². В конституции *Tanta* (§ 12) указано, что первоначально рассчитывали закончить кодификацию в десять лет. Во всяком случае трехлетний или несколько больший срок должен быть признан очень малым для такой огромной работы, в особенности при тогдашней технике письма. Краткость срока породила мысль о том, что составители

¹ Не мешает отметить, что основное (впоследствии исчезнувшее) значение этого слова — «грабитель», «обирадатель» (от *compilare* — ограбить). Не является ли присвоенное составителям Дигест название бессознательной характеристикой хотя бы некоторых стадий их работы?

² Фактически этот срок, повидимому, был больше, так как общий состав книг Дигест, а возможно, и некоторых титулов, вероятно, был составлен ранее.

Дигест воспользовались уже готовым аналогичным сборником, и их работа свелась к редактированию уже готового материала. Предполагаемые готовые сборники передко называются в литературе «Преддигестами». Вопрос о Преддигестах обсуждался неоднократно, хотя об этом нет никаких указаний ни в Дигестах, ни в иной литературе и, наоборот, во вводных к Дигестам конституциях неоднократно подчеркивался огромный труд составителей.

Теория Гофмана. Австрийский ученый Гофман в своей книге *Kompilation der Digesten Iustinians*, Вена, 1900 выставил новую теорию происхождения Дигест. Он указывает, что составить Дигести за три года невозможно — эта работа превышает человеческие силы. Составители Дигест должны были собрать и подготовить огромные материалы. Если верить конституции *Tanta*, то им пришлось обработать три миллиона строк (то есть более 2700 печ. листов), что превышает объем Дигест, получившихся в результате обработки в 20 раз. Если принять во внимание обширные подготовительные материалы по разбору и изучению всей этой литературы, то на само составление Дигест остался бы срок не более года, и выполнение такой работы в такой срок являлось бы невероятным, тем более, что 531 и 532 гг. были трудными годами в истории Византии (в частности, неустойчивость внутреннего положения и крупное восстание 532 года). Поэтому Гофман считает, что быстрое составление Дигест может быть объяснено тем, что Комиссия пользовалась уже появившимися ранее материалами, в частности — комментариями Ульпиана к эдикту и *ad Sabinum*, сборниками всякого рода мнений и правил; такими сочинениями, как *Fragmenta Vaticana*, *Collatio legum* и т. п. Гофман высказывает также предположение, что в распоряжении компиляторов были работы комиссии Феодосия II, которая первоначально имела своей задачей составление свода всего римского права (см. главу II, § 2) — и конституций, и высказываний юристов. Составители Дигест расположили всю систему права по отделам, и для каждого отдела были выделены члены комиссии. Теория Гофмана не получила распространения прежде всего потому, что она не подкреплена доказательствами. Но вместе с тем Гофман дал ряд интересных наблюдений, например, по вопросу о степени использования текста сочинений отдельных юристов; эти данные были применены самим Гофманом для доказательства того, что количество изученных материалов при составлении

Дигест было сравнительно невелико, а потому соответственно сократился и объем работы компиляторов.

Теория Петерса. В своем сочинении «Die öströmischen Digestenkommentäre und die Entstehung der Digesten Bericht d. Sächs. Gesellschaft der Wissenschaften» 1913 года Петерс приходит к выводу, что Дигесты не являются извлечением прямо из классических работ (указанных в начале каждого фрагмента), но составлены на основании предыдущей частной кодификации, выработанной в одной из юридических школ незадолго до начала работ над Дигестами. Эта компиляция была более обширной, чем западные сборники (например, Варварские правды), была разделена на книги и титулы и включала в себя извлечения из работ юрисконсультов с необходимыми изменениями. Работа компиляторов свелась при таких условиях к пересмотру и внесению необходимых дополнений и изменений, а равно к расширению и умножению интерполяций, из которых некоторые уже были произведены раньше.

Основным возражением против теории Петерса (как и теории Гофмана) является отсутствие всяких положительных данных о наличии предыдущего сборника. До нас не дошло ни одного — прямого или косвенного — упоминания об этом сборнике, ни одного отрывка из него. А ведь речь идет не о каких-либо сжатых «Правилах» или «Сентенциях» (могущих быть использованными для школьного преподавания), а об огромной работе, которая едва ли была под силу не только отдельному лицу, но и отдельной юридической школе, в которой число профессоров юристов, притом занятых своими прямыми обязанностями, исчислялось единицами. Достоинством теории Петерса является то, что она объясняет происхождение числа книг (уже известного еще до начала составления Дигест и, возможно, некоторых титулов). Но эти факты (установление числа книг и, повидимому, некоторых титулов) могут быть объяснены и тем, что «схема» Дигест могла быть уже составлена в Византии силами юристов императорских канцелярий еще ранее начала работы над текстом Дигест. В результате теория Петерса не получила признания.

Вообще теория «преддигест» может считаться оставленной большинством специалистов. Из новых писателей лишь Schulz History (стр. 321) допускает возможность «преддигест», составленных в Бейруте, в той или иной форме, но уже включавших в себя и некоторые интерполяции. Но, не

считая возможным поддерживать такие гипотезы, не подкрепленные фактами, мы должны признать, что отсутствие «предигест» не означает того, что составители Дигест начали свою работу «на пустом месте», имея лишь рукописи сочинений древних юристов. Несомненно, что составители Дигест имели в своем распоряжении всякого рода компиляции, комментарии и пособия, составленные отдельными юристами и в юридических школах. Ведь между наиболее «молодыми» фрагментами Дигест (IV века) и составлением Дигест прошло не менее 200 лет, и период в 300 лет отделяет Дигесты от сочинений «корифеев» — Папиниана, Ульпиана, Павла. Хотя этот период характеризовался упадком римской юриспруденции, трудно допустить, чтобы римские юристы пребывали в состоянии «бесписьменности» и не занимались исследованием трудов своих предшественников. Конечно, отдельные практические и школьные пособия не обладали такой авторитетностью, чтобы получить широкое распространение и дойти до нас, и были посвящены, вероятно, не дальнейшему «уточнению» Павла или Ульпиана, а конституциям императоров. Гофман (стр. 98) признает наличие значительной компиляторской литературы и называет ее «книгами непродуктивных голов, продуктами компилятивного приложения». В виде примера такой доюстииниановской литературы иногда приводятся дошедшие до нас *Fragmenta Vaticana* (Buckland, Text-book, 39—40; Hofmann, 93). Но это, конечно, не предигесты. Согласно конституции Омпет, в юридических школах изучалось не более 60 000 строк, тогда как Дигесты включают более 100 000 строк, так что в распоряжении компиляторов должны были быть материалы, не использованные в Бейруте. Одним из главных аргументов в пользу существования предигест являлось соображение о том, что было «невозможно» осуществить такую огромную работу в три года. Но вопрос о «темпах» законодательной работы не может быть решен «на глазок», и нельзя забывать, что комиссия для составления Дигест состояла из выдающихся юристов того времени, которые, конечно, хорошо знали как дошедшие до них работы древних юристов, так и всякие компилятивные работы Бейрутской и Константинопольской школ (Mopieг, 115).

Таким образом, мы не видим оснований отступить от взгляда, что Дигесты являются самостоятельным трудом комиссии Трибониана (учитывая, конечно, наличие предва-

рительных работ — см. выше). Но это еще не дает нам никаких указаний о том порядке, которого придерживалась комиссия в работах по составлению.

На этот последний вопрос дает ответ теория Блюме, появившаяся более 100 лет назад и до сих пор разделяемая (с теми или иными коррективами) подавляющим большинством исследователей.

Теория Блюме. В 1820 году Блюме обратил внимание, что материалы, использованные в различных титулах Дигест, почти во всех случаях разделяются на три группы. Наличие этих групп и определяет порядок фрагментов внутри титулов.

а) В одну группу входят сочинения, являющиеся комментариями к цивильному праву. Сюда относятся прежде всего комментарий Ульпиана к сочинениям Сабина (знаменитый юрист I века н. э., создавший сочинение *Libri tres iuris civilis*, которое пользовалось большим авторитетом), а также иные сочинения по цивильному праву — Дигесты Юлиана и т. п. Эта часть фрагментов каждого титула получила название «массы Сабина».

б) В другую группу входили сочинения, относящиеся к преторскому эдикту, — Дигесты Цельса и Марцелла, сочинения Модестина и т. п. Эта часть фрагментов получила название «массы эдикта».

в) В третью группу входят сочинения Папиниана и иные сочинения практического характера. Эта группа фрагментов получила название «массы Папиниана» (она имеет, как правило, меньший объем, чем две предыдущие массы).

В некоторых случаях (всего в 13 титулах) добавлена еще четвертая группа. Происхождение этой массы неясно; она включает в себя различные сочинения, не «уместившиеся» в предыдущие; например, сочинения древнейшего юриста Квинта Муция Сцеволы, разбор сочинений Лабеона Явленом, Павлом, Проклом. Эта масса получила в современной литературе название «добавления» (*appendix*).

Эти четыре массы часто располагаются в порядке *S e r a*. Но в ряде случаев применяется другой порядок и прежде всего приводится масса, в которой содержатся основные вопросы данного титула и наиболее обильные высказывания. Вообще следует признать, что отнесение определенного фрагмента к той или другой массе в некоторых случаях носит довольно произвольный характер.

Деление титулов на массы не обозначено в самом тексте Дигест. Но в издании Моммзена в начале каждого титула приводятся в сноске указания на эти массы. Например, в титуле 6-й книги 22-й (о заблуждении в отношении права и факта) указано, что масса Сабина — 1—4 фрагменты, масса эдикта — 5 и 6 фрагменты, масса Папиниана — 7—10 фрагменты¹.

По мнению Блюме, Трибониановская комиссия разделилась на три подкомиссии, каждая из которых обрабатывала определенные сочинения и выбирала фрагменты (которые затем вошли в ту или другую массу). Затем, в порядке общей работы труды отдельных подкомиссий были просмотрены, в частности для устранения противоречий. После этого было произведено окончательное редактирование текста (и, вероятно, это было произведено в спешном порядке, что видно из наличия повторений, противоречий и т. п. — см. выше).

Конечно, теория Блюме — лишь гипотеза, но обосновываемая текстом Дигест, что и объясняет ее признание до настоящего времени.

Дальше Блюме пошел в новое время (1901 г.) Эренцвейг. Он признает наличие масс и соглашается с Блюмом в отношении порядка фрагментов, но считает, что этот порядок не был установлен Трибониановской комиссией, а был взят из какой-то предыдущей компиляции. Мы ничего не знаем об этой компиляции (которая должна была иметь огромный размер, и существование ее ничем не подтверждается). Поэтому теория Эренцвейга разделила в литературе то же отрицательное отношение, как вообще теории «преддигест».

§ 3. Система и содержание Дигест

Римские юристы не занимались детально выработкой системы права, ограничиваясь признанием двух основных отраслей права — публичного и частного (Д.1.1). Преследуя

¹ Иногда в пределах одного фрагмента массы повторяются. Например в титуле 3 книги 1-й («О законах и сенатусконсультах и о долговременном обычae» — см. Приложение II к настоящей работе) к массе Сабина отнесены фрагменты: 2, 3, 8, 20—22, 32—34, 36, 41; к массе эдикта — фрагменты: 4, 5, 6, 7, 9, 13, 14, 17—19, 23—25, 27—30, 31, 39, 40; к массе Папиниана — фрагменты: 1, 16, 26, 35, 37, 38. По мнению Крюгера (стр. 337), фрагменты 1, 3,

цели практические, они прежде всего стремились к разрешению отдельных конкретных вопросов, а не к выработке общих понятий, на основании которых мог быть расположен весь существующий правовой материал. При таких условиях большое значение имела система преторского эдикта (в его окончательной и зрелой форме, выработанной Юлианом во II веке), и эта система, естественно, лежит в основе многочисленных сочинений, посвященных эдикту. Эта же система лежит и в основе многих частей Дигест. До нас не дошел подлинный текст эдикта, и мы довольствуемся рядом реконструкций, произведенных на основании комментариев к эдикту Ульпиана, Павла, Гая, комментария Гая к провинциальному эдикту и т. п. Согласно указанию этих авторов, можно установить, что ряд титулов Дигест соответствует рубрикам эдикта. Конечно, мы не можем требовать полной копировки заглавий рубрик эдикта, и достаточно констатировать, что эдикт имел основное влияние. Соответствие заглавий ряда титулов Дигест рубрикам эдикта видно из следующих примеров.

Название	Предполагаемые рубрики эдикта	Титулы Дигест
De iurisdictione	2	2.1
De edendo	3	2.13
De pactis	4	2.14
De in ius vocando	5	2.4
De postulando	6	3.1
De vadimoniis	7	2.8
De cognitoribus et procuratoribus et defensoribus	8	3.3
De calumniatoribus	9	3.6
De in integrum restitutionibus	10	4.1 и т. д.

Но, само собой разумеется, эдикт, являвшийся инструкцией для работы преторов, не мог покрыть собой все римское право. В Дигестах многие правила заимствованы не из

32—41 первоначально должны были образовать специальный титул «О долговременном обычай». Но затем было решено слить этот предполагавшийся краткий титул с предыдущим — «О законах и сенатус-консультах».

преторского права, а из цивильного права. Соответствующие места сосредоточены главным образом в массе Сабина отдельных титулов.

Кроме того, в Дигестах имеется немало мест, относящихся вообще к публичному праву. Можно упомянуть о следующих частях Дигест:

1. Титулы, содержащие некоторые общие положения, общие принципы по некоторым юридическим вопросам. Например, Д.1.1 — О правосудии и праве, Д.1.2 — О происхождении права (этот обширный фрагмент из Помпония, дошедший до нас в сильно искаженном виде, представляет особую ценность, так как он является, в сущности, единственным более или менее связным изложением вопроса о происхождении и развитии римского права и дает много сведений о различных древних юристах); Д.1.3 — О законах, сенатусконсультах и длительном обычая, Д.1.4 — О конституциях принципсов. Дальше идут титулы, изложенные весьма неполно и несистематично о высших должностных лицах.

2. Вопросы уголовного права и процесса — в книгах 47 и 48 и отчасти в книге 49. Эти правила изложены довольно систематично — по отдельным видам делектов и наказаний. Но в этих вопросах римское право пережило большую эволюцию, и потому в Дигесты включены фрагменты из книг, относящихся к последадриановским временам (II—III вв.).

3. Некоторые отдельные вопросы публичного права. Например, Д.49.11 — О праве фиска; Д.49.14 — О военном пекулии; Д.50.6 — Об иммунитетах.

4. Некоторые отдельные высказывания, относящиеся к вопросам, выражаясь современной терминологией, международного права. Термина «международное право» в Риме не знали. Некоторые вопросы, отнесенные со временем к международному праву, регулировались «правом народов» (*ius gentium*); например, объявлялись войны, разделялись народы, основывались царства (Д.1.15, Гермогениан). Но право народов хотя считалось правом, общим для всех государств (Д.1.1), чтобы *ius gentium* основывалось на общепринятых обычаях или на соглашении государств.

Римские юристы дали ряд высказываний, без приведения их в какую-либо систему, относящихся, прямо или косвенно, к юридическому положению других государств (поскольку этим преимущественно затрагивались интересы римлян). Приведу несколько высказываний.

Море является «общим для всех» (Д.1.8.2.1, ср. Д.47.10.13.7), но это не может быть признано международно-правовой нормой, так как одинаковое положение с морем занимают берега, и едва ли когда-либо римляне признавали свои берега «общими для всех». «Народы бывают свободные, которые не подчинены власти никакого другого народа», и союзные, которые «вступили в дружбу на основании равного договора, или же если в договоре выражено, что этот народ соблюдает верховенство (*maiestas*) другого народа» (Д.49.15.7.1, Прокл). Понятие «враг» является ограниченным: враги — это те, кто нам или кому мы публично объявили войну, «остальные являются разбойниками или грабителями» (Д.50.16.118, Помпоний); в последнюю категорию входят, очевидно, всякого рода свободные народы, которые еще не вступили в государственный период своего существования, — против них могли вестись военные действия без всякого «объявления войны», и против них можно было принимать любые меры. Признак «войны» для признания кого-либо «врагом» подчеркивается и у Гая (Д.50.16.224): кого мы называем врагами, тех древние называли «*perduelles*», подчеркивая этим, что с ними ведется война (война — *bellum*, на древнем языке — *duellum*, откуда и термин *perduellis*). Но вообще здесь не было точной определенности терминов. В частности, Дигесты знают и термин аполид (слово это приводится по-гречески); аполиды не имеют того, что относится к цивильному праву; то же, что относится к праву народов, — они имеют (Д.48.19.17). Нужно иметь в виду, что слово «право» (*ius*) часто обозначает в Дигестах норму права. Поэтому высказанные слова означают, что аполиду (легально находящийся в Риме, например, в порядке гостеприимства) не пользуется нормами цивильного права, доступного лишь для римских граждан.

Гробницы врагов не являются для нас религиозными (местами), поэтому мы можем использовать их любую цель взятые оттуда камни, и не предъявляется иск об осквернении гробницы (Д.47.12.4). Хотя врагами признаются те, кто нам или кому мы объявили войну (Д.49.15.24), из этого не вытекает какой-либо правоспособности тех, кто не находится в состоянии войны. Наоборот, Д.49.15.5.2: если с каким-либо народом мы не имеем ни дружбы, ни гостеприимства, ни союза, основанного на дружбе, те хотя (входящие в этот народ) и не являются врагами, но если что-либо из нашего досталось им, то это становится принадлежащим им, то же происходит, если от них что-либо достается нам. В этом выражается исконное начало римского права, а именно — признание бесправия чужаков. С этим связывается и запрещение хотя бы некоторых сделок с врагами. В частности, до нас дошло указание о воспрещении сделок, которые могут содействовать ведению войны врагами. Д.39.411 (Павел): не дозволяется, под страхом смертной казни, продавать врагам камни, служащие для точки железа, так же как железо, зерно и соль. В связи с вопросами пленя возник очень своеобразный институт, имевший, повидимому, немалое практическое значение (ему посвящен специальный титул Дигест — 49.15), а именно постилиний. Если римский гражданин захвачен в плен, то он считается (с точки зрения самих римлян) рабом, и его имущество переходит к его правопреемникам. Но если он вернется, то он вновь получает римское гражданство и восстанавливается в своих правах. Потеря правоспособности относится и к врагам, захваченным римлянами (Д.1.5.5, Марциан), — они являются рабами. О последствиях оккупации в общих чертах говорят Помпоний

(Д.11.1.36): когда местности захвачены врагами, то все перестает быть религиозным или священным, а свободные люди обращаются в рабство; если же местности будут избавлены от этого бедствия, то они восстанавливаются в прежнее состояние, как бы в порядке посталиния.

Блага посталиния касаются лишь римлян, захваченных (при военных действиях). Если же кто-либо сдался врагам или перебежал к врагам во время войны, или перебежал к народу, с которым нет договора о дружбе, то в случае возвращения указанное лицо не имеет права на возвращение имущества (Д.49.15.17). Равным образом в особом положении находятся военные преступники: «По воззрениям предков нет траура по человеку, который действовал для разрушения отечества и убийства отцов и детей; если сын убил отца или отец — сына, то по общему признанию он получает награду» (Д.11.7.35, Марцелл).

Приведем еще несколько правил о посольствах (титул 7-й книги 50-й). Нужно оговорить, что в Риме послами, по общему правилу, назывались не представители других государств, а находившиеся в Риме представители муниципий и общин. Но было и более широкое понимание послов, в частности послов врага для обсуждения условий мира. К этому случаю относится очень важный фрагмент Помпона (Д.50.7.18). «Если кто-либо ударит посла врагов, то это действие признается противоречащим праву народов, ибо послы считались святыми. И потому, если у нас были послы какого-либо народа, и им была объявлена война, то они остаются свободными, ибо это соответствует праву народов. Лицо, ударившее посла, должно быть выдано врагам, к которым принадлежат послы. Из процессуальных привилегий послов следует отметить, что послы в отношении договоров, заключенных ими до того, как они стали послами, подсудны суду по их постоянному месту жительства».

Основным содержанием Дигест являются фрагменты, относящиеся к частному праву в смысле, как понимает этот термин Д.1.1, но при этом нужно сделать две оговорки.

1) Более четверти объема Дигест занимают вопросы наследования по закону и по завещанию; вопросы эти являются, несомненно, весьма сложными в любом эксплуататорском обществе и имеют немалое значение для обеспечения сохранения богатства в руках представителей господствующего класса; в частности, исчерпывающая нормировка дается в связи с отношениями по приданому в случае смерти одного из супругов; что же касается завещательного права, то нужно отметить, что многие из соответствующих правил (как в Риме, так и впоследствии) получили особое значение. Дело в том, что при исполнении завещаний особо важно правильно истолковать волю завещателя: последнего уже нет в живых, и надо загляну установить, что он имел в виду. Поэтому именно по вопросу о завещаниях был установлен ряд важных правил о толковании воли (которые до

сих пор фигурируют в учебниках буржуазного гражданского права). Целый титул Дигест в отделе о наследовании так и называется «о сомнительных» (то есть затруднительных «делах» — Д.34.5). Например, Д.34.5.12: «При двусмысленности надо понимать слова так, чтобы дело, о котором говорится, имело силу, а не было уничтожено». Д.34.5.21: «Где имеется двусмысленность слов, там имеет значение намерение». Д.34.5.24: «Если в завещании написано двусмысленно или даже неправильно, то следует толковать благосклонно и признавать то, что, вероятно, было в мыслях завещателя». Д.32.25.1: «Когда в словах не содержится никакой двусмысленности, то не должно быть допускаемо исследование воли». Д.33.10.7.2: «Не на основании мнений отдельных лиц, но на основании общего употребления должны быть понимаемы слова¹. Конечно, эти общие правила со временем были использованы не только для толкования завещаний, но и вообще при толковании сделок. В связи с этим следует отметить, что правила о толковании волеизъявлений имеются и в других местах, например, в Д.50.17, фрагмент 64: «То, что случается редко, не может с легкостью учитываться при совершении сделок». Фрагмент 67: «Если слова выражают два смысла, то преимущественно они понимаются в том смысле, который является более сообразным производящему делу». Фрагмент 3: «В неясных делах мы всегда следуем тому, что является наименьшим». Фрагмент 96: «В речах, имеющих два смысла, следует главным образом принимать мнение того, кто их произнес».

б) Если каждое законодательство определяет по-своему пределы правового регулирования², то римское право уделяет мало внимания личным отношениям мужа и жены, отца и детей, давая здесь лишь некоторые правила по вопросам имущественного характера (приданое, приобретенное сыном имуществом); относящиеся сюда вопросы в значительной степени решаются волей мужа и отца. Здесь римское

¹ Если же мысли завещателя не могут никак быть вскрыты, то открывается простор для произвольных допущений, причем значительную роль играет здесь аналогия. Например, возник вопрос, на какой срок должен быть признаваем предложенным муниципии узуфрукт. Отдельным лицам он предоставляется пожизненно. Но у муниципии смерти не бывает. На указанный вопрос был дан ответ: узуфрукт должен считаться предоставленным муниципии на 100 лет, так как это — предел человеческой жизни (Д.7.1.56).

² Интереснейший вопрос, к сожалению, исторически еще совершенно не разработан.

право даже внешне не сравнимо с современными буржуазными законодательствами.

Таким образом, с учетом изложенного выше мы можем констатировать, что содержание Дигест по количеству затронутых вопросов шире частного права.

Но вместе с тем, если подходить к Дигестам не как к средству познания римской классической юриспруденции, а как к выражению реального права Византии VI века (а эта последняя точка зрения является правильной), то оказывается, что Дигесты уже византийского частного права.

Дело в том, что Кодекс Юстиниана содержит в себе многочисленные конституции, относящиеся и к вопросам частного права и соответствующим образом дополняющие (или изменяющие) Дигесты. Для доказательства приведу несколько примеров того, что и в Дигестах, и в Кодексе имеется ряд титулов, касающихся одних предметов и носящих одинаковые (или сходные) заглавия.

Титулы Дигест	Титулы Кодекса
46.4 De acceptilatione	8.43 De acceptilationibus
48.6 Ad legem Iuliam de vi publica	Ad legem Iuliam
48.7 Ad legem Iuliam de vi privata	9.12 de vi publica seu privata
48.14 De lege Iulia ambitus	9.26 Ad legem Iuliam de ambitu
9.2 Ad legem Aquilium	3.35 De lege Aquilia
38.2 De bonis libertorum	6.4 De bonis libertorum et de jure patronatus
13.1 De condicione furtiva	4.8 То же
12.6 De condicione indebiti	4.5 То же
16.3 Depositi vel centra	4.34 Depositi
19.1 De contrahenda emptione et venditione	4.38 То же
19.2 Locati conducti	4.65 De locato conducto

Видимо, система Дигест и система Кодекса имеют, хотя бы частично, общее происхождение, или же система одного из этих источников была в известной степени скопирована в другом. Некоторые исследователи считают, что план Дигест был выработан после составления Кодекса (здесь имеется в виду Кодекс первой редакции, обнародованный в

апреле 529 года и, значит, система Дигест была выработана в промежуток апрель 529 года — декабрь 530 года (Каглоуа, 1006). Этот вывод подтверждает мысль о том, что система Дигест была выработана до начала составления Дигест. Впрочем, этот вопрос не имеет существенного значения.

А существенным нашим выводом является тот, что для изучения права VI века необходимо изучение не только Дигест, но и Кодекса. Между тем при распространенном ранее взгляде, что Дигести являются «итогом», или «результатом», развития римского права, изучение Кодекса оставалось несколько в тени, и это являлось безусловной ошибкой.

§ 4. Сочинения Римских юристов, использованные в Дигестах

1. Составители Дигест отнюдь не ставили своей задачей собрать сочинения всех римских юристов, оставивших свои труды. Тем более, что рукописи всех этих сочинений едва ли были в распоряжении комиссии. Достаточно отметить, что из сочинений такого светила, как Лабеон, нет ни одного прямого заимствования; имеется лишь изложение некоторых его взглядов позднейшими юристами (Павлом и др.). Видимо, работы Лабеона уже не дошли в своем оригинальном тексте до компиляторов (Гофманн, 121). В Конституции Tanta (§ 1) указано, что было разобрано 2000 книг (общим объемом в три миллиона строк), из которых надо было избрать то, что является наилучшим. Из этого уже видно, что комиссия произвела отбор юристов, заслуживавших чести быть помещенными в кодификацию. Благодаря тому, что в начале каждого фрагмента имеется имя автора, исследователи установили в Дигестах извлечения из сочинений 38 юристов¹. Древнейшим из использованных юристов является Квинт Муций Сцевола (умер в 82 году до н. э.), из которого взято пять небольших выписок. По догадке Шульца («History», стр. 283) эти маленькие выписки являлись знаком уважения к «основателю римской юриспруденции». Из юристов республиканского периода цитируются еще Алfen Вар и Элий Галл (из сочинений каждого из них взято по одной работе).

Огромное же большинство приведенных в Дигестах юристов относится к периоду принципата, в особенности к

¹ Некоторые исследователи ввиду неясности индекса (см. ниже) считают, что использованы сочинения не 38, а 39 юристов.

II—III вв. Незначительное количество юристов IV века (2) и полное отсутствие юристов V—VI вв. легко объясняется тем, что в это время правотворческая деятельность перешла к императору, и для деятельности юристов по формулированию каких-либо новых правоположений уже не было места (см. главу II, § 1).

Из этих фактов мы должны сделать тот вывод, что в Дигестах воспроизведены тексты, преимущественно имевшие 300-летнюю давность ко времени составления Дигест. А так как в период IV—VI вв. законодательство продолжалось, то Дигесты включают в себя ряд заведомо устарелых (с точки зрения начала VI века) материалов. Тем самым мы снова видим недостаточность Дигест для изучения реального византийского права (см., однако, главу V об интерполяциях). Авторы включенных в Дигесты фрагментов по времени своей жизни распределяются следующим образом¹:

I век до н. э. — 3 (1.) Квинт Муций Сцевола, 2) Элий Галл, 3) Алфен Вар).

I век н. э. — 4 (1) Антистий Лабеон — отрывки в сочинениях его последователей, 2) Прокул, 3) Яволен, 4) Нераций Приск).

II век н. э. — 15 (1) Цельс, 2) Юлиан, 3) Помпопий, 4) Абурний Валенс, 5) Маврициан, 6) Теренций Клеменс, 7) Африкан, 8) Венулей, 9) Гай, 10) Волузий Мециан, 11) Марцелл, 12) Таррунтен Патери, 13) Флорентин, 14) Папирий Юст, 15) Цервидий Сцевола).

III век н. э. — 14 (1) Папиниан, 2) Каллистрат, 3) Аррий Менандр, 4) Тертуллиан, 5) Трифонин, 6) Павел, 7) Ульпиан, 8) Марциан, 9) Мацер, 10) Модестин, 11) Галл Аквил, 12) Лициний Руф, 13) Фурий Антиан, 14) Рутилий Максим).

IV век н. э. — 2 (Гермогениан и Аркадий Харизий)

¹ Bonfante, 215. Вообще работа Бонфанте является наиболее полной, хотя и сжатой, сводкой данных, касающихся внешней стороны Дигест.

Дигестам был предпослан список, из каких «законодателей» и каких их сочинений воздвигнут этот «храм римского правосудия». Этот список дошел до нас лишь в греческом переводе (хотя составлен он был, конечно, на латинском языке) и получил название Флорентийского указателя или индекса (*Index Florentinus*), так как он находится в составе Флорентийской рукописи Дигест (см. ниже). Но в результате сличения Флорентийского индекса с текстом самих Дигест выяснилось, что индекс страдает рядом существенных неточностей.

Так, хотя в конституции *Tanta* сказано, что комиссия исследовала 2000 книг, но в Дигестах имеются ссылки только на 1625 книг. В индексе имеются указания на 17 работ, фрагменты из которых в Дигесты не включены. Зато в Дигестах имеются извлечения из 29 книг, не указанных в индексе. Название ряда работ приведено в индексе очень неточно. При таких условиях можно предположить, что индекс был выработан до составления Дигест (Пухта, 537) и являлся как бы программой работ комиссии, у которой могло и не быть времени для последующей тщательной проверки индекса.

2. Количество фрагментов Дигест, приходящихся на долю отдельных юристов, очень неравномерно. Принято указывать, что на долю Ульпиана приходится целая треть Дигест, а на долю Павла — одна шестая. Но более точные подсчеты дают несколько иные результаты. Муромцев С. А. указывает, что в составе Дигест (из общего количества 9200 фрагментов) имеется фрагментов:

Юлиана	— 457	Ульпиана	— 2462
Помпония	— 585	Павла	— 2083
Гая	— 535	Модестина	— 345
Папиниана	— 595		

Всего этим знаменитым юристам принадлежит 7069, или 78 процентов, количества всех фрагментов (в том числе очень много больших фрагментов Ульпиана и Павла): самому Ульпиану принадлежит 27 процентов фрагментов, а Павлу 22,8 процента, «Пятерке» юристов, сочинениям которых законом 426 года (см. главу II, § 1) была придана обязательная сила, принадлежит 66 процентов фрагментов.

Более детальные подсчеты дает Гофманн. Он берет не количество фрагментов, а объем текста (хотя оба эти способа подсчета не дают существенных разногласий). Ульпиану принадлежит до $\frac{6}{15}$ текста (40 процентов), Павлу — $\frac{8}{15}$ (20 процентов). Пяти юристам, указанным в законе 426 года, — $\frac{11}{15}$ (72,6 процента). Следовательно, на долю всех остальных 33 юристов приходится всего $\frac{4}{15}$ текста; из них более других приводятся Цервидий Слевола, Помпоний, Юлиан, Марциан, Явлен, Африкан, Марцелл. Этим самым юристам (плюс указанным выше пятью корифеям) принадлежит $\frac{11}{12}$ Дигест (96,6 процента). А следовательно, на остальных 26 юристов остается всего $\frac{1}{12}$ текста (8,4 процента) Дигест. Имеется 14 юристов, которые в совокупности дали лишь 1 процент материала.

Конечно, эти цифры возбуждают подозрения в тщательности исследования компиляторами сочинений всех юристов, фрагменты которых помещены в Дигестах. Появляется почва для предположения о том, что из сочинений большинства юристов заимствованы лишь «обрывки». Этим обстоятельством объясняются, на мой взгляд, и предположения о том, что существовали какие-то «преддигесты» или что в основе Дигест лежат тексты Ульпиана и Павла с некоторыми «украшениями» из сочинений других юристов, быть может, встречавшихся в различных компиляциях, составленных в юридических школах, и т. п.

Но думается, что преобладание сочинений Ульпиана и Павла не дает твердых оснований для таких крайних выводов. Этому преобладанию может быть дано и другое объяснение. Видные юристы тщательно отмечали в своих работах взгляды своих предшественников и действительно дали некоторый «итог» результатов работы юристов, не утративших своего значения к III веку. К чему же было повторять из более старых юристов (вероятно, располагавших меньшими данными юридического опыта и юридической культуры) то, что можно было прямо взять в более совершенной форме из более новых юристов. Консерватизм римских юристов приводил к тому, что и у Ульпиана и у Павла мы находим более или менее полные картины римской юриспруденции по отдельным вопросам. Дальнейшее развитие права — после III века надо искать уже не в сочинениях юристов, а в кодексе.

3. Являясь сборником отрывков из сочинений римских юристов, Дигесты, естественно, отражают основные черты

сочинений римских юристов даже с внешней стороны. Если дошедшие до нас обширные отрывки из Ульпиана или Павла сводятся к разрешению многочисленных казусов и ввиду отсутствия общих положений часто бывают трудны для изучения, то такой же характер бессистемности носит и расположение фрагментов в отдельных титулах. Еще важнее то обстоятельство, что римским юристам (как и вообще юристам эксплуататорского общества) был присущ консерватизм и твердое чувство традиции: они стремились доказать соответствие их взглядов взглядам предшественников и через 300 лет готовы были цитировать Квинта Муция (Koschaker, 189). Эти ссылки на предшественников, естественно, постоянно встречаются во фрагментах, включенных в Дигесты. Благодаря этому Дигесты дают нам сведения о многих юристах, из сочинений которых не были включены самостоятельные фрагменты. Если бы не было Дигест, то мы вообще ничего не знали бы об этих юристах, и, следовательно, наши сведения об истории римского права были бы значительно беднее¹. Насколько эти ссылки на предшественников были распространены, показывает следующая таблица, содержащая данные о числе цитируемых в Дигестах юристов, фрагменты из которых в Дигестах не содержатся (Bonfante, 215):

II век до н. э.	6
II век до н. э.	13
I век н. э.	27
II век н. э.	5
III век н. э. и дальше	0
Всего . . .	51 юрист

Любопытно, что во II и III веках н. э. число цитируемых юристов снижается, а затем прекращается совсем. Видимо, крупнейшие юристы заслоняли юристов второстепенных, делали их сочинения уже неинтересными и неполными.

При таких условиях не без основания указывается, что Дигесты являются памятником римского консерватизма.

Из приведенной выше таблицы видно, что число юристов, только цитируемых в Дигестах, больше числа юристов,

¹ Как уже было указано выше, из всей огромной римской юридической литературы мы обладаем почти в полном объеме лишь Институциями Гая, да и то в виде позднейшей копии, отнюдь не свободной от ряда последующих изменений и искажений.

извлечения из сочинений которых помещены в Дигестах (38). И среди этих юристов встречается ряд видных работников, оставивших, судя по цитатам из них, яркие следы (например, Аквилий Галл, Намуза, Туберон, Капитон — основатель целой школы, Массурий Сабин и многие другие). Действительно, в Дигестах воспроизведены в виде фрагментов из сочинений только извлечения из некоторых древних юристов. Но сколько еще, несомненно, было больших юристов, о которых мы не имеем (и, вероятно, не будем иметь) никакого представления. Таким образом, Дигесты не могут дать представления о действительном распространении римской юриспруденции.

Наряду с этим следует отметить еще одну сторону работы римских юристов. Давая в основном работы для практических целей, юристы цитировали тексты законов и сенатусконсультов. До нас дошло другими путями очень мало соответствующих памятников в виде надписей на бронзовых досках и т. п. (такой способ опубликования применялся в отношении законов и сенатусконсультов, имевших особое значение, а равно некоторых муниципальных законов). В виде примера из области частного права можно указать *lex agraria* 111 года до н. э., ликвидировавший законодательство Гракхов (сохранился не полностью). Кроме того, некоторые сенатусконсульты дошли до нас в виде папирусов¹.

Наконец, отдельные тексты древнейших законодательных актов дошли до нас посредством неюридических сочинений (например, Авла Геллия).

Но с этими оговорками необходимо признать, что Дигесты являются важнейшим памятником для познания не только истории римской юриспруденции, но и римского законодательства.

§ 5. Вопрос о выработке римскими юристами определений и общих положений

1. Практический характер работы римских юристов привел к тому, что их сочинения не сводились к установлению общих принципов, из которых делались бы те или другие конкретные выводы, как это имеет место в современных кодексах. Не в этом была сила римских юристов. И отсюда

¹ Перечень дошедших до нас, помимо Дигест, юридических актов см. у Bonfante, стр. 232 и сл.

идет мнение, что римские юристы были вообще против общих определений. Некоторые говорят даже, что римским юристам принадлежит изречение «всякое определение опасно».

Этот взгляд требует существенного изменения. Основное высказывание принадлежит Яволену (юристу I—II вв.). «В цивильном праве всякое определение чревато опасностью, ибо мало случаев, когда оно не может быть опрокинуто» (*Omnis definitio in iure civili periculosa est: parum est enim ut non subverti posset* — Д.50.17.202)⁴. Таким образом, слова Яволена, взятые притом не из какого-либо сочинения общего характера, а из его писем, относятся лишь к древнейшему цивильному праву, которое притом существенно дополнялось, а отчасти и изменялось практикой претора и тем самым не оставалось неизменным.

Действительно, в Дигестах не содержится определения ряда основных частноправовых понятий. Так, при наличии многих сотен фрагментов, посвященных собственности, нет определения собственности (не считать же определением выражение, что собственность — это «полная власть над вещью» *plene in re potestas* I.2.4.4; нет определения контракта, деликта, иска (4-я книга Институций Гая, посвященная искум, прямо начинается с изложения «видов исков») и т. п. В ряде случаев римские юристы предпочитали давать этимологический анализ юридических терминов и именно в привычном словоупотреблении искали определения. Например, в Д.33.10.7 Цельс разбирает вопрос о понятии *supellex* (утварь, предметы обихода), оставленного в виде легата. Приводятся взгляды Лабеона и Туберона, причем последний указывает, что понятие *supellex* изменяется в зависимости от нравов государства и использования вещи. Далее Сервий указывает на необходимость исследования мнения того, кто оставил легат, но, однако, не на основании мнения отдельных лиц, а на основании общего употребления названия вещей должен быть исследован этот вопрос. Конечно, в этом нет никакого пояснения, а не то что определения.

О склонности юристов к грамматическим объяснениям свидетельствует, например, специальный фрагмент, посвященный высказыванию Ульпиана о том, что выражение «который» (*quis*) применяется как к мужчинам, так и к

⁴ По мнению некоторых исследователей, вместо мало случаев (*parum*) следует сказать *raram*, то есть редки случаи.

женщинам (Д.50.16.1). В римском праве юридические термины употреблялись вообще, как и ныне, в мужском роде. Наряду с этим мы видим такое важное пояснение, выходящее за область грамматики, как, например, слово «товар» (*merx*), (Д.50.16.66), которое относится только к движимостям.

Однако наряду с отсутствием в Дигестах определения важнейших институтов мы встречаем и ряд общих определений. Например, Д.50.16.24 (Гай): «Наследование есть не что иное, как преемство в совокупности права, которое имел умерший». Или 50.16.39.2 (Павел): «Под имуществом каждого понимается то, что остается за вычетом долгов».

2. Из осторожного отношения римских юристов к юридическим дефинициям отнюдь не вытекает их отрицательное отношение к общим положениям и характеристикам. Эти общие положения (правила, *regulae*) не отыскиваются нарочито, а должны вытекать из обрабатываемого юристом материала. Вообще римские юристы прекрасно сознавали, что выработка общих положений — дело сложное и медленное, требующее большого материала и осмотрительности, чтобы не повредить практике: семь раз отмерь, один — отрежь. Поэтому понятно, что число такого рода положений возрастает и по мере накопления опыта возрастает к классическим и послеклассическим временам. Другое дело, если законодатель сам дает обязательную для всех легальную дефиницию. Таких случаев в римском частном праве было немного.

Вообще же руководящее значение для уяснения метода римских юристов имеют слова Павла: «Не из (отвлеченного) правила (*regula*) выводится право, но из существующего права должно быть создано правило» (Д.50.17.1). Другими словами, право реально действующее должно быть основанием выработки общих правил.

И потому римские юристы отнюдь не отказываются от формулирования общих положений, в частности в элементарных изложениях, предназначенных для целей обучения — в так называемых «институциях» (см. в Приложении I перевод титула 1-го книги 1-й Дигест, где много общих положений, взятых именно из институций разных авторов).

В других случаях юристы устанавливают какое-либо общее положение в виде мотива данного ими решения отдельного вопроса. В этих случаях общие положения имеют

характер лишь добавочного аргумента, и притом нередко голословного. Но в дальнейшем (в частности, в средние века) эти общие положения были нередко выхватываемы из контекста, им придавалось значение самостоятельного принципа — и «обработка» римского права шла по пути изыскания общих абстрактных положений, без всякого внимания к тому, по какому поводу то или иное положение было высказано. В главе II мы уже указывали, что такое, казалось бы, руководящее положение, которое должно пронизывать все право, как «не следует снисходить к злобе» (Д.6.1.38), было высказано лишь в виде аргумента по такому мелкому случаю, как очистка без нужды стен от гипсовых украшений. «Vigilantibus iura sunt scripta» — «право написано для бдительных» (Д.42.8.24). Этот безжалостный в ряде случаев аргумент хотя и соответствует общему «духу» римских юристов, но был высказан лишь в связи с довольно сомнительным случаем: он оправдывал действия кредитора, взыскавшего свою претензию с должника, имущество которого уже было назначено к продаже. «Vim vi repellere licet» — «силу дозволено отразить силой» (Д.43.16.1.27) — это правило, которое, по мнению Кассия, установлено природой, сформулировано лишь применительно к случаям незаконного насилия, захвата владения (и лишь Флорентин придал этой мысли более общую редакцию, хотя и менее определенную, см. Д.1.1.3 — Приложение I); вообще же здесь речь шла лишь о необходимой обороне в пределах частного права. Иногда такого рода «выдергивание» общих положений производилось и самими кодификаторами. Например, в Д.1.3.31 имеется знаменитое положение Ульпиана: «Принцепс свободен от соблюдения законов». Но такой принцип, по существу едва ли выгодный для провозглашения самим принцепсом, не вполне соответствует словам того же Ульпиана, «что угодно принцепсу, — то имеет силу закона» (Д.1.4.1), и дальше указывается, что акты императора являются законом; необходимо, следовательно, некоторое волеизъявление принцепса. Если принять во внимание, что Д.1.3.31 заимствован не из какого-либо сочинения Ульпиана общего характера, но из комментария Ульпиана к законам Юлиеву и Папиеву о наследственных правах патрона после отпущенника (и притом даже не из начала этого комментария, а из XIII главы), то вполне возможно, что и императору предоставлялось право не соблюдать именно этих законов (например, устанавливать

некоторые льготы в пользу наследников какого-либо очень влиятельного отпущенника)¹. Тем самым приведенная цитата не могла иметь общего и универсального значения.

3. Нужно отметить, что римские юристы, будучи большими практиками, давали правильные, с точки зрения интересов господствующего класса, решения, но мотивы их решений были в ряде случаев сомнительными или не относились прямо к решению. Приведу два примера.

а) В Д.9.2.51.2 Юлиан указывает, что если несколько человек украли такое большое бревно, что никто из них в отдельности унести его не мог, то все они ответственны за воровство. Казалось бы, другого решения и быть не может. Но Юлиан считает необходимым как бы «извиниться» за свое решение и отмечает, что, с точки зрения строгого рассуждения, можно сказать, что никто не отвечает за кражу бревна, так как никто (в отдельности) его не унес. Здесь Юлиан подчеркивает неразумность вывода, хотя правильность этого вывода, по существу, сомнению не подвергается.

б) В Д.5.1.76 Аллен устанавливает в виде общего заключения важное положение, что если какая-либо вещь сохраняет прежний вид, то считается, что имеется та же вещь, которая была раньше; дается ряд примеров: сохраняется тот же легион, хотя бы многие члены его умерли и на их место включены другие; считается, что имеется тот же народ, который был сотни лет назад, хотя бы из тогдашних граждан никто не оставался в живых; также корабль, который подвергался ремонту так часто, что ни одной из прежних досок не осталось, считается тем же кораблем; если бы кто-либо считал, что замена частей делает вещь другой, то и мы сами были бы не теми, какими были год назад, ибо, как говорят философы, мелкие частицы, из которых мы состоим, ежедневно уходят из нашего тела и на их место вступают другие извне. Все эти рассуждения нужны юристу для того, чтобы установить неизменность вещи, которая полностью или частично обновлена. Конечно, это положение имеет серьезное значение для ряда юридических вопросов. Но каким образом юрист приходит к этому важному выводу и какую практическую цель он преследует? Каждый из приведенных примеров представляет интерес, но все они являются весьма разнородными, и каждый требовал бы самостоятельного исследования и

¹ Тем более, что дальше предоставлялись привилегии и женам принцепсов.

обоснования. У Алфена они служат для обоснования одного, не имеющего прямого отношения к этим примерам вопроса. Перед Алфеном стоял единственный вопрос: некоторые члены назначеннной судебной коллегии после заслушания дела устранины и на их место взяты другие; Алfen считает, что решение, вынесенное в новом составе, остается прежним решением. Вывод этот является, конечно, ошибочным с точки зрения любой современной системы процесса, если не считать судебную коллегию юридическим лицом. Но важнее отметить то обстоятельство, что все приведенные юристом примеры не имеют с любой точки зрения никакого значения в качестве аргументов его вывода.

4. Римские юристы были сильны в разборе практических вопросов, в установлении тех или других вариантов данного состава фактов и в показе того, как при изменении фактов изменяется и правовой вывод.

Для показа этого я позволю себе привести довольно обширный фрагмент Бенулея. По поводу этого фрагмента гlosса указывает, что он заслуживает того, чтобы быть написанным золотыми буквами (это признание со стороны таких знатоков Дигест, как гlosсаторы, конечно, нельзя оставить без внимания).

Д.45.1.137.2¹: «Если я stipулировал так: «должно быть дано в Ефесе», то в этом заключается указание на срок. Но спрашивается, какой срок должен быть принят? И более правильно мнение, что все это дело должно быть передано судье, т. е. честному человеку, и судья оценит, в какой срок заботливый отец семейства может выполнить то, что он обещал. Тот, кто обещал дать в Ефесе, не должен быть принужден совершать свой путь с подорожной день и ночь, неизиная на любую непогоду, но и не должен двигаться столь медлительно, чтобы он оказался бы заслуживающим порицания. Но с учетом времени (года), возраста, пола, состояния здоровья он должен действовать таким образом, чтобы прибыть (в место назначения) быстро, т. е. в такое же время, в какое имеют обыкновение прибывать (туда) люди,

¹ Различными исследователями были высказаны предположения, что некоторые места этого фрагмента интерполированы. Однако твердых доказательств этого нет, и если даже имеются интерполяции некоторых слов, то они не отражаются в данном случае на строе мысли римского юриста. А это последнее нас и интересует. В данном фрагменте видна тщательная разработка всех вариантов (осталось недоработанным лишь положение, что платеж мог быть произведен «в любом другом месте»).

находящиеся в таком же положении. Когда это время прошло, то хотя он остался в Риме и не мог дать деньги в Ефесе, тем не менее к нему правильно предъявляется кондикция: или потому, что непроизводство им платежа в Ефесе зависело от него, или потому, что он мог произвести платеж в Ефесе через другое лицо, или потому, что он мог произвести платеж в любом другом месте. Ибо и то, что должно быть дано в определенный срок, может быть уплачено и раньше, хотя не может быть истребовано. Если же, совершив путешествие с подорожной или же вследствие счастливого плавания он прибыл в Ефес ранее, чем кто-либо другой, то он немедленно становится обязанным, так как в том деле, которое фактически закончилось во времени, нет никакого места для предположения».

5. В ряде случаев встречающиеся в Дигестах общие положения относятся к более поздним временам по сравнению с временем жизни автора соответствующего фрагмента и должны быть признаны имеющими послеклассическое происхождение. Это явление представляется естественным: выработка общих принципов и положений является сложным и медленным делом; это требует накопления большого материала и достижения высокого уровня юридической культуры. Примеров этого сколько угодно в истории права любого народа. Кроме того, специально относительно Рима надо заметить, что начиная с IV века сосредоточение в руках императора законодательной власти ликвидировало прежнее самостоятельное формулирование правоположений римскими юристами; появляется стремление к твердой определенности права и к сведению до минимума усмотрения органов, применяющих право. А это, естественно, вызывает тенденцию к выработке общих и твердых положений, о которых мало заботились юристы-классики.

С другой стороны, римское право впитывает в себя ряд заимствований из греческой мудрости, преимущественно в области философских и общеюридических вопросов. Достаточно ознакомиться с титулом 3 книги 1-й Дигест (см. Приложение II), чтобы в этом убедиться. Из других примеров можно отметить те, которые не без основания указывают, что знаменитое определение брака Модестином (Д.23.2.1): «брак есть соединение всей жизни, сочетание божественного и человеческого права» — навеяно греческими источниками (Платон, Законы, 6.15.23 и Аристотеля-Никомахова этика, 8.12.11622.6). Когда Помпоний указывает на три категории

вещей (Д.41.3.30) — простых (например, раб), состоящих из нескольких предметов, связанных один с другим (например, здание) или состоящих из несоединенных между собой предметов (например, стадо), то названия этих категорий приводятся по-гречески, и это едва ли является случайным. Равным образом, видимо, имеют послеклассическое происхождение указания Павла (44.7.3): существо обязательства не в том, что оно делает нашим какую-либо вещь или сервиситут, но в том, что оно принуждает кого-либо дать нам нечто или сделать, или предоставить. Схематически определяет Павел и воровство (воровство есть злоумышленное похищение вещи в целях извлечения выгоды — или самой вещи, или пользования, или владения ею, что запрещено естественным законом — Д.47.2.1.3). То же можно сказать об известном делении обязательств на do ut des, do ut facias и т. д. (Д.19.5.5).

Из всего этого видно, что сдержанное отношение римских юристов к общим определениям и положениям далеко не имеет той силы, как это иногда представляется. Но, конечно, когда мы видим в средневековом и позднейшем «пандектном праве» извлечения из Дигест общих положений, из которых выводятся в логическом порядке частные положения, и когда отдельные выражения Дигест берутся вне связи с контекстом, то получается картина, очень похожая по внешности на современный кодекс и очень мало похожая на те Дигесты, которые реально были сформулированы в VI веке.

§ 6. Рукописи Дигест

Подлинный экземпляр Дигест, то есть та рукопись, которая была утверждена Юстинианом в качестве закона, до нас не дошел. Мы располагаем лишь позднейшими копиями, причем между различными списками имеются некоторые (хотя и немногочисленные) расхождения, относящиеся, однако, не только к области мелочей. Тот текст Дигест, который мы изучаем в настоящее время, является результатом большой научной работы над сличением и сопоставлением ряда рукописей для установления наиболее вероятного текста.

Среди имеющихся рукописей на первом месте стоит так называемая Флорентийская рукопись VI или VII века (находящаяся во Флоренции — Littera Florentina; в 1406 году она была похищена в городе Пиза при разграблении

этого города, почему и называется иногда *Littera Pisana*). Несмотря на ряд изменений, внесенных переписчиками, Флорентина дает нам наиболее надежный текст.

На втором месте по своему значению стоят многочисленные манускрипты XI—XII вв., значительно менее надежные, чем Флорентина: греческие тексты часто пропущены (греческий язык не пользовался тогда распространением в ученом мире), по общему правилу не указано название сочинения юриста, откуда заимствован данный фрагмент. Эти списки называются *Vulgata* или *Littera Vulgata*.

По вопросу о соотношении Флорентины и Вульгаты были высказаны различные предположения. Наибольшей авторитетностью пользуется мнение Моммзена. Рукописи Вульгаты имеют в своей основе воспроизведение Флорентины, но с изменениями, внесенными без большого знания дела, причем была принята во внимание и не известная нам более древняя рукопись; в рукописях Вульгаты имеется ряд мест, дополняющих Флорентину.

Особое значение для установления текста Дигест имеют труды школы гlosсаторов (XI—XII вв.). Гlosсаторы, в частности из Болонского университета, относились с исключительным уважением к римскому праву и много занимались систематическим изучением *Cognitio iuris*, в особенности Дигестами.

Не без основания Кошакер (стр. 62—68) указывает, что гlosсаторы никогда не были превзойдены как знатоки римского права, и университет в Болонье приобрел европейскую известность как место средоточения работ по римскому праву: в середине XII века в нем были тысячи студентов из разных стран. Изучение гlosсаторами римского права носило чисто формальный характер. Им было, разумеется, чуждо понимание права как социального явления, обусловленного определенным базисом. Но они были непревзойденными специалистами по части нахождения и изучения параллельных мест и противоречий, по первичной систематизации огромного материала, по составлению примечаний (глосс) к неясным местам. Только они могли выполнить грандиозную работу по делению больших фрагментов на параграфы, и, надо отдать справедливость, эта работа, значительно облегчавшая изучение текста, в большинстве случаев была выполнена с большим знанием дела. Нужно, вместе с тем, отметить, что критическое отношение к тексту было им чуждо: как будет указано ниже (глава V), они

не «разглядели» даже ряда бесспорных интерполяций, хотя на наличие интерполяций указывал сам Юстиниан.

Не будет преувеличением сказать, что римское право сделалось известным Западной Европе благодаря деятельности гlosсаторов, и этим был облегчен процесс осуществления рецепции римского права.

Любопытно отметить, что в момент своего составления Дигесты включали в себя устарелый материал, имевший 300-летнюю и большую давность, а в то время, когда Дигесты начали систематически изучаться гlosсаторами, они не имели силы в Италии, не имели силы и в Византии, так как были заменены новыми специфическими византийскими сборниками (лишь одним из оснований которых являлись Дигесты), главным образом — Василиками¹: на всех этапах своей жизни Дигесты являлись памятником прошлого.

Первоначально Дигесты были известны в виде трех самостоятельных частей, составлявших содержание отдельных рукописей. 1) *Digestum vetus* (книга 1-я — книга 24-я, титул 2); 2) *Infortiatum* (титул 3 книги 24-й до книги 38-й); 3) *Digestum novum* (книги 39—50). Эти названия, может быть, появились потому, что знаменитый исследователь Дигест Ирнерий (XI век) первоначально имел в своем распоряжении лишь 1 и 3-ю части и только впоследствии была обнаружена 2-я часть, которая и была названа *Infortiatum*.

Гlosсаторы свели текст Дигест воедино. Но в рукописях Вульгаты, которыми они пользовались, имелся ряд пропусков (в частности места, изложенные на греческом языке, кроме отдельных слов и кратких предложений). С XIII века эти места начинают восполняться на основании Флорентины. Но и в последней имелось до 14 пробелов. Эти пробелы были восстановлены затем на основании позднейших византийских законодательных сборников, главным образом на основании Василик.

Первые издания Дигест (до 1627 г.) воспроизводили гlosсы Болонской школы и делали указания на параллельные места.

¹ «Василики» — составленный при Льве Мудром (886—911) законодательный сборник, имевший своей целью свести все юстиниановское право, поскольку оно было еще в действии. «Василики» состоят из 60 книг, в титулах которых воспроизводятся титулы трех юстиниановских сборников. Восполнение Дигест на основании «Василик» шло до XVI века.

Особое значение имело издание Готофреда (1583 г.), которое объединило в себе все части юстиниановской кодификации и является первым печатным изданием, получившим общее название *Coprus iuris civilis*.

Из современных изданий следует указать издание *Дигест* Моммзеном (пересмотренное Крюгером, изд. 15-е, 1928). Это издание составлено на базе Флорентины, но приводятся разночтения и из других рукописей *Дигест* и из Василик. Кроме того, отмечены важнейшие интерполяции и многие конъюнктуры самого Моммзена в отношении сомнительных мест.

Г л а в а V

ИНТЕРПОЛЯЦИИ

§ 1. Общие понятия

1. Слово **интерполяция** (от лат. глагола *interpolare* — подновлять) имеет несколько значений. В области исторических наук¹ этим термином обозначается позднейшая вставка в какой-либо текст слов или фраз, не принадлежащих автору. При исследовании *Дигест* этот же термин имеет специальное и более узкое значение: так называются дополнения, изменения или пропуски, произведенные в древних текстах юристов комиссией по составлению *Дигест*².

В самом тексте юстиниановой кодификации этого термина не содержится. В более позднее время интерполяции, произведенные комиссией Трибониана, нередко назывались также *emblemata Triboniani* (*emblema* — греческое слово означает вставки, выпуклые украшения, инкрустации, мозаика).

Необходимость внесения в древние тексты, включенные в *Дигести*, некоторых изменений, обуславливалаась историческими причинами. Как мы видели в главе IV, § 1, *Дигести* имели две задачи: а) Сохранить памятники древней юриспруденции: но в них были включены отрывки из юристов, работавших на протяжении 500 лет, и за это время многое изменилось в учениях юристов — появились новые инсти-

¹ Мы не касаемся этого термина в математике.

² Поэтому от интерполяций отличаются изменения, внесенные в рукописи древних юристов еще до Юстиниана. Такие изменения называются обычно гlossemами (см. ниже, § 3).

туты и новые взгляды, ряд прежних взглядов был забыт, появился ряд контроверз, которые нужно было уничтожить или хотя бы сократить и смягчить; следовательно, если бы была придана одинаковая законодательная сила юристам как IV века, так и юристам республиканского периода, то получился бы хаос, который мог бы явиться лишь материалом для дальнейшей кропотливой обработки в целях изучения древнего права. б) Дать закон, который бы соответствовал времени создания Дигест, то есть VI века н. э.; но к этому времени уже отмерли многие древние институты и относящиеся к ним разработки юристов; такие разработки не только не имели бы никакого практического значения, но, закрепляя анахронизмы, вносили бы лишь путаницу в практику¹.

Таким образом, внесение в древние тексты тех или других изменений являлось исторически необходимым. Конечно, цель устраниния анахронизмов и т. п. могла быть достигнута различными путями; нас интересует лишь тот путь, который был избран при составлении Дигест.

Поскольку речь шла о создании законодательства, применимого к различным народностям, входившим в Восточно-Римскую империю, то для кодификационной обработки не было материала лучшего, чем сочинения римских юристов, уже пользовавшихся широкой и заслуженной известностью и сочинения которых уже не были пронизаны древними узконациональными чертами. Создание законодательства заново (при наличии ряда сравнительно новых постановлений в виде императорских конституций) являлось бы слишком громоздким, не избавило бы от необходимости общирных заимствований из знаменитых юристов и находилось бы в противоречии с идеей преемственности древнего Рима и Восточно-Римской империей. Работы древних юристов являлись твердым базисом. Но, конечно, эти работы, имевшие большую давность, должны были быть приведены в соответствие со строем Византии VI века. Этим в основном

¹ Наряду с интерполяциями в Дигестах мы встречаем интерполяции и в Кодексе Юстиниана. Но так как в последний был включен более свежий материал, то и интерполяций там значительно меньше. В частности, мы не найдем значительных интерполяций в таких важных правилах Кодекса, как правила о колонах. Соответствующие правила были выработаны в период империи и многие из них были изданы при самом Юстиниане. Что же касается более старых интерполяций, то надо иметь в виду, что они вносились в императорские конституции еще при составлении Феодосиева Кодекса (Боифант, 1821).

и объясняется тот факт, что кодификация стала на путь частичного подновления текстов, то есть на путь интерполяций.

Необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что интерполяции никак не отмечены в тексте Дигест. Фраза, в которой имеется интерполяция, написана сплошным текстом, без упоминания об интерполяции и без всякого выделения интерполированных слов. Поэтому интерполяции должны быть названы скрытым изменением текста. Но являлась бы глубоко ошибочной мысль, что интерполяции явились следствием каких-либо скрытых и самочинных действий компиляторов, которые-де тайно искаражали тексты. Интерполяции производились по прямому приказанию Юстиниана и с его санкции. Еще в конституции *Deo auctore* (§ 7), дававшей программу работ кодификаторов, было указано, что если в старых книгах найдется что-либо написанное неправильно, то это должно быть исправлено, и никто не должен дерзать считать написанное теперь (то есть в Дигестах) порочным на основании сличения с древними томами; нельзя включать и законы, содержащиеся в старых книгах и вышедшие из употребления, — и в сомнительных случаях нужно следовать обычая Рима, который является главой мира, причем под Римом следует понимать не только древний Рим, но и наше царство (§ 10). (Мысль о руководящем значении практики города Рима была высказана уже давно — *D.1.3.32*, Юлиан). Мысль о необходимости исправления соответствует и общей мысли, выраженной в § 1 конституции *Deo auctore*: все отрасли законодательства, созданные от основания города Рима и идущие от Ромуловых времен, находятся в таком смешении, что они распространяются беспредельно и не могут быть объяты никакими способностями человеческой природы. Необходимость исправлений указывается и в конституции *Tanta*: составители Дигест уполномочиваются делать сокращения или дополнения, и все это считается включенным нашей (то есть императора) властью; имеется (в Дигестах) многое, что нужно изменить для пользы дела, и никто да не дерзнет сличать то, что было в древности (§ 10)¹.

Таким образом, единственным текстом, имеющим силу, является текст, помещенный в Дигестах, и запрещено даже

¹ Та же мысль повторяется в конституциях *Haec quae necessario* (§ 2) и *Cordi* (§ 3). Мы видим, таким образом, твердо проводимую принципиальную точку зрения.

роверять, действительно ли, например, Папиниан написал то, что ему приписано. Историческое исследование является, таким образом, запретным.

Здесь мы вступаем в круг непонятных нам идей. Берется текст древнего юриста, сохраняется его авторство (в Конституции Tanta, § 10, Юстиниан говорит, что он имеет такое уважение к древности, что не может допустить, чтобы имена древних юристов были преданы забвению), а затем изменяется текст! Мы сказали бы, что имеется грубейший литературный подлог. Но следует иметь в виду, что в древности на вопросы авторства смотрели совершенно иначе, чем в позднейшие времена. Изменения в виде скрытых «подновлений» текста считались вполне возможными, и известные памятники древности, такие, как Библия, Гомер и другие, дают много соответствующих примеров.

Несмотря на прямые указания Юстиниана на наличие в Дигестах интерполяций, на последние долгое время не обращали внимания. Мимо них прошли, в частности, и такие знатоки текста Дигест, как гlosсаторы. Они смотрели на Дигесты, как на непререкаемую истину, и ограничивались лишь внешним изучением текста Дигест: изысканием параллельных мест, составлением комментариев к не вполне понятным выражениям, приведением текста Дигест в порядок, облегчавший изучение отдельных фрагментов (деление на параграфы) и т. п.¹

Лишь гуманисты, оценившие значение исторического изучения права, установили наличие ряда интерполяций, причем особо следует отметить работы Фабера (1557—1624 гг.) и Куяния (1522—1590 гг.); многие установленные ими интерполяции являются общепризнанными и в настоящее время. Затем изучение интерполяций вновь было предано забвению и лишь в конце XIX и в XX вв., в связи с серьезным усилением исторического изучения римского права и развитием методов критического изучения текста, началось в различных странах систематическое и широкое изучение интерполяций, и вопрос об интерполяциях, разрабатываемый и до настоящего времени, является, пожалуй, самым «модным» вопросом истории римского права, на который было потрачено огромное количество труда. Среди

¹ Здесь можно провести некоторую аналогию с ортодоксальной критикой Библии, которая не изучает изменения древнейших текстов и довольствуется в богослужении установленным текстом. Гlosсаторы относились к тексту Дигест, пожалуй, не с меньшим благоговением.

ученых, уделивших этому вопросу особое внимание в XIX—XX вв., можно особо упомянуть Моммзена, Крюгера, Граденвица, Ленеля, Бонфанте; ряд интерполяций был установлен русскими учеными И. А. Покровским, Л. И. Петражицким, М. Я. Пергаментом, В. М. Хвостовым. Нужно, однако, отметить, что некоторые иностранные ученые стремятся видеть интерполяции в ряде мест без достаточных оснований и даже получили ироническое название «охотников за интерполяциями».

Ни в какой степени не отрицая многочисленности интерполяций, имеющихся в Дигестах, мы должны, вместе с тем, подходить очень осторожно и вдумчиво к признанию того или другого места интерполированным. Кодификаторы при внесении интерполяций, несомненно, сознавали, что речь идет об изменении действующего закона, и у нас нет материала, чтобы поставить кодификаторам в упрек излишнее пристрастие к интерполяциям. Правильно указывает Л. И. Петражицкий (стр. 103), что доказательство наличия интерполяции лежит на тех, кто считает текст неподлинным и что нельзя требовать от сторонников противоположного взгляда доказательств подлинности текста: можно утверждать или оспаривать наличие интерполяции, но нельзя (по крайней мере, во многих случаях) положительно доказать подлинность текста.

В 1909—1912 гг. по инициативе одного из виднейших германских романистов Миттейса было приступлено к составлению свода всех имеющихся в литературе указаний на интерполяции в Дигестах. К работе было тогда же привлечено 15 германских и австрийских профессоров. После смерти Миттейса (1912 г.) работа продолжалась под руководством Леви и Рабель. В 1929—1935 гг. этот большой труд был опубликован. В своде указаны все места Дигест, в которых найдены или заподозрены интерполяции с обозначением авторов соответствующих мнений и места опубликования этих мнений. Мотивы, в силу которых высказаны соображения об интерполированности того или другого места, в своде не указываются. Если бы излагать мотивы признания наличия интерполяции, то свод разросся бы до необъятных размеров. Важнейшие интерполяции отмечены в примечаниях к новым изданиям Дигест, в частности под редакцией Моммзена и Крюгера, и в книге Lebel, *Palinogenesis Iuris Civilis*, два тома, 1889, а равно в известном латинско-немецком юридическом словаре Neumann-seckel.

§ 2. Виды интерполяций и способы их установления

Основными видами интерполяции являются следующие.

1) Изменение текста по существу: добавления к нему, ограничения сферы применения того или другого правила (ограничительные интерполяции), вообще — замена ранее существовавшей нормы. Этот вид интерполяций должен быть признан важнейшим: они показывают, что византийское право изменилось по сравнению с классическим. Однако нужно указать, что установление путем нахождения интерполяции нового текста является задачей труднейшей, тем более что, даже при наличии интерполяции, мы часто не знаем прежнего текста, который был до интерполяции. Поэтому для установления таким путем содержания нового византийского права сделано еще очень мало; мы находимся, несомненно, лишь в самом начале этой большой и очень сложной работы.

2) Замена или устранение наименований отмененных институтов или утративших свое значение терминов¹.

3) Всякого рода стилистические изменения, обусловленные строем или лексикой латинского языка в VI веке. Сюда же относятся любимые компиляторами пояснения отдельных терминов, целесообразные для малообразованного читателя, но носящие во многих случаях весьма элементарный характер².

Эти основные группы интерполяций требуют некоторых специальных пояснений:

К 1) Кроме изменения древних правил по существу, надо отметить, что компиляторы исходили из византийской обстановки VI века, которая может быть охарактеризована стремлением к возможно подробной и точной регламентации. Поэтому нередко правило древнего юриста казалось им слишком широким и общим, и они вводили в него ограничения.

¹ Нужно при этом отметить, что упоминаемые у древних юристов наименования учреждений или должностных лиц остались без изменения, хотя бы в византийские времена таких учреждений или должностей уже не было или они имели уже совершенно другое значение. Например, термины сенат, претор и т. п. остались без изменения.

² По общему правилу, интерполяции касались отдельных фраз или выражений. Но в виде исключения встречаются и большие интерполяции. Например, 24.3.22, § 7—8 говорят о тех последствиях, которые имеют место в случае, если муж или жена во время существования брака впали в безумие. Это — новый и непредусмотренный случай. Оба эти параграфа были признаны интерполяцией еще Куянием; это мнение является общепризнанным и в настоящее время.

ния, указывая точно условия, при которых оно подлежит применению; это делается путем добавления слов *si vero* и т. п. Например, Д.1.5.24 (Ульпиан): «Закон природы в том, что лицо, родившееся вне законного брака, следует (юридическому положению) матери, разве бы специальный закон ввел иное правило». Подчеркнутые слова являются интерполяцией: во времена Ульпиана, повидимому, не было правила об определении положения внебрачного иначе, чем положением матери. Но, очевидно, в Византии такие правила (вводимые путем раскриптов принципов) существовали. Иногда компиляторы дают наряду с древним правилом и свое правило, указывая при этом на преимущество последнего. Например, Д.38.17.1.6 (Ульпиан) указывает, что лицо, нанявшееся бороться с дикими зверями на арене цирка (а это ремесло считалось позорным), не допускается к получению наследства после матери. Это правило, несомненно, соответствовало общественным взглядам рабовладельцев III века. Однако компиляторы внесли факультативное дополнение, видимо, отразившее появившиеся иные взгляды на этот вопрос: «но с точки зрения человеческого истолкования признано, что он может быть допущен к наследованию». Здесь видно, что произошло изменение права в данном вопросе, но достаточно неопределенное, так как были предложены два решения вопроса. Вообще слово человечность как критерий правильности юридического вывода, встречающееся у Цицерона, было затем избегаемо, и им не пользовались классические юристы, но слово это вновь было введено в употребление последовательными юристами, в частности компиляторами, и является одним из признаков интерполированности текста. Компиляторы были вообще не прочь «оправдывать» сделанные ими дополнения путем ссылки на человечность или просто давали новое решение с указанием «но лучше» (*melius est*), например, Д.40.7.40.7. Иногда в интерполяции указывается (путем добавления слова *hodie*, то есть «в настоящее время»), что действует уже не прежнее строгое право, изложенное юристом, а другое — нередко «более мягкое». Например, Д.8.3.9: сервитут проведения воды или пользования водой может быть установлен лишь из колодца или из источника, «но в настоящее время он может быть установлен из любого места».

К 2) Дигесты включили в себя отрывки из сочинений, написанных уже давно. За это время римское право под-

верглось значительной эволюции, в частности, по линии устранения ряда древних цивильных институтов, сложившихся в обстановке небольшой общины, и замены их более общими формулировками, которые были способны регулировать хозяйственную жизнь большой державы с разноплеменным составом населения. Это привело в некоторых случаях к упрощению и сокращению правовых форм, вообще к «универсализму» римского частного права, сыгравшему немалую роль в его широком распространении. Поэтому компиляторы заменяли вышедшие из употребления наименования древних институтов современными и юридическими терминами. Важное значение имеет следующий пример. Согласно тексту *Дигест*, отчуждение права собственности производится посредством *traditio*. Но это — не исконное римское право. В древности при наличии ряда видов или наименований права собственности вместо традиции применялись прежние торжественные формы *mancipatio*, *in iure cessio*, в свою очередь не применявшиеся к провинциальным землям. Введение единого абстрактного права собственности привело к исчезновению этих своеобразных форм, и потому термин традиции в порядке интерполяции приобрел до некоторой степени универсальное значение, применимое ко всем частям империи. Такими же обстоятельствами обусловлена, например, интерполяция в Д.7.1.12.3: вместо описательного и довольно нечеткого выражения «хозяин собственности» (*proprietatis dominus*) включено точное указание — «собственник» — *proprietarius*. Другие примеры замены старых терминов: вместо *fiducia* — *pignus*, вместо *dictio dotis* — *promissio dotis*; различные формы брака заменились единым понятием брака без прежней власти мужа над женой и т. п. Были исключены указания на древнейшие формальные институты вроде *pehūm*, *solutio per aes et libram*, различия между формами легатов, различия между *res mancipi* и *res nec mancipi*, а равно различия между цивильной и преторской собственностью сделались уже беспредметными в связи с выработкой в Риме единого абстрактного понятия права собственности.

Любопытный пример того, как при кодификации подверглось изменению название титула, дает титул 3 книги 13-й. Он называется *de condicione triticiaria*. Это название указывает, что речь идет об истребовании определенного количества зерна (*triticum* — пшеница). Отсюда и название «зерновая кондикция», появившаяся в Византии, вероятно,

вследствие того значения, которое имели там обязательства, имевшие своим предметом пшеницу. Раньше же эта кондикция называлась *condictio certae rei* (Мопиег, II, 121).

К 3) Наконец, некоторые интерполяции не устанавливают какого-либо нового юридического правила и сводятся лишь к замене устарелых слов, хотя бы не являвшихся юридическими терминами, более современными. Например, классические юристы писали в период, когда римская религия представляла собой типичный политеизм и признавала множество богов. Но с установлением монотеистического христианства прежнее выражение «боги» стало заменяться выражением «бог». Например, в самом начале Дигест (Д.1.1.2) сказано о почитании «бога». Но ясно, что у Помпиона было сказано «богов» или «Юпитера». Такую же интерполяцию мы видим в Д.12.2.3 (Ульпиан):

«Фрагмент 3. Нужно присягать так, как присягать предложено; если же я предложил тебе, чтобы ты поклялся божом, а ты поклянешься твоей головой,

Фрагмент 4 (Павел) «или (головой) твоих сыновей»,

Фрагмент 5 (Ульпиан) «то присяга не будет действительной».

Вместо «божом» в оригинале было, вероятно, «Юпитером» или именем какого-либо божества.

К этой же группе интерполяций следует отнести те многочисленные случаи, когда компиляторы давали комментарии отдельных терминов, говоря «т. е.» (*id est*). Необходимость таких элементарных пояснений свидетельствует об упадке юридической науки. Эти пояснения нередко представляются сколько-нибудь образованному юристу довольно наивными. Например, Д.1.1.4: *manu missio* (определенный и твердый юридический термин!), а дальше «т. е. предоставление свободы». Затем сказано либерты (опять устоявшийся термин — отпущенники!) и дополнение «т. е. те, кто перестали быть рабами». Такие пояснения могут быть полезны только тем, кто не знаком с элементарными юридическими терминами. В Д.47.2.43 гр. сказано о «ложном кредиторе» и добавлено «это тот, который выдает себя (*similat*) за кредитора». Иногда дается (и без видимой необходимости) пояснение какого-либо целого правила. Например, Д.4.2.21.3: «Если приданое обещано под влиянием угрозы, то я не считаю, что обязательство возникает». Но это ясное и бесспорное правило снабжено ненужным пояснением, «так как является весьма важным, что такое обещание не имеет

никакой силы». Или же Д.24.3.1 пр. указывает, что необходимо, чтобы женщины имели приданое. И здесь же дается совершенно неюридическое и ничего не говорящее пояснение: «для появления потомства и для пополнения государства детьми». Здесь мы можем видеть лишь новое проявление «комерческого взгляда» на брак рабовладельцев (вообще институт приданого был важен для высших слоев населения). И такие пояснения являются иногда настолько элементарными, что носят характер какого-то урока арифметики. Приведу пример интерполяции из Д.12.6.19.4. Там сказано, что если два лица были должны десять и уплатили совместно двадцать, то каждый имеет истребовать обратно по пяти, — и добавлено компиляторами: «так как, будучи должны десять, уплатили двадцать, и оба могут истребовать обратно, что они уплатили лишнего».

Иногда компиляторы дают подкрепление или одобрение установленного правила (не изменяя этого правила), как будто закон нуждается в одобрении со стороны кодификаторов. Такие случаи показывают, что по какому-либо вопросу на практике были те или другие сомнения, которые и нужно было хотя бы смягчить. Например, Д.11.1.11.6: «Если кто-либо, будучи спрошен, является ли он наследником, в составе всего наследства, ответит «в части», — то если он является наследником в половине наследства, то ответ ему не вредит». И это решение подкреплено словами «это мнение является человеческим».

Способы установления интерполяций. Установление наличия интерполяций относится к числу сложнейших технико-юридических операций. Эта работа требует великолепного знания источников, латинского языка (на различных стадиях его развития), истории институтов римского права, вообще — обширных исторических и филологических познаний. И поэтому во многих случаях выводы отдельных исследователей о наличии интерполяций являются предположительными и не вполне обоснованными. Одного «предположения» или «подозрения» мало для установления интерполяции. И так как, по общему правилу, мы не имеем достоверного текста сочинений древних юристов (а интерполированные слова в тексте самих Дигест не обозначены), то лишь в немногих случаях мы имеем возможность судить о том, в каком объеме кодификаторы использовали свои обширные полномочия на внесение изменений в древние тексты. Достаточно полистать указанный выше

Индекс интерполяций, чтобы видеть многочисленные примеры того, что текст, признаваемый интерполированным со стороны некоторых исследователей, считается со стороны других лишь «находящимся под подозрением» и не возбуждает никаких сомнений в отношении своей подлинности со стороны третьих исследователей.

В нашу задачу не входит изложение всех методов, которые использовались для доказательства (или минимого доказательства) наличия интерполяции: мы укажем лишь в виде примера некоторые наиболее распространенные методы, давая отдельные примеры (систематичное и полное изложение этого вопроса см. у Бонфанте, 156—183).

1. Критерий, основанный на изучении самого текста. Сюда относятся, например, такие случаи, когда по одному вопросу в Дигестах содержится два противоположных правила. Так, в одном и том же сочинении Ульпиана (Об обязанности Консула, книга 2), судя по Дигестам, имеются два отрывка:

а) Д.1.10.1.2: «Если случится, что консул не достиг 20-летнего возраста — он не может у себя совершать освобождение (своего) раба».

б) Д.40.2.20.4: «Консул может совершать у себя освобождение раба, хотя бы он не достиг 20-летнего возраста».

Противоречие этих отрывков очевидно. Но какой из них является подлинным — неизвестно. Ленель (т. 2, 952) считает, что отрывок 1.10.1.2 включен в Дигесты лишь по небрежности, но положительных доказательств этого нет. Вместе с тем надо отметить, что наличие противоречий между различными фрагментами (принадлежащими разным авторам или цитируемыми в различных источниках) само по себе не свидетельствует о том, что один из этих фрагментов является интерполированным; это противоречие может быть объяснено и небрежностью компиляторов (плюс разнотчтениями в старых рукописях). Например, Д.12.1.18 (Ульпиан): «Если я дам тебе деньги как дарение, а ты примешь их как заем», то Юлиан пишет, что нет дарения; но надо рассмотреть, нет ли здесь займа; и думаю, что нет и займа и что деньги не становятся принадлежащими принявшему их; Д.41.1.36 (Юлиан): «если я передам тебе наличные деньги как дарение, а ты примешь их как данные взаймы, то ясно, что собственность перешла к тебе, и не является препятствием, что мы находимся в разногласии об основании предоставления и принятия». Противоречие между

этими двумя фрагментами налицо, но нет никаких оснований считать один из этих двух отрывков интерполированным. Еще более показательным примером того, что различная редакция одного текста не доказывает интерполяции, является следующее.

Мы имеем две редакции ст. 1 знаменитого Аквилиева закона, один из которых дан в Дигестах, другой — в Институциях (и, кроме того, имеется еще третья редакция в Институциях Гая).

Д.9.2.2 (Гай)	Институции Юстиниана 4.3 ¹
<i>Qui servum servamve alienum alienamve quadrupedem vel pecudem iniuria occiderit, quanti id in eo anno plurimi fuit, tantum aes dare domino damnas esto</i>	<i>Si quis hominem alienum alienamve quadrupedem quae pecudum numero sit iniuria occiderit, quanti ea res in eo anno plurimi fuit, tantum domino damnetur</i>

Но нет никаких оснований думать, что в тексте Дигест или в тексте Институций имеется интерполяция: возможно, что бесспорного текста Аквилиева закона уже не было. Различие редакций — незначительное. В данном случае нам важно существо дела, а смысл обеих редакций полностью совпадает, и мы можем пользоваться любым из этих вариантов с полным доверием.

2. Исторический критерий помогает нам обнаруживать интерполяции в тех случаях, когда включенные в Дигесты правила не соответствуют юридическим нормам времени написания их данным юристом. Например, Д.33.1 приписывает Ульпиану следующий текст: «во всем легаты приравниваются к фидеикомиссам». Но мы знаем, что уравнение легатов и фидеикомиссов было осуществлено лишь Юстинианом. Ясно, что слова «во всем» являются интерполяцией (это одна из древнейших обнаруженных интерполяций). Но что именно было написано в этом месте Ульпианом — мы не знаем.

3. Филологический критерий. Пользуясь этим критерием, исследователь устанавливает, что какое-либо место или выражение Дигест не соответствует языку того юриста, которому оно приписано, и является позднейшей редакцией.

¹ В Институциях Гая вместо *fuit* — *fuerit* и вместо *damnetur* — *dare* *damnetur* (3.2.10).

В основе этого критерия лежат правильные соображения. Любой язык изменяется с течением времени. Некоторые слова выходят из употребления, но появляются неологизмы: в современном литературном русском языке мы не встретим слова «поелику», но текст, в котором встречается слово «интеллигенция», мы не можем признать относящимся к началу XIX века. Надо опять напомнить, что между написанием сочинений римскими юристами и редактированием Дигест прошло несколько столетий, и за это время не только лексика, но и стилистика латинского языка изменились. Отсюда происходит соблазн признать наличие интерполяции потому, что так «иे могли» написать древние юристы. В частности, сделано наблюдение, с которым мы не можем не считаться, что некоторые слова пользовались распространением у компиляторов. Например, слово *forte*, или *forsitan* («даже», «пожалуй», «может быть»), вкра�лено во многие места Дигест без логической необходимости и находится нередко в дисгармонии со строгим и сухим языком классических юристов. Например, в Д.3.3.43 рг. (Павел) указывается, что немому и глухому не запрещается назначать прокуратора, и к этому добавлено «*forsitan* и они сами могут быть назначены не для действования, но для управления». Ясно, что слово *forsitan* лишает дальнейшее правило всякой определенности, и потому указанное место уже давно признано интерполяцией. Иногда говорится, что компиляторы писали гораздо «хуже», чем классические юристы, и вместо четкого и ясного изложения последних у византийцев имеются канцелярское многословие и грубость выражений. Пусть мы во многих случаях можем это действительно наблюдать, но основывать на этом научные аргументы входит уже в область неконтролируемого «чувства» или «впечатления» исследователя, который стремится найти интерполяцию, где ее хочется найти. Едко, но справедливо говорит Л. И. Петражицкий (стр. 72) по поводу одного предположения об интерполяции. «Замечательно, что здесь компиляторам приписывается тонкость и ловкость приемов, между тем как обыкновенно исходной точкой является грубость и неловкость их исправлений». Филологический критерий может оказаться очень полезным, но он не является самодовлеющим. Вообще же для того, чтобы филологический критерий сам по себе мог привести к твердому установлению интерполяции, нужно исчерпывающим образом изучить язык классических юристов, детально исследовать лексику

каждого из них (Ейзеле, 226). При этом важно знать не только употребляемые юристами юридические термины (которые являются примерно общими для всех юристов определенного периода), но, прежде всего, неспециальные слова, наречия и предлоги, любимые конструкции фраз и т. п. И хотя не мало сделано в этой области (в частности, работы Кальба), но все же мы такими конкретными и бесспорными сведениями об отдельных юристах не обладаем, тем более что не знаем и подлинного текста классических работ: «...без исчерпывающих подготовительных работ в этой области едва ли может быть речь о надежных и ценных результатах при установлении интерполяций» (Wassak, *Römische Processgesetze*, 2-е отделение, 1891, предисловие, стр. 6). Отнюдь не отвергая филологического критерия исследования интерполяций, мы должны подчеркнуть, что пользоваться этим методом необходимо с сугубой осторожностью и во всяком случае не придавать ему самодовлеющего значения.

В виде курьеза можно отметить обнаружение интерполяции посредством грамматической небрежности компиляторов.

Во времена составления *Дигест* залог обозначался термином *pignus* (среднего рода), древнее же обозначение слова *fiducia* (женского рода) вышло из оборота и потому в *Дигестах* заменялось словом *pignus*. Между тем в Д.13.7.8.3 сказано «если я взял залог» и обусловил, что при неуплате очередного взноса я могу «ее» (еам — женского рода) продать и т. д. Ясно, что в первоначальном тексте стояло слово *fiducia* и было последовательно сказано, что можно продать «ее». Компиляторы же, вставив слово *pignus*, забыли изменить на средний род местоимение, которое было согласовано со словом женского рода.

Вы воды. Подводя итог сказанному выше, следует признать, что изучение интерполяций имеет существенное значение для исторического познания римского права и применимо в двух отношениях.

а) Изучение интерполяций помогает нам воссоздать право, действовавшее в древнем Риме, в классический период римского права; но здесь можно говорить лишь о «помощи», так как в ряде случаев мы не знаем, взамен какого текста или фразы включены интерполированные слова; на основании одних интерполяций в этих случаях мы не в состоянии воссоздать текст древнего юриста.

б) Интерполяции содействуют установлению византийского права в VI веке. Введенные интерполяторами тексты, несомненно, отражают современное им право и тем самым разрушают представление о Дигестах лишь как об «итогах» развития римского права. Многочисленность интерполяций свидетельствует о желании кодификаторов дать современное им право.

Но для изучения Дигест как исторического памятника, имевшего руководящее значение в жизни эксплуататорского общества в течение ряда столетий, интерполяции не имеют значения: долгие века об интерполяциях не знали, Дигестами пользовались в дошедшем до нас тексте и на этом тексте строились как теоретические, так и практические (в период рецепции римского права) выводы.

При всей многочисленности интерполяций они, по сравнению с огромным объемом Дигест, являются лишь исключительными случаями. Поэтому они не дают никаких оснований для того, чтобы относиться с подозрением к Дигестам в целом. Последние, в своем целом, должны быть признаны подлинным памятником. Если перед нами группа в 300 человек, и мы знаем, что среди них имеются два изобличенных преступника и два лица, над которыми тяготеет сильное подозрение, то не может быть и речи о том, чтобы мы держали под подозрением всю эту группу или любого из ее участников. Вина отдельного лица должна быть точно доказана. Мы чужды уподоблению интерполяций какому-либо и чьему-либо преступлению. Но, конечно, интерполированный текст является ложным, с точки зрения надписанного на нем автора. И мы должны требовать, чтобы наличие такого искажения было точно доказано в каждом отдельном случае.

§ 3. Глоссемы

Компиляторы Дигест выполнили свою работу на основе списков сочинений древних юристов. Но эти списки обладали недостатками. Кроме ошибок переписчиков вносились отдельные изменения юристами, которые пользовались этими рукописями (возможно, и профессорами юридических школ) в виде пояснений, дополнений или примечаний на полях или между строками. И юстиниановские компиляторы, видимо, не обладали еще нужными навыками для освобождения древнего текста от позднейших изменений.

Лишь в конце XIX и XX вв. было констатировано наличие доюстиниановских изменений текста. Эти изменения, находившиеся в рукописях до их обработки компиляторами, получили название гlossem (иногда употребляется множественное число по-гречески гlossemata), или доюстиниановских интерполяций.

Установление гlossem представляет собой сложнейшую задачу: здесь нужно доказать не только несоответствие текста Дигест сочинению древнего юриста, но и то обстоятельство, что это несоответствие появилось раньше составления Дигест. Во многих случаях гlossemы не отличимы от интерполяций, например объяснения элементарных терминов, вводимые через изречения *id est*, *hoc est*, *videlicet*. Это могло быть одинаково произведено как при составлении Дигест, так и раньше, — в аудитории, например, Константинопольской школы. В таком же положении находятся и переводы латинских терминов на греческий язык, например, указание на поверенных общины (*defensores civitatis*) сопровождается указанием: «которых греки называют синдиками» (Д.50.4.18.13).

Во всяком случае было бы неосновательно предположить, что к числу гlossem принадлежат более грубые и элементарные пояснения. Наоборот, можно было бы предположить, что компиляторы не относились совершенно пассивно к имевшимся у них текстам и что очень грубые гlossemы не могли ускользнуть от их внимания и были бы ими устранны. Нужны доказательства доюстиниановского происхождения изменений, чтобы могло быть признано наличие гlossemы.

Однако для изучения Дигест как исторического памятника специальное исследование гlossem, неизвестно когда произведенных, не имеет значения и вообще сливаются с изучением интерполяций: сила текста Дигест от этого не меняется.

Приведу в виде примера два текста, содержащих, по моему мнению, гlossemы.

1. В Д.41.2.3.10 (Павел) сказано: «Если раб, которым я владел, выдает себя как свободный, как это сделал Спартак, и готов подвергнуться судебному процессу, то он не считается находящимся во владении господина, противником которого он готовится быть». Это упоминание о Спартаке имеет определенное историческое значение (свидетельствует, что Спартак вел себя как свободный и оспаривал свое

состояние раба) и является, по моему мнению, гlossemой: включить упоминание о Спартаке, столь ненавистном римским эксплуататорам, не могли ни лояльнейший императорский чиновник Павел, ни юстиниановский сановник Трибониан. И эта вставка, сделанная неизвестным лицом III—V вв., указывает, как сильна была в Риме память о Спартаке.

На цитированное место уже было обращено внимание в литературе. Моммзен считает подлежащими исключению слова «как это сделал Спартак». Ленель высказывает предположение (о чем свидетельствует наличие вопросительного знака после замечания), что выписанные слова являются гlossemой (*Palingenesia iuris civilis*, 1, 1066). Но я думаю, что факты заставляют нас признать эти слова бесспорной гlossemой.

2. Бывают случаи, когда текст, бывший в распоряжении компиляторов, подвергался нескольким последовательным обработкам. Укажем на изложение истории римского права Помпонием (Д.1.2.2). Этот текст дошел до нас в сильно поврежденном виде: повидимому, в нем много сокращений, описок включенных гlossem и вообще, возможно, что он представляет собой текст, сделанный каким-то послеклассическим юристом (*Schulz, History*, 168 и 171). Сейчас мы остановимся лишь на § 48—50 этого фрагмента, причем для удобства разделим их на четыре части.

а) § 48. Преемником Атея Капитона был Массурий Сабин, а Лабеона—Нерва, которые (то есть Сабин и Нерва. — И. П.) умиожили существовавшие доселе разногласия. Нерва являлся лицом, ближайшим к Цезарю.

б) Массурий Сабин входил в сословие всадников и первый стал давать публичные ответы (то есть имевшие обязательную для суда силу по отдельным делам — *ius respondendi*. — И. П.), ибо после того, как эта льгота стала даваться Тиберием Цезарем, только ему это было предоставлено (последние слова — от «ибо» — являются реконструкцией, произведенной Моммзеном. — И. П.).

в) § 49. И, как мы уже знаем, до времени Августа *ius respondendi* не давалось принципами, но те, кто внушали доверие своими работами, давали ответы обращавшимся за советами, и они не давали подписанные ответы, но по большей части сами писали судьям или давали свидетельство тем, кто обращался за советами. Божественный Август, для придания большего юридического авторитета, установил,

чтобы ответы давались его властью, и с того времени это стало испрашиваться в виде благодеяния.

г) И поэтому принцепс Адриан, когда перед ним ходатайствовали мужи, бывшие преторами, чтобы им было разрешено давать ответы, дал раскрипт, чтобы это не испрашивалось, но предоставлялось.

§ 50. Итак, Сабину было предоставлено цезарем Тиберием, чтобы он давал ответы народу... Он был принят во всадническое сословие...

При внимательном рассмотрении этих отрывков видно, что часть «б» содержит ошибку: неверно, что Сабину первому было предоставлено *ius respondendi*, а указание на его принадлежность к всадническому сословию имеется в § 50, который непосредственно связан с § 48. Часть «в» содержит в себе противоречие с предыдущим, в частности с «б», а потому оба эти куска не могли быть написаны одним лицом. Наконец, часть «г» не имеет ясного смысла, и дальнейшее «Итак» не имеет связи с предыдущим. В результате мы можем предположить, что текст Помпония был изменен тремя лицами (Шульц, указанное место: Lenel, *Palin-genesia*, II, 51).

Г л а в а VI

ОЦЕНКА ДИГЕСТ

Буржуазные исследователи сильно разошлись в общей оценке Дигест. Хотя Дигесты являлись в течение ряда столетий предметом непрерывного изучения на всех юридических факультетах, нет недостатка в общих критических замечаниях, исходящих из того, что Дигесты могли быть составлены «лучше», с большей систематичностью, с большей точностью и полнотой в цитировании источников и т. п. Нет недостатка и в упреках специально по адресу компиляторов. Но мы прежде всего должны принципиально избегать применения к Дигестам современных навыков кодификации, современных филологических знаний и т. п. Кто думает, что Дигесты приспособлены, подобно современному кодексу, к ясному представлению о системе права, к наведению справок и т. п., что в них можно найти общие и руководящие определения, в дальнейшем конкретизируемые, что в них не уделяется внимания мелкой казуистике, что вообще обращение с ними является простым делом, — тот, верно, никогда не держал в руках *Cognitio iuris* (Кошакеर, 63). Представляется неправильным и рассмотрение Дигест только как сборника древних текстов, а не как выражения действующего права периода Юстиниана. Наконец, нельзя оценивать Дигесты и с точки зрения их несоответствия тем обещаниям, которые были даны в вводных конституциях Юстиниана, якобы в них нет противоречий и что они представляют собой наилучшее право: все такие высказывания являются лишь образцом византийского самовосхваления, не имеющего исторического значения.

Наиболее отрицательную характеристику Дигест дает французский ученый Жиро (*Giraud. Histoire du droit romain ou introduction historique à l'étude de cette législation*, 1884, стр. 411), причем, отметим, что эта характеристика была дана еще до обнаружения многочисленных интерполяций. Жиро указывает, что «с точки зрения научной, труд Юстиниана носит отпечаток плачевного упадка; эта компиляция усеченных текстов, разбросанных в разных местах без порядка и метода, — есть жалкое произведение искусства. Трибониан приложил варварскую руку к восхитительным остаткам римской юриспруденции, он разорвал, обезобразил самую прекрасную римскую работу, он разрушил Ульпиана, Павла, Африкану, Папиниана, Гая, труды которых еще существовали в то время, но затем впали в забвение».

Не будем опровергать этих мыслей по существу, указывая на недоказанность некоторых обвинений (например, на утверждение, что во времена кодификации еще существовали в полном объеме труды древних юристов и т. п.), но отметим, что мысли Жиро, хотя и в смягченном виде, разделяются и рядом позднейших исследователей. Дильт (*«История византийской империи»*, стр. 39) отмечает спешку в работе, вызвавшую повторения, противоречия, отсутствие системы и жалкий вид помещенных в Дигестах отрывков из прекраснейших памятников римского права. Моние (*стр. 120*) ставит в упрек искажение текстов интерполяторами, искажавшими творения древних юристов.

Вообще после открытия многочисленных интерполяций Юстиниан «сведен с пьедестала»; новые авторы видят в византийской кодификации лишь изменение чистого римского права (и это само по себе является правильным. — И. П.) и вандализм (а это обвинение — не обосновано, так как система права отражает время своего возникновения, и именно на современность кодификации была направлена одна из основных задач кодификаторов). Исходя из этого, Трибониан и его сотрудники покрывались позором, им ставилось в вину даже то, что они писали не стилем Ульпиана или Павла (*Collinet, IX*).

Необходимо решительно возразить против таких односторонних, а потому и не научных оценок.

Мы должны исходить из того, что Дигесты являются прежде всего отражением византийского права VI века. Если даже (неправильно) смотреть на них только как на свидетельство о древнейшем римском праве, то и в этом

отношении, несмотря на интерполяции (см. главу V, § 2), мы должны признать огромное значение Дигест. Без них мы вообще бы знали очень и очень мало об истории римского права. Дигесты являются важнейшим, хотя и не единственным, источником познания древнего права Рима. Наряду с ними имеют немалое значение и некоторые работы Цицерона, Авла Геллия и некоторые сочинения юристов, дошедшие до нас другими путями (Гая, Павла и др.), а за последнее время и изучение папирусов. Но значение всех этих источников несравненно меньше значения Дигест.

Нужно, вместе с тем, иметь в виду, что Дигесты дали готовый материал для рецепции римского права, и этот факт имеет огромное значение. Тем самым Дигесты закрепили значение римского права для феодального и буржуазного обществ. Этот факт подлежит еще исследованию во всех подробностях.

Вообще Дигесты не столько разрушили, сколько сохранили древнее римское право. Практические потребности (см. главу II), вероятно, заставили бы рано или поздно составить сборник, подобный Дигестам, но можно опасаться, что такая работа (вроде византийских Василик) была бы исторически менее полезной, чем Дигесты, сохранив остатки древней юриспруденции еще в более скромных размерах. И это тем более важно, что Дигесты — последний памятник римского права, сохранивший еще черты наивысшего развития права юристов. В дальнейшем на Востоке все более преобладают черты византинизма, и право начинает все более отражать черты уже не универсализма, а партикуляризма.

Таким образом, Дигесты, несмотря на все свои недостатки, играют крупную роль для всей дальнейшей истории права общества, основанного на эксплуатации, и без изучения Дигест невозможно научное изучение ни феодального, ни буржуазного права.

Исходя из того, что Дигесты в силу рецепции имели в ряде стран Западной Европы значение действующего права, мы видим непрерывную работу над Дигестами. Работа эта на протяжении столетий идет по двум направлениям: 1) исследование текста Дигест, сличение различных рукописей, установление наиболее вероятного подлинного текста, то есть исправление ошибок переписчиков, установление интерполяций и т. п.; результатами огромной работы мы должны, разумеется, воспользоваться при условии критического к ней отношения; 2) извлечение из Дигест общих

положений и интерпретация Дигест, исходя из современных, более поздних исследований, базирующихся уже на иных производственных отношениях; эта работа является приспособлением Дигест, переходящим иногда в их искажение. Результаты такой работы для исследования текста Дигест как исторического памятника имеют лишь отрицательное значение.

Иначе, чем в Западной Европе, сложилась судьба Дигест в России. В России никогда не имела места рецепция римского права, и Дигесты никогда не были в России действующим правом. Но из этого не вытекает, что Дигесты не имели никакого значения для развития русского права. Речь могла идти, однако, лишь об отдельных правилах Дигест, а не о Дигестах, как о законодательном памятнике.

Россия никогда не отгораживалась от того целесообразного, что было в других государствах, в частности и в области права, и что шло на пользу развития производственных отношений. Действовавшее в России перенесенное из Византии каноническое право ввело в России некоторые положения Дигест (см. хотя бы включенное в Кормчую знаменитое определение брака Модестином). В одной из частей Российской империи, а именно в Бессарбии, действовало Шестикнижие Фессалоникского судьи Константина Арменопула, представлявшее собой переработанное и искаженное, но все же в ряде своих правил восходящее к Дигестам римское право (имеются, хотя и очень несовершенные, русские переводы 1831 и 1854 гг. под заглавием «Ручной книги законов Арменопуло»). Далее Дигесты имели (в их интерпретации пандектной доктрины) влияние на действовавший в «губерниях Прибалтийских» Свод гражданских узаконений 1864 года. Равным образом Дигесты имели сильное влияние и на действовавший в Польше французский гражданский кодекс (кроме книги 1-й О семейных правах).

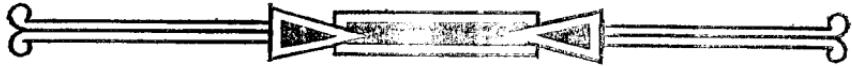
Но все эти указания — лишь отдельные упоминания, требующие самостоятельной разработки.

Гораздо большее значение имеет то обстоятельство, что пандектная доктрина, выросшая на основе тех же Дигест, имела сильное влияние на выработку в царской России теории гражданского права и теории права вообще (в особенности во второй половине XIX века). Понятно поэтому, что дореволюционные русские университеты включали в свои учебные планы в качестве самостоятельных предметов не

только историю римского права, но и «догму римского права», представлявшую собой переработку и позднейшее приспособление все тех же Дигест. Среди дореволюционных русских ученых насчитывался ряд первоклассных, с точки зрения тех времен, специалистов римского права.

Вопрос об исторических судьбах Дигест в Западной Европе и в России является самостоятельной и огромной темой истории государства и права, которая не вмещается в рамки настоящей работы. Последняя ограничивается лишь моментом вступления Дигест в действие.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ПЕРЕВОД 1-ГО ТИТУЛА 1-Й КНИГИ ДИГЕСТА «О ПРАВОСУДИИ И ПРАВЕ»

1. О правосудии и праве

1. Ульпиан в первой книге институций. Изучающему право надо прежде всего узнать, откуда происходит слово право (*ius*); оно получило свое название от правосудия (*iustitia*), ибо, как превосходно определяет Цельс, право есть наука (*ars*) о добром и справедливом.

§ 1. По заслугам нас называют жрецами, ибо мы заботимся о правосудии, возвещаем понятия доброго и справедливого, обособляя справедливое от несправедливого, отделяя дозволенное от недозволенного, желая, чтобы добрые совершенствовались не только посредством страха наказания, но и путем поощрения наградами¹, стремясь к истинной, если я не заблуждаюсь, а не мнимой философии².

§ 2. Изучение права распадается на две части: публичное и частное. Публичное право есть то, которое относится к положению Римского государства, тогда как частное относится к пользе отдельных лиц; существует нечто полезное в общественном отношении и в частном отношении. Публичное право включает в себя святыни (*sacra*), служение жрецов, положение магistrатов. Частное право делится на три части³, ибо оно составлено из

¹ Здесь и в дальнейшем выделены слова, относительно которых были высказаны предположения об их интерпронировании.

² С этим высказыванием можно сопоставить слова Ульпиана в D.50.13.1.5 о профессорах цивильного права: гражданская мудрость является святым делом, и хотя пристойно принимать гонорар, но непристойно его истребовать.

³ Имеется предположение, что это тройственное деление не принадлежит Ульпиану.

естественных предписаний из (предписаний) народов, или (предписаний) цивильных.

§ 3. Естественное право (*ius naturale*), которому природа научила всех живых существ, ибо это право присуще (не только) человеческому роду, но является общим всем животным, которые рождаются на земле, в море, а также птицам. Сюда относится сочетание мужчины и женщины, которое мы называем браком; сюда же рождение детей, сюда же воспитание: мы видим, что и животные, даже дикие, обладают опытом в этом праве.

§ 4. Право народов (*ius gentium*) — это то, которым пользуются народы человечества; можно легко понять его отличие от естественного права: последнее является общим для всех живых существ, а первое — только для людей в их отношениях между собой.

2. **Помпоний в отдельной книге руководства.** Подобно тому, как религия требует почитания бога¹, мы должны повиноваться родителям и родине.

3. **Флорентин в 1-й книге институций.** Мы должны отражать насилие и противоправность, ибо правом установлено, что если кто-либо сделает что-либо для защиты своего тела, то он считается действовавшим правомерно; и так как природа установила между нами некое родство, то, следовательно, является преступлением², когда один человек строит козни другому.

4. **Ульпиан в 1-й книге институций.** Отпущение из рабства относится к праву народов. *Manumissio* (термин — освобождение от рабства. — И. П.) происходит от *manu missio*, то есть дарование свободы, ибо доколе кто-либо находится в рабстве, он подчинен власти (*manu et potestate*), а отпущенный освобождается от власти. Это³ дело ведет свое происхождение от права народов, так как по естественному праву все рождаются свободными, и не отмечалось отпущения на свободу, когда рабство было неизвестно; но после того, как по праву народов наступило рабство, то за ним последовало благодеяние отпущения из рабства. И хотя мы называемся одним естественным именем «люди», по праву народов возникло три вида (людей): свободные и про-

¹ В оригинале было, вероятно, «богов» или «Юпитера».

² *Nefas* — это означает и «нечестие» или «грех».

³ Начиная с этого слова и до конца фрагмента текст, возможно, является сочинением компиляторов.

тивоположные — рабы и третий вид — отпущенники, то есть те, кто перестал быть рабами.

5. Гермогениан в 1-й книге юридических отрывков. Этим правом народов введена война, разделение народов, основание царств, разделение имуществ, установление границ, полей, построение зданий, учреждены торговля, купля-продажа, наймы, обязательства, за исключением тех, которые были введены цивильным правом.

6. Ульпиан в 1-й книге институций. Цивильное право не отделяется вседело от естественного права или права народов. Итак, если мы добавляем что-либо к общему праву или сокращаем из него, то мы создаем наше собственное право, то есть цивильное. § 1¹. Таким образом, наше право является или писанным или неписанным, как у греков: из законов одни написаны, другие не написаны².

7. Папиниан во 2-й книге определений. Цивильное право — это то, которое приходит из законов, плебисцитов, сенатусконсультов, декретов принцепсов, авторитета мудрецов (имеется в виду «мудрецов права», то есть юристов. — И. П.). § 1. Преторское право — это то, которое ввели преторы в целях помощи для дополнения или исправления цивильного права для общественной пользы. Оно именуется и *ius honorarium*, будучи названо так в честь преторов³.

8. Марциан в 1-й книге институций. Ибо и само *ius honorarium* является живым голосом цивильного права⁴.

9. Гай в 1-й книге институций. Все народы, управляемые законами и обычаями, пользуются частью своим собственным, частью правом, общим всем людям. Ибо то право, которое каждый народ установил для себя, является собственным правом государства и называется цивильным правом, как бы собственным правом самого государства; то же право, которое естественный разум установил между всеми людьми, соблюдается у всех одинаково и называется правом народов, как бы тем правом, которым пользуются все народы.

¹ Возможно, что весь этот параграф интерполирован.

² Последние слова: от «из законов» приведены в Дигестах по-гречески.

³ Честь — *honor*. Римские магистраты и, в частности, преторы нередко назывались *honores*. Этим названием хотели подчеркнуть почетный характер деятельности магистратов.

⁴ Цицерон (О законах, III, 1, 2) называет магистрата говорящим законом, а закон — немым магистратом.

10. Ульпиан в 1-й книге правил. Правосудие есть неизменная и постоянная воля предоставлять каждому его право. § 1. Предписания права суть следующие: жить честно, не чинить вреда другому, каждому предоставлять то, что ему принадлежит. § 2. Правовая наука (*iurisprudentia*) есть познание божественных и человеческих дел, знание справедливого и несправедливого.

11. Павел в 14-й книге ad Sabinum. Слово «право» употребляется в нескольких смыслах: во-первых, «право» означает то, что всегда является справедливым и добрым,— каково естественное право. В другом смысле «право» — это то, что полезно всем или многим в каком-либо государстве, каково цивильное право. Не менее правильно в нашем государстве «правом» называется *ius honorarium*. Говорится, что претор высказывает право¹, даже если он решает несправедливо: это (слово) относится не к тому, что претор сделал, но к тому, что ему надлежало сделать. В другом смысле «право» означает то место, в котором выносится решение²; здесь название переносится с того, что делается, на то, где это делается. Это место мы можем определить таким образом: везде, где претор, соблюдая величие своей высшей власти и соблюдая обычай предков, установил провозглашение им права — это место правильно называется «правом».

12. Марциан в 1-й книге институций. Иногда мы говорим «право» о родственных связях, например, «мне принадлежит право родства или свойства».

¹ То есть выносит решение.

² Это специфически римское значение слова «право». *In iure* — стадии рассмотрения дела перед претором; *in ius vocatio* — вызов в суд.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ПЕРЕВОД 3-ГО ТИТУЛА КНИГИ 1-Й ДИГЕСТ «О ЗАКОНАХ, СЕНАТУСКОНСУЛЬТАХ И ДОЛГОВРЕМЕННОМ ОБЫЧАЕ»

1. Папиниан в 1-й книге определений. Закон есть предписание (имеется в виду предписание общего характера — *praeceptum*. — И. П.), решение мудрых мужей, обуздание преступлений, совершаемых намеренно или по неведению, общий обет государства.

2. Марциан в 1-й книге институций. Ибо и оратор Демосфен¹ дает такое определение: «Закон есть то, чему все люди должны повиноваться в силу разных оснований, но главным образом потому, что всякий закон есть мысль (изобретение) и дар бога², решение мудрых людей и обуздание преступлений, совершаемых как по воле, так и помимо воли, общее соглашение общины, по которому следует жить находящимся в ней». И философ величайшей стоической мудрости Хризипп так начинает книгу, которую он составил «О законах»³:

«Закон есть царь всех божественных и человеческих дел; нужно, чтобы он стоял во главе как добрых, так и злых, вождем и руководителем живых существ, которые по природе принадлежат к общине, мерилом справедливого и несправедливого; (закон) приказывает делать то, что должно быть совершено, и воспрещает совершать то, что не должно быть совершаемо».

¹ Речь против Аристогетона. Слова Демосфена приведены в Дигестах по-гречески.

² В подлиннике должно быть «богов».

³ Название книги и цитаты из нее приведены в Дигестах по-гречески.

3. Помпоний в 25-й книге ad Sabinum. Как сказал Феофраст, нужно устанавливать права для тех случаев, которые встречаются часто, а не для тех, которые возникают непредвидимо¹.

4. Цельс в 5-й книге Дигест. Для того, что может произойти в каком-либо единичном случае, не устанавливается права.

5. Он же в 17-й книге Дигест. Ибо права должны быть главным образом приспособлены для тех случаев, которые происходят часто и легко, а не очень редко.

6. Павел в 17-й книге ad Plautium. Ибо то, что совершено в одном или в двух случаях, как говорит Феофраст, законодатели обходят².

7. Модестин в 1-й книге правил. Действие (сила) права: повелевать, запрещать, разрешать, наказывать.

8. Ульпиан в 3-й книге ad Sabinum. Права устанавливаются не для отдельных лиц, а общим образом.

9. Он же в 16-й книге комментария к эдикту. Нет сомнения, что сенат может создавать право.

10. Юлиан в 59-й книге Дигест. Ни законы, ни сенатусконсульты не могут быть написаны таким образом, чтобы они обнимали все случаи, которые когда-либо возникнут, но достаточно, чтобы они включали в себя то, что случается большей частью.

11. Он же в 90-й книге Дигест. И потому о том, что впервые устанавливается, следует наиболее надежно постановлять на основании толкования или конституции знатнейшего принципса.

12. Он же в 15-й книге Дигест. Не могут все отдельные случаи быть объяты законами или сенатусконсультами; но когда в каком-либо деле смысл их ясен, то осуществляющий юрисдикцию должен применять их к сходным (обстоятельствам) и сообразно с этим вынести решение.

13. Ульпиан в 1-й книге комментария к эдикту курульных эдилов. Ибо, как говорит Педий, поскольку законом введено то или другое правило, имеется удобный случай, чтобы было восполнено путем толкования или определенной судебной практики и прочее, что направлено к достижению той же пользы.

¹ Слова Феофраста приведены в Дигестах по-гречески.

² То же.

14. Павел в 54-й книге комментария к эдикту. То, что воспринято вопреки началам права, не может быть распространено на последствия¹.

15. Юлиан в 27-й книге Дигест. Тому, что установлено вопреки смыслу права, мы не можем следовать как юридическому правилу².

16. Павел в книге Об особом праве. Особое право (*ius singulare*) — это то, которое введено установившей его властью в отклонение от точного содержания (общих норм), в удовлетворение какой-либо потребности.

17. Цельс в 26-й книге Дигест. Знать законы — это, значит, удержать не их слова, но их содержание и значение³.

18. Он же в 29-й книге Дигест. Является более милостивым толкование законов таким образом, чтобы сохранялась их воля.

19. Он же в 33-й книге Дигест. При двусмысленности слов закона надо, скорее, принимать то значение, которое лишено порока, в особенности когда из этого может быть сделано заключение о цели закона⁴.

20. Юлиан в 55-й книге Дигест. Не всему, что установлено предками, может быть приведено основание.

21. Нераций в 6-й книге Мемброн⁵. И потому не следует разыскивать оснований того, что устанавливается; иначе было бы разрушено многое из того, что является определенным.

22. Ульпиан в 35-й книге комментария к эдикту. Когда закон что-либо извиняет в прошлом, то он запрещает это на будущее время.

23. Павел в 4-й книге к Плавию. В наименьшей степени следует изменять то, что всегда толковалось в определенном смысле.

24. Цельс в 9-й книге Дигест. Является несправедливым, не рассмотрев весь закон, решать дело и давать ответ⁶ на основании какой-либо частицы закона.

¹ Фрагмент этот устанавливает недопустимость распространительного толкования исключительных норм.

² Смысл этого фрагмента — такой же, как и предыдущего.

³ *Viri ae potestatem* буквально — «силу и власть».

⁴ Слова, начиная с «в особенности, являются, вероятно, гlosсемой.

⁵ *Membrana* — пергамент. Так названо одно из сочинений Нерация (вероятно, ввиду редкости и дороговизны использованного материала). Это сочинение излагает как цивильное, так и преторское право.

⁶ То есть давать юридическую консультацию.

25. Модестин в 8-й книге ответов. Ни в каком случае смысл закона или милость справедливости не терпит того, чтобы то, что введено для пользы людей, мы обращали путем жесткого толкования в строгость, идущую в разрез с благополучием людей.

26. Павел в 4-й книге исследований. Не является новым то положение, что прежние законы распространяются на позднейшие.

27. Тертуллиан в 1-й книге исследований. Принято, что старые законы находятся в связи с позднейшими; поэтому следует всегда думать, что в законы как бы включено правило о том, что они относятся к тем лицам и к тем делам, которые когда-либо были сходными.

28. Павел в 5-й книге к закону Юлиеву и Папиеву. Но и последующие законы относятся к прежним, разве бы они противоречили последним, и это доказывается многими аргументами.

(29. Он же в особой книге к закону Цинциеву. Против закона поступает тот, кто делает то, что запрещено законом; в обход же закона (поступает тот), кто, сохранив слова закона, обходит его смысл.

(30. Ульпиан в 4-й книге комментария к эдикту. Обход закона совершается в тех случаях, когда делается то, чего закон не желает, чтобы было сделано, но не запрещает этих действий¹, и как отличается сказанное от мысли, так же отличается обход от того, что противозаконно.

31. Он же в 13-й книге к закону Юлиеву и Папиеву. Принцип свободен от (соблюдения) законов; Августа² же, хотя и не свободна от соблюдения закона, однако принципы предоставляют ей те привилегии, которые сами имеют.

32. Юлиан в 84-й книге Дигест. В тех делах, когда мы не пользуемся писанными законами, нужно соблюдать то, что введено нравами и обычаем, и если в каком-либо деле это отсутствует, тогда (надо соблюдать) наиболее близкое и вытекающее из последнего правила, а если и этого не оказывается, тогда следует

¹ То есть нет прямого воспрещения действий, несоответствующих смыслу закона.

² Жена принципа.

принимать право, которым пользуется город Рим. § 1. Укоренившийся обычай заслуженно применяется как закон, и это является правом, которое называется правом, установленным нравами. Ибо если законы связывают нас в силу лишь того, что они приняты по решению народа, то по справедливости и то, что народ одобрил без каких-либо письмен, связывает всех: ибо какое имеет значение, объявляет ли народ свою волю путем голосования или своими делами и фактами? Поэтому очень правильно принято, что законы отменяются не только голосованием законодателя, но и молчаливым согласием всех путем неприменения.

33. Ульпиан в 1-й книге о должностях проконсула. Длительно соблюдавшийся обычай следует соблюдать как право и закон в тех случаях, когда не имеется писанного закона.

34. Он же в 4-й книге о должностях проконсула. Если видно, что кто-либо опирается на обычай общины или провинции, то я считаю, что прежде всего следует выяснить, не был ли этот обычай закреплен каким-либо решением спора судом.

35. Гермогениан в 1-й книге юридических извлечений. Но и то, что одобрено долговременным обычаем и соблюдалось в течение многих лет, должно соблюдаться как молчаливое соглашение граждан не менее, как то право, которое написано.

36. Павел в 7-й книге ad Sabinum. Это право (обычное право) пользуется тем большим авторитетом, что доказано, что не было необходимости скреплять его письмами.

37. Он же в 1-й книге исследований. Если речь идет о толковании законов, то прежде всего следует изучить, каким правом община пользовалась в прошлом в таких же случаях, ибо обычай есть лучший толкователь закона.

38. Каллистрат в 1-й книге исследований. Ибо наш император Север дал раскринт в том смысле, что когда из (текста) закона происходят сомнения, то следует придавать силу закона обычанию или авторитету постоянных единобразных решений судов.

39. Цельс в 23-й книге Дигест. То, что было введено не в силу разумного основания, но по ошибке, а затем

поддерживалось путем обычая, — не имеет силы в отношении сходных случаев.

40. Модестин в 1-й книге правил. Итак, все право введено соглашением или установлено необходимостью или закреплено обычаем.

41. Ульпиан во 2-й книге институций. Все право относится или к приобретению, или к сохранению, или к уменьшению; дело идет о том, каким образом что-либо делается принадлежащим кому-либо или каким образом кто-либо сохраняет вещь или свое право, или каким образом кто-либо отчуждает или утрачивает.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

ОГЛАВЛЕНИЕ ТИТУЛОВ ДИГЕСТ¹

Книга 1-я

- Титул 1. О правосудии и праве (72).
Титул 2. О происхождении права и вех должностных лиц и преемственности мудрецов (то есть юристов) (2).
Титул 3. О законах, сенатусконсультах и долговременном обычай (41).
Титул 4. О конституциях принципсов (4).
Титул 5. О положении людей (27).
Титул 6. О тех, кто является (лицами) своего или чужого права (11).
Титул 7. Об усыновлении и освобождении из-под власти и о других способах прекращения власти (46).
Титул 8. О делении вещей и свойствах их (11).
Титул 9. О сенаторах (12).
Титул 10. О должности консула (1).
Титул 11. О должности префекта претория (1).
Титул 12. О должности префекта города (3).
Титул 13. О должности квестора (1).
Титул 14. О должности преторов (4).
Титул 15. О должности префекта ночной стражи (5).
Титул 16. О должностях проконсула и легата (16).
Титул 17. О должностях августального префекта (1).
Титул 18. О должностях презеса (21).
Титул 19. О должностях прокуратора цезаря или управляющего имуществом цезаря (3).
Титул 20. О должностях окружного судьи (2).
Титул 21. О должностях того, кому поручено осуществлять юрисдикцию (5).
Титул 22. О должностях ассессоров (6).

Книга 2-я

- Титул 1. О юрисдикции (20).
Титул 2. Какие правовые положения кто-либо устанавливает в отношении другого, те же положения могут быть применены и в отношении его самого (4).

¹ Цифры в скобках после заголовков отдельных титулов означают число фрагментов в данном титуле.

- Титул* 3. Если кто-либо не подчинится лицу, выносящему решение (1).
- Титул* 4. О вызове в суд (25).
- Титул* 5. Если кто-либо вызванный в суд не пойдет или если кто-либо вызовет лицо, которое на основании эдикта не подлежит вызову (3).
- Титул* 6. Пусть вызванные в суд идут или представлят поручителей или (иное) обеспечение (4).
- Титул* 7. Чтобы никто не задерживал силой того, кто вызывается в суд (6).
- Титул* 8. О тех, от кого требуется представление обеспечения или которые дают клятвенное обещание или (просто) обещание (16).
- Титул* 9. Каким образом должно быть представлено обеспечение, если предъявлен иоксальный иск (6).
- Титул* 10. О лице, действия которого воспрепятствовали кому-либо явиться в суд (3).
- Титул* 11. Если кто-либо не выполнит обещания явиться в суд (15).
- Титул* 12. О днях, когда не производится суда, и об отсрочках и о различных сроках (10).
- Титул* 13. О сообщении формулы иска ответчику (13).
- Титул* 14. О договорах (62).
- Титул* 15. О мировых сделках (17).

Книга 3-я

- Титул* 1. О предъявлении требования в суде (11).
- Титул* 2. О тех, которые объявлены бесчестными (25).
- Титул* 3. О прокураторах и защитниках (78).
- Титул* 4. Об исках, предъявляемых от имени какой-либо совокупности или против нее (10).
- Титул* 5. О ведении дел (48).
- Титул* 6. О сутягах (9).

Книга 4-я

- Титул* 1. О восстановлении в первоначальное положение (8).
- Титул* 2. О том, что совершено вследствие страха (23).
- Титул* 3. О злом умысле (40).
- Титул* 4. О недостигших двадцатипятилетнего возраста (50).
- Титул* 5. Об умаленных в правоспособности (11).
- Титул* 6. В силу каких причин лица старше двадцати пяти лет восстанавливаются в прежнее состояние (46).
- Титул* 7. Об отчуждении, произведенном для изменения суда (12).
- Титул* 8. О принятии на себя обязанностей третейского судьи: да вынесут решение те, кто принял на себя третейское разбирательство (52).
- Титул* 9. Да возвратят полученное корабельщики, хозяева гостиниц и постоянных дворов (7).

Книга 5-я

- Титул* 1. О судах, где каждый должен предъявлять иски и отвечать по искам (82).

- Титул* 2. О завещании, нарушающем обязанности завещателя (32).
Титул 3. Об истребовании наследства (58).
Титул 4. Если истребуется часть наследства (10).
Титул 5. Об истребовании наследства лицом, которому предоставлено владение наследственным имуществом (2).
Титул 6. Об истребовании наследства фидеикомиссарием (3).

Книга 6-я

- Титул* 1. О виндикации вещи (80).
Титул 2. О вещном публициановом иске (17).
Титул 3. Если предъявляется требование об арендованном у государства участке, то есть об эмфитеевическом участке (3).

Книга 7-я

- Титул* 1. Об узуфрукте и каким образом кто-либо осуществляет узуфрукт (74).
Титул 2. О приращении узуфрукта (12).
Титул 3. Когда возникает узуфрут, предоставленный в силу легата (1).
Титул 4. Какими способами утрачивается узуфрут или пользование (31).
Титул 5. Об узуфрукте на такие вещи, которые потребляются или уменьшаются вследствие пользования (12).
Титул 6. Если предъявляется требование об узуфрукте или возражение против предъявления его другому (6).
Титул 7. О работах рабов (6).
Титул 8. О пользовании и проживании (23).
Титул 9. Каким образом узуфруктуарий предоставляет обеспечение (12).

Книга 8-я

- Титул* 1. О сервитутах (20).
Титул 2. О сервитутах городских имений (41).
Титул 3. О сервитутах сельских имений (38).
Титул 4. Общие правила об имениях, как городских, так и сельских (18).
Титул 5. Если виндицируется сервитут или предъявляется возражение против принадлежности его другому (21).
Титул 6. Каким образом утрачиваются сервитуты (25).

Книга 9-я

- Титул* 1. Если указывается, что четвероногое причинило вред (5).
Титул 2. К Аквилиеву закону (57).
Титул 3. О тех, которые вылили или выбросили (7).
Титул 4. О ноксальных исках (43).

Книга 10-я

- Титул 1. Об установлении границ (13).
Титул 2. О разделе наследства (57).
Титул 3. О разделе общего имущества (31).
Титул 4. Об (иске) о предъявлении (20).

Книга 11-я

- Титул 1. О допросах при производстве дела перед магистратом и об исках, формулируемых в зависимости от результатов допроса ответчика (22).
Титул 2. По каким делам следует идти к одному и тому же судье (2).
Титул 3. Об испорченном рабе (17).
Титул 4. О беглых (рабах) (5).
Титул 5. Об играх в азартные игры (4).
Титул 6. Если производящий измерение укажет ложную меру (7).
Титул 7. О местах погребения и похоронных издержках и как разрешается хоронить умерших (46).
Титул 8. О погребении мертвеца и сооружении могилы (5).

Книга 12-я

- Титул 1. О вверенных вещах, если предъявляется требование о чем-либо определенном и о кондиции (42).
Титул 2. О присяге — добровольной или необходимой, или судебной (42).
Титул 3. О присяге, касающейся (оценки) предмета спора (11).
Титул 4. О кондиции, применяемой в тех случаях, когда что-либо дано в силу определенного основания и это основание отпало (16).
Титул 5. О кондиции в случае постыдиого или незаконного основания (9).
Титул 6. О кондиции в случае уплаты недолжного (67).
Титул 7. О кондиции в случае, если что-либо находится у кого-либо без основания (5).

Книга 13-я

- Титул 1. О кондиции в случае воровства (20).
Титул 2. О кондиции, вытекающей из закона (1).
Титул 3.. О кондиции, возникающей в случае, если предметом долга является пшеница (4).
Титул 4. О том, что должно быть дано в определенном месте (10).
Титул 5. О нарушении обещания заплатить присужденные деньги (31).
Титул 6. Об иске, вытекающем из ссуды, или об обратном иске (23).
Титул 7. О залоговом иске или об обратном иске (43).

Книга 14-я

- Титул 1. Об иске к хозяину корабля (7).
Титул 2. О Родосском законе о выброшенном в море (10).

- Титул* 3. Об иске в случае, если имеется заведующий (20).
Титул 4. Об иске о разделе между кредиторами имущества, находившегося у подвластного лица в связи с его торговлей (12).
Титул 5. Об исках, если указывается, что заключены сделки с лицом, находящимся в чужой власти (8).
Титул 6. О Македониановом сенатусконсульте (20).

Книга 15-я

- Титул* 1. О пекулии (58).
Титул 2. Когдаиск с пекулии является годичным (3).
Титул 3. О том, что поступило в имущество лица, которому принадлежит власть (21).
Титул 4. Что совершиено по приказу (5).

Книга 16-я

- Титул* 1. К Веллеяному сенатусконсульту (32).
Титул 2. О зачете (24).
Титул 3. Об иске, вытекающем из хранения, или обратном иске (34).

Книга 17-я

- Титул* 1. Об иске, вытекающем из поручения, или обратном иске (62).
Титул 2. Об иске, вытекающем из товарищества (84).

Книга 18-я

- Титул* 1. О заключении купли и о договорах между продавцом и покупателем и какие вещи не могут быть продаваемы (81).
Титул 2. О расторжении договора продажи в случае лучшего предложения (20).
Титул 3. Об оговорке, предоставляющей продавцу право расторгнуть договор, если цена не уплачена в срок (8).
Титул 4. О проданном наследстве или иске (25).
Титул 5. Об уничтожении продажи и когда разрешается отступиться от купли (10).
Титул 6. О риске и о выгодах, связанных с проданной вещью (20).
Титул 7. О рабах, подлежащих вывозу; или если рабы покупаются с тем, чтобы они были отпущены на свободу или — наоборот (10).-

Книга 19-я

- Титул* 1. Об исках из купли-продажи (55).
Титул 2. Об иске из найма (62).
Титул 3. Об иске из предоставления вещей по оценке для продажи (2).
Титул 4. О мене вещей (2).
Титул 5. Об исках praescriptis verbis и об исках in factum (27).

Книга 20-я

- Титул 1. О залогах и ипотеках и как они устанавливаются и о договорах о них (35).
Титул 2. В каких случаях соглашение о залоге или об ипотеке устанавливается молчаливо (10).
Титул 3. Какие вещи, будучи даны в залог или в ипотеку, не могут быть предметом обязательства (5).
Титул 4. Кто считается имеющим преимущество в отношении залога или ипотеки, и о тех, кто вступает на место предыдущих кредиторов (21).
Титул 5. Об отчуждении залогов и ипотек (14).
Титул 6. Какими способами прекращаются обязательства, вытекающие из залога или из ипотеки (15).

Книга 21-я

- Титул 1. Об эдильском эдикте и о возвращении (купленной вещи продавцу) и уменьшении покупкой цены (65).
Титул 2. Об отчуждениях и стипуляции (об уплате) вдвойне (76).
Титул 3. О процессуальном возражении о том, что вещь продана и передана (3).

Книга 22-я .

- Титул 1. О процентах и плодах и приадлежностях и обо всем, что присоединяется к вещи, и о просрочке (49).
Титул 2. О морских процентах (на долг) (9).
Титул 3. О доказательствах и презумпциях (29).
Титул 4. О достоверности доказательств и утрате их (16).
Титул 5. О свидетелях (25).
Титул 6. О незнании права и факта (10).

Книга 23-я

- Титул 1. О брачном говоре (18).
Титул 2. О совершении брака (68).
Титул 3. О праве, касающемся приданого (85).
Титул 4. О договорах о приданом (32).
Титул 5. Об имении, входящем в приданое (18).

Книга 24-я

- Титул 1. О дарении между мужем и женой (67).
Титул 2. О разводе и заявлении о расторжении брака (11).
Титул 3. Каким образом приданое может быть истребовано по прекращении брака (67).

Книга 25-я

- Титул 1. О расходах, произведенных на вещи, входящие в приданое (16).

- Титул* 2. Об иске о похищенных вещах (30).
Титул 3. О признании и содержании детей или родителей, или патронов, или вольноотпущенников (9).
Титул 4. Об осмотре беременой женщины и об охране того, кто рождается (4).
Титул 5. Если женщина введена во владение (наследственным имуществом) для ребенка, находящегося в утробе, и будет указано, что это владение перешло к другому по злому умыслу (2).
Титул 6. Если указывается, что женщина путем ложного требования получила владение для ребенка, находящегося в утробе (1).
Титул 7. О конкубинах (5).

Книга 26-я

- Титул* 1. Об опеках (18).
Титул 2. О завещательной опеке (34).
Титул 3. Об утверждении опекуна или попечителя (11).
Титул 4. О законных опекунах (11).
Титул 5. Об опекунах и попечителях, назначенных тем, кто имеет право назначения; и кто и по каким основаниям может быть в особенности назначен (опекуном) (29).
Титул 6. О тех, кто испрашивает назначение опекунов или попечителей и где эти просьбы предъявляются (4).
Титул 7. О должностях и ответственности опекунов и попечителей, которые ведут дела или не ведут, и о предъявлении одним или несколькими исками либо об ответе по искам (61).
Титул 8. Об утверждении сделок опекунами и попечителями и об их согласии (22).
Титул 9. Когда в силу действий опекуна или попечителя несовершеннолетние могут предъявить иск или быть ответчиками по иску (8).
Титул 10. Об опекунах и попечителях, не вишающих доверия (12).

Книга 27-я

- Титул* 1. Об освобождении от выполнения обязанностей опекуна и попечителя (46).
Титул 2. Где подопечный должен воспитываться или находиться и о содержании, которое должно быть ему предоставлено (6).
Титул 3. Об иске, вытекающем из опеки, иске о представлении опекуном отчета и об *actio utilis* в случае попечительства (25).
Титул 4. Об обратном иске, вытекающем из опеки, и об *actio utilis* (6).
Титул 5. О том, кто вел дела за опекуна или за попечителя (5).
Титул 6. Если указывается, что сделка совершена с утверждения лица, не являющегося опекуном (12).
Титул 7. О поручителях за опекунов и попечителей; о лицах, предложивших назначить данное лицо опекуном или попечителем и о наследниках опекунов и попечителей (8).
Титул 8. О предъявлении иска к магистратам (9).
Титул 9. О том, что вещи, находящиеся под опекой или попечительством, не должны быть отчуждаемы или закладываемы без декрета (14).

Титул 10. О попечителях, назначенных к безумному и к другим лицам, кроме несовершеннолетних (17).

Книга 28-я

- Титул 1. Кто может совершать завещания и каким образом завещания совершаются (31).
Титул 2. О назначении наследниками детей и детей, которые рождаются после смерти отца, и о лишении их наследства (32).
Титул 3. О завещании, совершенном и неправомерно, уничтоженном, недействительном (20).
Титул 4. О том, что вычеркнуто, затерто и надписано в завещании (4).
Титул 5. О назначении наследников (93).
Титул 6. Об обычай субституции и субституции при назначении наследника к сыну, если он умрет до достижения совершеннолетия (48).
Титул 7. Об условиях, под которыми назначаются наследники (28).
Титул 8. О праве обсуждения (11).

Книга 29-я

- Титул 1. О завещании воина (44).
Титул 2. О приобретении наследства и об отказе от наследства (99).
Титул 3. Каким образом завещания вскрываются и осматриваются и каким образом с них снимается копия (12).
Титул 4. Если кто-либо, не приняв наследства по завещанию, владеет наследством в порядке законного наследования или иным способом (30).
Титул 5. О Силаниаом и Клаудиаом сенатусконсультах и завещания каких лиц не вскрываются (27).
Титул 6. Если кто-либо препятствует другому совершить завещание или принудил (к совершению завещания) (3).
Титул 7. О праве кодициллов (20).

Книги 30, 31 и 32-я

Титул о легатах и фиденкомиссах (320).

Книга 33-я

- Титул 1. О легатах и фиденкомиссах, уплачиваемых ежегодно (25).
Титул 2. О предоставленных в качестве легата или фиденкомисса пользовании, узуфруке, доходе, жилье и услугах (43).
Титул 3. О предоставлении в качестве легата сервитута (7).
Титул 4. О приданом, завещанном в качестве прелегата (17).
Титул 5. О выборе, установленном в отношении предмета легата (22).
Титул 6. О предоставлении в качестве легата пшеницы, вина или масла (16).
Титул 7. О предоставлении в качестве легата снабжения или оборудования (29).

- Титул* 8. О предоставлении в качестве легата пекулия (26).
Титул 9. О предоставлении в качестве легата продовольствия (7).
Титул 10. О предоставлении в качестве легата предметов обихода (14).

Книга 34-я

- Титул* 1. О предоставлении в качестве легата содержания или съестных припасов (23).
Титул 2. О предоставлении в качестве легата золота, серебра, нарядов, украшений, мазей, платья или одежды и статуй (40).
Титул 3. О предоставлении в качестве легата освобождения (от обязательства) (31).
Титул 4. Об отмене легатов или фиденкомиссов или об их перенесении (на другое лицо) (32).
Титул 5. О сомнительных делах (29).
Титул 6. О завещательных распоряжениях, устанавливающих взыскание (2).
Титул 7. О Котоновом правиле (5).
Титул 8. О том, что считается ненаписанным (5).
Титул 9. О том, что отнимается, как от недостойных (26).

Книга 35-я

- Титул* 1. О включаемых в завещание условиях, определениях и об основаниях и о наказах (113).
Титул 2. К Фальцидиевому закону (96).
Титул 3. Если указывается, что кому-либо в качестве легата предоставлено больше, чем дозволяется в силу Фальцидиева закона (9).

Книга 36-я

- Титул* 1. К Требеллианову сенатусконсульту (85).
Титул 2. Когда возникает право на легаты или фидеикомиссы (31).
Титул 3. Должно быть предоставлено обеспечение выполнения легатов или фидеикомиссов (18).
Титул 4. Должно быть дозволено вступить во владение в целях исполнения легатов или фиденкомиссов (17).

Книга 37-я

- Титул* 1. О владении (наследственным) имуществом (16).
Титул 2. Если имеется завещание (1).
Титул 3. О предоставлении владения (наследственным) имуществом безумному, малолетнему, немому, глухому, слепому (2).
Титул 4. О владении (наследственным) имуществом вопреки завещанию (21).
Титул 5. О предоставлении легатов, когда владение (наследственным) имуществом истребовано вопреки завещанию (25).
Титул 6. О внесении в наследство полученного от наследодателя имущества (12).

- Титул 7.* О внесении приданого (9).
Титул 8. О соединении в качестве наследников с эманципированным (сыном) его детей (7).
Титул 9. О вводе во владение плода во чреве и о его попечителе (10).
Титул 10. О Карбониановом эдикте (16).
Титул 11. О владении (наследственным) имуществом согласно завещанию (12).
Титул 12. Если кто-либо освобожден из-под власти родителей (5).
Титул 13. О владении (наследственным) имуществом на основании завещания воина (7).
Титул 14. О праве патроната (24).
Титул 15. О послушании, которое должно быть оказываемо родителям и патронам (11).

Книга 38-я

- Титул 1.* Об услугах вольноотпущенников (51).
Титул 2. Об имуществе вольноотпущенников (51).
Титул 3. О вольноотпущенниках совокупности лиц (1).
Титул 4. О назначении вольноотпущенников детям патронов (13).
Титул 5. Если что-либо совершено для причинения ущерба патрону (13).
Титул 6. Если не осталось никакого завещания, где (имеются) дети (9).
Титул 7. Где (имеются) законные наследники (6).
Титул 8. Где (имеются) когнаты (наследователя) (10).
Титул 9. Об эдикте, касающемся вступления на место наследников (2).
Титул 10. О степенях родства и о свойственниках и об их наименованиях (10).
Титул 11. Где (имеются) муж и жена (1).
Титул 12. О наследовании после ветеранов и воинов (2).
Титул 13. Кому не принадлежит владение (наследственным) имуществом (1).
Титул 14. Да будет дано владение (наследственным) имуществом на основании законов или сенатусконсультов (1).
Титул 15. Какой порядок соблюдается при (предоставлении) владения (наследственным) имуществом (5).
Титул 16. О своих законных наследниках (16).
Титул 17. К Тертулианову и Орфицианову сенатусконсультам (10).

Книга 39-я

- Титул 1.* О возражении против возведения нового сооружения (23).
Титул 2. Об ущербе, который может произойти, и о навесах и балконах (48).
Титул 3. О воде и об удержаннии дождевой воды (26).
Титул 4. О публиканах и о податях и о переходе имущества в казну в случае неуплаты податей (16).
Титул 5. О дарениях (35).
Титул 6. О дарениях и приобретениях на случай смерти (44).

Книга 40-я

- Титул 1. Об освобождении (рабов) (26).
Титул 2. О (рабах), освобожденных посредством жезла (25).
Титул 3. Об освобождениях, предоставляемых рабам, принадлежащим совокупности (3).
Титул 4. О (рабах), освобожденных на основании завещания (61).
Титул 5. Об освобождениях, предоставляемых в силу фидеикомисса (56).
Титул 6. Об отмене предоставления свободы (1).
Титул 7. О рабах, подлежащих освобождению по истечении срока или при наступлении условия (42).
Титул 8. О (рабах), которые получают свободу без совершения освобождения (9).
Титул 9. О (рабах), которые, будучи освобождены, не становятся свободными и (о господах), которые, совершив освобождение, не делают (рабов) свободными, и к Элиеву-Сециеву закону (32).
Титул 10. О праве золотых перстней (6).
Титул 11. О восстановлении в положении свободнорожденного (5).
Титул 12. О судебных делах, касающихся свободы (44).
Титул 13. Кому не дозволяется просить о предоставлении ему свободы (5).
Титул 14. Если указывается, что (вольноотпущенник) является свободнорожденным (6).
Титул 15. По истечении пятилетия ие должно быть производимо расследование о (юридическом) положении умерших (4).
Титул 16. Об обнаружении тайного соглашения (5).

Книга 41-я

- Титул 1. О приобретении собственности на вещи (66).
Титул 2. О приобретении или утрате владения (53).
Титул 3. О перерывах давности и о давности (49).
Титул 4. О лице, владеющем как покупатель (14).
Титул 5. О лице, владеющем как наследник или как владелец (4).
Титул 6. О владении вещью как подаренной (6).
Титул 7. О владении вещью как оставленной (ее собствеником) (8).
Титул 8. О владении вещью, предоставленной в качестве легата (9).
Титул 9. О владении вещью как приданым (3).
Титул 10. О владении вещью как своей (5).

Книга 42-я

- Титул 1. О судебном решении и о действии решений и об определениях (64).
Титул 2. О лицах, учинивших признание (8).
Титул 3. Об уступке имущества (9).
Титул 4. По каким причинам производится ввод во владение (15).
Титул 5. О вещах, подлежащих передаче во владение или продаже по распоряжению судьи (39).
Титул 6. Об отделении (7).

- Титул 7.* О назначении попечителя над имуществом (5).
Титул 8. Да будет восстановлено то, что совершено в ущерб кредиторам (25).

Книга 43-я

- Титул 1.* Об интердиктах или о чрезвычайных исках, которые предлагаются вместо них (5).
Титул 2. Об интердикте Quocum bonorum (2).
Титул 3. Об интердикте Quod legatorum (2).
Титул 4. Да не будет причинено насилия тому, кто будет введен во владение (4).
Титул 5. О предъявлении завещания (5).
Титул 6. Да не будет что-либо сделано в священном месте (3).
Титул 7. Об общественных местах и путях (3).
Титул 8. Да не будет что-либо сделано в общественном месте или на общественном пути (7).
Титул 9. Об извлечении плодов из общественного места (2).
Титул 10. Об общественной дороге, и если что-либо на ней совершено (1).
Титул 11. Об исправлении общественной дороги и общественного пути (3).
Титул 12. О реках. Да не совершится что-либо на общественной реке или на ее берегу, вследствие чего затрудняется плавание (4).
Титул 13. Да не совершится что-либо в общественной реке, в силу чего вода будет течь иначе, и чем текла в предыдущие лета (1).
Титул 14. Да будет дозволено судоходство на общественной реке (1).
Титул 15. О береге, который должен быть укреплен (1).
Титул 16. О насилии и о насилии с оружием (20).
Титул 17. Как вы владеете (4).
Титул 18. О суперфициях (2).
Титул 19. О частной дороге (7).
Титул 20. О воде повседневной и летней (8).
Титул 21. О сооружениях для проведения воды (4).
Титул 22. Об источниках (1).
Титул 23. О клоаках (2).
Титул 24. Что силой или тайно (22).
Титул 25. О прекращении претором протеста против возведения нового сооружения (1).
Титул 26. О прекарии (22).
Титул 27. О деревьях, подлежащих рубке (2).
Титул 28. О сборе желудей (1).
Титул 29. О свободном человеке, подлежащем освобождению (4).
Титул 30. О детях, подлежащих предъявлению и уводу (5).
Титул 31. У кого из двух (1).
Титул 32. О переходе (2).
Титул 33. О Сальвиановом интердикте (2).

Книга 44-я

- Титул 1.* О процессуальных возражениях и предварительных решениях (24).

- Титул** 2. О процессуальном возражении о том, что данное дело уже разрешено судом (31).
- Титул** 3. О различных возражениях о давности и о приращении владения (16).
- Титул** 4. О процессуальном возражении о злом умысле и о страхе (17).
- Титул** 5. По каким делам не предоставляется иска (2).
- Титул** 6. О вещах, о которых ведется спор (3).
- Титул** 7. Об обязательствах и исках (61).

Книга 45-я

- Титул** 1. О словесных обязательствах (141).
- Титул** 2. О двух лицах, стягивающих или дающих обещание (19).
- Титул** 3. О стипуляции рабов (40).

Книга 46-я

- Титул** 1. О поручителях и о лицах, давших поручение произвести платеж или дать поручительство (73).
- Титул** 2. О иновациях и возложении долга на другое лицо (34).
- Титул** 3. О погашении обязательств и об освобождении от ответственности (108).
- Титул** 4. О заявлении о получении исполнения (23).
- Титул** 5. О преторских стипуляциях (11).
- Титул** 6. Имущество подопечного или юного должно быть в целости (12).
- Титул** 7. Судебное решение должно быть выполнено (21).
- Титул** 8. О том, что дело должно получить одобрение, и об одобрении (26).

Книга 47-я

- Титул** 1. О частных деликтах (3).
- Титул** 2. О воровстве (93).
- Титул** 3. О бревне, использованном для чужой постройки (2).
- Титул** 4. Если тот, кто должен получить свободу в силу завещания, совершил после смерти господина и до принятия наследства похищение чего-либо или уничтожение чего-либо (3).
- Титул** 5. Об иске, вытекающем из воровства, против хозяев кораблей, гостиниц и постоянных дворов (1).
- Титул** 6. Если указывается, что совершили воровство рабы (6).
- Титул** 7. (Об иске) о срубленных воровским образом деревьях (12).
- Титул** 8. (Об иске, возникающем вследствие) захвата имущества путем насилия и о смятении (6).
- Титул** 9. (О грабеже) при пожаре, разрушении, кораблекрушении или насильственном овладении плотом или кораблем (12).
- Титул** 10. Об обидах и оскорбительных письмах (45).
- Титул** 11. О чрезвычайных преступлениях (11).
- Титул** 12. Об осквернении гробницы (11).
- Титул** 13. О вымогательстве (2).
- Титул** 14. О похитителях скота (3).

- Титул 15.* О сговоре обвинителя с обвиняемым (7).
Титул 16. Об укрывателях (2).
Титул 17. О ворах в банях (3).
Титул 18. О взломщиках и расхитителях имущества (2).
Титул 19. (Об иске) о расхищенном наследстве (6).
Титул 20. Стеллионат (4).
Титул 21. О перемещении пограничных знаков (3).
Титул 22. О коллегиях и союзах (4).
Титул 23. Об исках, которые может предъявить каждый (8).

Книга 48-я

- Титул 1.* О государственных уголовных судах (14).
Титул 2. Об обвинениях и письменных заявлениях об обвинениях (22).
Титул 3. О содержании обвиняемых под стражей и о предъявлении их (14).
Титул 4. К Юлиеву закону о величине (11).
Титул 5. К Юлиеву закону о наказании прелюбодеяний (45).
Титул 6. К Юлиеву закону о публичном насилии (12).
Титул 7. К Юлиеву закону о частном насилии (8).
Титул 8. К Корнелиеву закону об убийцах и отправителях (17).
Титул 9. О Помпеевом законе об убийстве родичей (10).
Титул 10. О Корнелиевом законе о подлогах и о Либониановом сенатусконсульте (33).
Титул 11. О Юлиевом законе о лихоимстве (9).
Титул 12. О Юлиевом законе о хлебе (3).
Титул 13. К Юлиеву закону о посягательстве на государственное имущество и об осквернителях святыни и об остатках (16).
Титул 14. О Юлиевом законе о снискивании должностей (1).
Титул 15. О Фабиевом законе о похитителях людей (7).
Титул 16. К Турпиллианову сенатусконсульту и о прекращении обвинений в совершении преступлений (18).
Титул 17. О вызове обвиняемых или об осуждении отсутствующих (5).
Титул 18. О пыточных допросах (22).
Титул 19. О наказаниях (43).
Титул 20. Об имуществе осужденных (11).
Титул 21. Об имуществе тех, которые до вынесения решения или лишили себя жизни или подкупили обвинителя (3).
Титул 22. О лицах, которые подверглись запрещению и высланных или сосланных (17).
Титул 23. О лицах, которые подвергнуты решению и которые восстановлены (4).
Титул 24. О трупах наказанных (3).

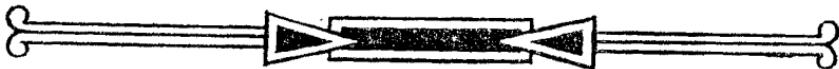
Книга 49-я

- Титул 1.* Об апелляциях и докладах (28).
Титул 2. На чьи решения не дозволяется апеллировать (2).
Титул 3. Кому на кого приносится апелляция (3).
Титул 4. Когда нужно приносить апелляцию и в какие сроки (3).

- Титул 5.* О подлежащих принятию апелляциях или о неподлежащих (7).
- Титул 6.* Об отсылочных документах, называемых «апостолами» (1).
- Титул 7.* Ничего не должно быть изменяено после принесения апелляции (1).
- Титул 8.* Какие решения отменяются без апелляции (3).
- Титул 9.* Могут ли апелляционные дела производиться через посредство другого лица (2).
- Титул 10.* Если апеллирует тот, и кто избран опекуном или попечителем, или магистратом (2).
- Титул 11.* Тот, кто апеллировал, должен защищать себя в провинции (2).
- Титул 12.* Следует припуждать, чтобы иное дело велось у того, на чье решение принесена апелляция (1).
- Титул 13.* Если по рассмотрении апелляции наступила смерть (1).
- Титул 14.* О праве фиска (50).
- Титул 15.* О пленных и о возвращении на родину из плена и о выкупленных от врагов (30).
- Титул 16.* О военном деле (16).
- Титул 17.* О военном пекулии (20).
- Титул 18.* О ветеринах (5).

Книга 50-я

- Титул 1.* О гражданах муниципии и о жителях (38).
- Титул 2.* О декурионах и их сыновьях (14).
- Титул 3.* О составлении списка (2).
- Титул 4.* Об обязанностях и почетных должностях (18).
- Титул 5.* Об освобождении от выполнения повинностей и об отказе от них (14).
- Титул 6.* О праве иммунитета (7).
- Титул 7.* О посольствах (18).
- Титул 8.* Об управлении имуществами, принадлежащими общим (13).
- Титул 9.* О декретах, издаваемых советом (6).
- Титул 10.* О государственных сооружениях (7).
- Титул 11.* О ярмарках (2).
- Титул 12.* Об обещаниях (15).
- Титул 13.* О различных и чрезвычайных разбирательствах, и если указывается, что судья постановил неправосудное решение (6).
- Титул 14.* О вознаграждении посредников (3).
- Титул 15.* О цензах (8).
- Титул 16.* О значении слов (246).
- Титул 17.* О различных правилах древнего права (211).

УКАЗАТЕЛЬ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

A. Советская литература

- Гемп А. Г., Трибуларии и инквилины поздней Римской империи, ВДИ¹ 1954 г. № 4.
- История древнего мира. Учебник для учительских институтов, под. ред. В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского, 1952.
- История средних веков, т. 1, под ред. Е. А. Косьминского и С. Д. Сказкина, 1952.
- Каждан А. П., О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи, ВДИ 1953 г. № 3.
- Ковалев С. И., История Рима, 1948.
- Корсунский А. Р., Honestiores и humiliores в законодательных памятниках Римской империи, ВДИ 1950 г. № 1.
- Корсунский А. Р., О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V веках, ВДИ 1954 г. № 2.
- Левченко М. В., История Византии. Краткий очерк, 1940.
- Левченко М. В., Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв., «Византийский сборник», 1945.
- Левченко М. В., Статья к переводу Агафия «О царствовании Юстиниана», 1953.
- Машкин Н. А., История древнего Рима, 1949.
- Островитянов К. В., Очерки экономики докапиталистических формаций, 1945.
- Перетерский И. С., Древний Рим (вып. II части I Всеобщей истории государства и права), 1945.
- Политическая экономия, учебник, 1954.
- Ранович А., Восточные провинции Римской империи в I—III вв., 1949.
- Ранович А., Колонат в римском законодательстве II—V вв., ВДИ 1951 г. № 1.
- «Римское частное право», учебник, под ред. И. Б. Новицкого и И. С. Перетерского, 1948.
- Рогинская А. Е., Юстиниан в сборнике «Книга для чтения по истории средних веков», ч. I, изд. 3-е, 1951.

¹ Буквы ВДИ означают «Вестник древней истории».

«Сборник документов по социально-экономической истории Византии», 1951.

Сюзюмов М. Я., О социальной сущности законодательства, «Василик», «Византийский Временник», т. VI, 1953.

Сюзюмов М. Я., К вопросу о процессе феодализации в Римской империи, ВДИ 1955 г. № 1.

Тарков П. Н., К истории международных отношений в античном мире, ВДИ 1950 г. № 2.

Удальцова З. В., Вступительная статья к сочинению Прокопия из Кесарии — «Война с готами», 1950.

«Хрестоматия по истории древнего мира», под ред. В. В. Струве, т. III, 1953.

Штаерман Е. М., Рабство в III—IV вв. н. э. в западных провинциях Римской империи, ВДИ 1951 г. № 2.

Штаерман Е. М., Проблема падения рабовладельческого строя, ВДИ 1953 г. № 2.

Венедиков П. и Андреев М., Римское право, София, 1949.

Б. Дореволюционная и иностранная литература

Агапий, О царствовании Юстиниана, русский перевод со статьей М. В. Левченко, 1953.

Заревич Д., История византийского права, т. I, 1876.

Безобразов П. В., Очерки византийской культуры, 1919.

Барон, Система римского гражданского права, вып. I, 1909.

Болотов В. В., Лекции по истории древней церкви, т. III, 1913.

Брунс-Ленель, Внешняя история римского права, 1904.

Васильев А. А., Лекции по истории Византии, т. I, 1917.

Гримм Д. Д., Лекции по догме римского права, изд. 5-е, 1916.

Диль, Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке, 1908.

Диль, История Византийской империи, 1948.

Кипп, История источников римского права, 1908.

Колотинский Н. Д., История римского права, 1911.

Муромцев С. А., Очерки общей теории гражданского права, 1877.

Муромцев С. А., Гражданское право древнего Рима, 1883.

Мухин Н., Отношение христианства к рабству в Римской империи, 1916.

Очерки по истории Византии, под ред. и с предисловием В. Н. Бенешевича, 1912 (четыре выпуска: переводы работ — Гельцера, Очерк политической истории Византии; Бьюти, Государственный строй Византийской империи; Гельцер, Очерки культурной истории Византии; Крумбахер, Византийские историки и хронисты).

Петражицкий Л. И., Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права, изд. 2-е, 1902.

Покровский И. А., История римского права, изд. 3-е, 1917.

«Прокопий из Кесарии». «Война с готами», русский перевод и вступительная статья З. В. Удальцовой, 1950.

Пухта, История римского права. Курс Институций, т. I, 1863.

Пухта, Курс римского гражданского права, т. I, 1874.

Синайский В. И., История источников римского права, 1911.

Успенский К. Н., Очерки по истории Византии, ч. I, 1917.

Успенский Ф. И., История Византийской империи, т. I (год не обозначен — 1912?).

Хвостов В. М., История римского права, изд. 7-е, 1919.

Хвостов В. М., Опыт характеристики понятия *Aequitas* и *Aequum ius* в римской классической юриспруденции, 1895.

Шестаков Ф., Лекции по истории Византии, ч. I, изд. 2-е, 1915.

Шулии, Учебник истории римского права, 1893.

Bluhme, Die Ordnung der Fragmente in die Pandektentiteln. B «Leitschrift für Geschichte. Rechtswiss», 1820.

Boissier, La fin du paganisme, t. I, 1909.

Bonfante, Histoire du droit Romain. Пер. с итальянского, т. II, Париж, 1928.

Brinz, Lehrbuch der Pandekten, ч. I, Aufl. 3, 1884.

Buckland, A text-book of Roman law from Augustus to Justinian, ed. 2, 1932.

Buckland, A manual of Roman Private law, ed. 2, 1947.

Collinet, Etudes historiques sur le droit de Justinien, t. I. Le Caractère oriental de l'oeuvre législative de Justinian et les destinées des institutions.

Classiques en Occident, 1912.

Costa, Storia delle fonti del Diritto Romano, 190.

Cug, Manuel des institutions juridiques des Romains. ed. 2, 1928.

Dernburg Pandekten, B. I, Aufl. 6, 1900.

Ehrenzweig, Die Compilation der Digesten Justinians в «Gründungs Zeitschrift», 28, 1901.

Eisele, Zur Latinität Justinians в сб. «Beiträge zur Römischen Rechtsgeschichte,» 1896.

Giffard, Précis du droit Romain, t. I, 1938.

Girard, Manuel élémentaire du droit Romain, ed. 8-е (Senn), 1929. Heilbron, Römische Rechtsgeschichte und System des Römischen Privatrechts, Aufl. 6, 1908.

Hofmann, Die Compilation der Digesten Justinians, 1900.

Jörs, Digesten. Статья в Pauly (Wissowa) Real Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, 9-й полутом, 1903, 484—543.

Jörs, Geschichte und System des römischen Privatrechts, 1927.

Kalb, Römis Juristen nach ihrer Sprache dargestellt, 1890.

Karlowa, Römische Rechtsgeschichte, B. I, 1885.

Koschaker, Europa und das Römische Recht, 1947.

Krüger, Geschichte der Quellen und Litteratur des Römischen Rechts, 1888.

Kühlenbeck, Die Entwicklungsgeschichte des Römischen Rechts, B. I, Römische Rechtsgeschichte, 1913.

Lenei, Palingenesia iuris civilis (2 тома), 1889.

Mackintosh, Roman law in modern practice, 1934.

Mitteis, Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des Römischen Kaiserreichs, 1891.

Monier, Manuel élémentaire du droit Romain, t. I, éd. 5, 1945.

Mortreuil, Histoire du droit Byzantin ou du droit Romain dans l'empire d'Orient, t. I, 1843.

Muirhead, A outline of Roman law, éd. 2, 1947.

Peters, Die oströmischen Digestenkommentare und die Entstehung der Digesten. B «Bericht der Sächs. Gesellschaft der Wissenschaften». Philhist. Kl. 1913, N 1.

Regelsberger, Pandekten, B. I, 1893.

Savigny, System des heutigen Römischen Rechts, B. I, 1840.

Schulz, Principles of Roman law, 1936.

Schulz, History of Roman legal science, 1941.

Sohm, Geschichte und System des Römischen Privatrechts, Aufl. 13, 1908.

